

В. Н. Балязин

Неофициальная история России. Россия против Наполеона

АЛЕКСАНДР I. КАНУН ВЕЛИКОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ

Попытки искупления смертного греха

Первые минуты и часы царствования Александра оказались одними из самых трагических в его жизни. Пален прошел рядом с ним по коридорам ночного Михайловского замка, заполненным пьяными, возбужденными, громко говорящими офицерами. Некоторые из них держали в руках горящие факелы, и кровавый отсвет огня должен был показаться двадцатитрехлетнему Александру, трепещущему, близкому к обмороку, зловещим.

Когда они вошли в спальню Павла, Александру бросилось в глаза обезображенное ударами сапог лицо мертвого отца. Его потрясло то, что он увидел, но еще более – коварство и безжалостность, с какой все было проделано. Он думал, что отца только арестуют, а вместо этого его убили, причем жестоко, нисколько не думая о сыновних чувствах Александра, в глубине души все же любившего отца.

Еще раз взглядевшись в синее, распухшее лицо покойного, Александр вскрикнул и, потеряв сознание, упал на спину, сильно стукнувшись головой о паркет.

Когда слух об убийстве Павла дошел до Марии Федоровны, она выбежала из своих покоев, не владея собой от гнева и отчаяния, и явилась перед заговорщиками. Ее крики разносились по всем коридорам. Увидев гренадер, она несколько раз повторила им: «Итак, нет больше императора, он пал жертвой изменников. Теперь я – ваша императрица, я одна ваша законная государыня, защищайте меня, идите за мной!». Беннигсен и Пален с большим трудом увели Марию Федоровну в ее комнаты, но она снова пыталась выбежать в коридор, решив захватить власть и отомстить за убийство мужа. Однако часовые скрестили оружие, и императрица, рыдая, отошла от двери в глубь своих апартаментов.

Адам Чарторыйский писал: «Я никогда ничего не слышал о первом свидании матери и сына после совершенного преступления. Что говорили они друг другу? Какие могли они дать объяснения по поводу того, что произошло? Позже они поняли и оправдали друг друга, но в эти первые страшные минуты император Александр, уничтоженный угрызениями совести и отчаянием, казалось, был не в состоянии произнести ни одного слова или о чем бы то ни было думать. С другой стороны, императрица, его мать, была в исступлении от горя и злобы, лишавших ее всякого чувства меры и способности рассуждать.

Из членов императорской фамилии среди ужасного беспорядка и смятения, царивших в эту ночь во дворце, только одна молодая императрица, по словам всех, сохранила присутствие духа. Император Александр часто говорил об этом. Она не оставляла его всю ночь и отходила от него лишь на минуту, чтобы успокоить свекровь, удержать ее в ее комнатах. Она явилась тогда посредницей между мужем, свекровью и заговорщиками и старалась примирить одних и утешить других».

Александр, после того как очнулся от обморока, оказался близок к помешательству. Он плакал, ломал руки, обвиняя заговорщиков в обмане и предательстве. Себя же считал жертвой кровавого плутовства, низкого коварства, обернувшегося смертью любимого отца, которого он хотел всего лишь взять под опеку, поселив в Михайловском замке и предоставив ему для прогулок расположенный по соседству Летний сад.

Но его обманули. Отец был мертв. Содеянного поправить было нельзя, и рационализм в конце концов взял верх над эмоциями – холодный рассудок Александра победил горячее сердце.

Во втором часу ночи Александр вышел к преображенцам и семеновцам, все еще стоявшим в карауле, после короткого разговора сел в сани и уехал в Зимний дворец.

Первым вызвал он Дмитрия Прокофьевича Трощинского – одного из статс-секретарей Екатерины II. Крепко обняв его, Александр сказал: «Будь моим руководителем». И тут же поручил написать Манифест о своем вступлении на престол.

В Манифесте говорилось: «Судьбам Всевышнего угодно было прекратить жизнь любезного родителя нашего, Павла Петровича, скончавшегося скоропостижно апоплексическим ударом в ночь с 11 на 12 марта». Далее в Манифесте обещалось управлять страной «по законам и по сердцу в Бозе почивающей Августейшей бабки нашей государыни императрицы Екатерины Великой».

Утром 12 марта в Зимнем дворце, а также во всех церквях, полках, присутственных местах, куда успел дойти Манифест, состоялись церемонии присяги новому императору.

Люди ликовали, но сам Александр был мрачен, говоря при случае, что царскую власть принимает как тяжкое бремя и будет нести как крест, ибо такую судьбу уготовило ему провидение самим фактом рождения. Между тем, среди забот о присяге и предстоящих похоронах отца Александр не забыл сразу же послать вслед корпусу Платова фельдъегеря, который должен был остановить и повернуть назад изнемогающее от холодов и бездорожья войско.

Забегая чуть вперед, скажем, что через одиннадцать дней гонец настиг донцов на реке Ирғиз, в селе Мечетном Вольского уезда Саратовской губернии. Услышав о возвращении на

родину, казаки ликовали так, будто их забирали из преисподней в рай.

На четвертый день царствования Александр объявил амнистию для пятисот тридцати шести человек. Лишенные дворянства и чинов были возведены в прежнее достоинство, всем им, в том числе и скрывавшимся в эмиграции, было разрешено жить где угодно, причем устранялся существовавший ранее полицейский надзор.

В первые же недели были возвращены на службу либо вознаграждены пенсиями более двенадцати тысяч офицеров, генералов и чиновников, а 2 апреля была упразднена и Тайная экспедиция.

Произошли перемены и в высших эшелонах власти. Д. П. Трошинский был назначен «состоять при особе Его Величества у исправления дел, по особой доверенности государя на него возложенных». В должности статс-секретаря при нем был определен статский советник Михаил Михайлович Сперанский, вскоре начавший играть важную роль в государственных делах.

Весь март и апрель были ознаменованы множеством новых законоположений, либерализовавших жизнь России, отменявших указы Павла и восстанавливавших различные привилегии, некогда дарованные Екатериной II.

23 марта в Петропавловском соборе был погребен Павел I. За несколько дней до этого гроб с телом был выставлен для прощания на таком высоком помосте, что нельзя было разглядеть лица покойного. К тому же придворные врачи и косметологи так поработали над обезображенным лицом покойного, что Павел, если бы даже и был виден проходившим мимо него, все равно едва ли был бы ими узнан.

Сбор молодых друзей

Случилось так, что в момент дворцового переворота из близких Александру людей рядом с ним был только один Павел Александрович Строганов, присутствовавший, кстати, вечером 11 марта на последнем ужине Павла в Михайловском замке. В. П. Кочубей был в Дрездене, Адам Чарторыйский – в Неаполе, Н. Н. Новосильцев – в Англии. Узнав о событиях в Петербурге, все они поспешили к Александру и вскоре были на месте. Они ехали к Александру, влекомые не только искренним сочувствием, но и ясно осознанной необходимостью помочь ему, ибо он находился в обстановке весьма нелегкой.

Вот что писал Адам Чарторыйский, приехавший в Петербург летом 1801 года: «В момент моего приезда Петербург был похож на море, еще волновавшееся после сильной бури и едва начинавшее медленно затихать... Среди смятений и волнений, царивших в первые дни после катастрофы, Пален намеревался захватить бразды правления. Он хотел к важным обязанностям петербургского генерал-губернатора прибавить еще и обязанности статс-секретаря по иностранным делам. Его подпись стоит на официальных заявлениях, изданных тогда, в первые минуты. Он притязал на то, чтобы ничто не делалось без его разрешения и помимо него. Он принял вид покровителя молодого императора и делал ему сцены, когда тот не сразу соглашался на то, чего он желал, или, вернее, к чему хотел принудить государя.

Уже поговаривали, что Пален стремится занять пост министра двора. Подавленный скорбью, полный отчаяния, замкнувшийся со всею своей семьей во внутренних покоях дворца, император Александр оказался во власти заговорщиков. Он считал себя вынужденным щадить их и подчинять свою волю их желаниям».

Однажды Александр пожаловался на свое тяжелое положение генерал-прокурору Сената Балашову – человеку прямому, честному, бесхитростному и справедливому. Балашов пришел в недоумение и с солдатской прямоотой сказал: «Когда мухи жужжат вокруг моего носа, я их прогоняю».

Александр тут же подписал указ, предписывающий Палену покинуть Петербург в двадцать

четыре часа, и Балашов вручил его адресату. Пален повиновался и немедленно уехал в свои остзейские поместья.

В августе, после шестилетней разлуки, приехал из Швейцарии и Лагарп. Молодые друзья Александра по приезду в Петербург образовали тесный кружок единомышленников – «Негласный комитет», занимавшийся реформой управления империей, но так и не доведший дело до конца.

Александр и «Негласный комитет»

Изменилась не только внутренняя, но и внешняя политика России. 5 июля 1801 года Александр приказал разослать главам российских дипломатических миссий при важнейших европейских дворах инструкцию, в которой говорилось: «Я не вмешуюсь во внутренние несогласия, волнующие другие государства; мне нет нужды, какую бы форму правления ни установили у себя народы, пусть только руководствуются в отношении к моей империи тем же духом терпимости, каким руководствуюсь и я, и мы останемся в самых дружественных отношениях». Руководствуясь провозглашенным принципом, Александр отказался от титула великого магистра Мальтийского ордена, оставшись его протектором, что позволило уже в начале июня подписать в Петербурге Конвенцию о дружбе между Россией и Англией. Еще раньше, 10 мая, были восстановлены дипломатические отношения с Австрией. В Вене послом вновь стал А. К. Разумовский. 26 сентября в Париже состоялось подписание мира с Францией.

Печальная коронация

Продлав за короткое время большую работу и в области политики внутренней, и в области политики внешней, Александр одновременно подготовился и к акту коронации. Огромный коронационный поезд прибыл в Москву 5 сентября 1801 года. Остановившись на трое суток в загородном Петровском дворце, Александр и Елизавета Алексеевна 8 сентября торжественно въехали в Первопре-

стольную. 9 сентября Александр отправился верхом на коне на прогулку. Лишь только он появился на Тверской, москвичи кинулись к нему, осыпая поцелуями его сапоги и стремяна его коня.

15 сентября, в воскресенье, в Успенском соборе митрополит Платон, четыре года назад короновавший Павла, возложил императорскую корону на голову Александра.

Однако почти все, кто сопровождал нового императора в его поездке в Москву, единодушно отмечали, что ни разу не видели его радостным, а тем более смеющимся. Он был постоянно задумчив, почти всегда печален, и улыбаться заставлял себя чаще всего из-за обстоятельств дворцового этикета.

Мысли об убитом отце не оставляли

Александра ни на минуту, ибо в Москве, где он был с ним совсем недавно, все напоминало ему о Павле. И уж буквально каждый момент коронационных торжеств, каждый шаг по Кремлю, точно по тому же маршруту, по какому четыре года назад шел он вместе с покойным ныне отцом, вызывали в памяти предыдущую коронацию. Раскаяние и благочестивые добрые намерения Александра выразились и в том, что именно в эти же дни был издан указ о пересмотре старых уголовных дел и отмене пыток.

Политика первых трех лет царствования

Важнейшими из внутренних дел в то время были отношения с Грузией и смена руководства в Коллегии иностранных дел. Был подписан Манифест о присоединении Грузии к России, и состоялось назначение на пост канцлера Василия Павловича Кочубея, пришедшего на место уволенного Н. П. Панина.

Так, еще один руководитель заговора ушел в политическое небытие, уступив место новому человеку из числа членов «Негласного комитета».

Тридцатитрехлетний Кочубей был решительным сторонником нейтральной, независимой России, которая, по его мнению, не должна была связывать себя никакими военными союзами.

В записке, поданной Александру, Кочубей писал: «Россия достаточно велика и могущественна пространством, населением и положением, она безопасна со всех сторон, лишь бы сама оставляла других в покое. Она слишком часто и без малейшего повода вмешивалась в дела, прямо до нее не касавшиеся. Никакое событие не могло произойти в Европе без того, чтобы она не предъявила притязания на участие в нем. Она вела войны бесполезные и дорого ей стоившие. Благодаря счастливому своему положению император может пребывать в дружбе с целым миром и заняться исключительно внутренними преобразованиями, не опасаясь, чтобы кто-либо дерзнул потревожить его среди этих благородных и спасительных трудов.

Внутри самой себя предстоит России совершить громадные завоевания, установив порядок, бережливость, справедливость во всех концах обширной империи, содействуя процветанию земледелия, торговли и промышленности. Какое дело многочисленному населению России до дел Европы и до войн, из нее проистекающих? Она не извлекла из них ни малейшей пользы».

Однако концепция Кочубея не просуществовала и года: 20 мая 1802 года Александр отправился в свою первую заграничную поездку – в Пруссию, где правил Фридрих-Вильгельм III. Во время этого визита между русским императором и прусской королевской четой установилась прочная и нежная дружба, которая впоследствии стала одним из побудительных мотивов вступления России в войну с Наполеоном.

Александр приехал в Мемель 10 июня, а уехал 16 июля, но всего за одну неделю он буквально свел с ума синеокою двадцатилетнюю красавицу-королеву, в свою очередь пленившую царя восторженностью души и вспышками веселого кокетства, сочетавшимися с глубокой заинтересованностью сложными проблемами жизни и редкостной начитанностью. Несмотря на молодость (царь был на год моложе Луизы), Александр пустил в ход все: пламенную мечтательность, которая выходила у него такой естественной, хотя никогда не была искренней, желание послужить идеалам человечности, пылкое стремление к славе, намерение стать на защиту угнетенной Европы, готовность каждый момент спешить на помощь последним из последних, забыв о своем высоком сане, повинувшись только чувству гуманности. Это была тонкая игра со стороны «прельстителя». Она достигла цели.

Чарторыйский, четыре года спустя, писал Александру: «Интимная дружба, которая связала Ваше Императорское Величество с королем после нескольких дней знакомства, привела к тому, что Вы перестали рассматривать Пруссию как политическое государство, но видели в ней дорогую Вам особу, по отношению к которой признавали необходимым руководствоваться особыми обязательствами». Но до войны из-за Пруссии, или тем более в пользу Пруссии, дело пока еще не дошло, Александр все еще оставался верен идее превращения России в правовое либеральное государство в духе тех идей, которые внушил ему Лагарп, хотя практика государственного управления часто показывала утопичность такого подхода к внутренним российским делам.

Поздней осенью 1803 года в Петербург из своего имения Грузино вернулся по вызову Александра Аракчеев, а 3 декабря того же года «Негласный комитет» собрался на свое последнее заседание.

В этих двух событиях современники увидели знамение того, что недолгая эпоха либерализма закончилась, не протянув и трех лет.

Черное солнце Аустерлица

2 августа 1802 года Наполеон Бонапарт был объявлен пожизненным консулом Франции, а 6 мая 1804 года бывший генерал республики принял титул императора французов, тем самым дав понять, что ничья воля, кроме его собственной, не является для него законом. Человек, проявивший способности великого полководца и получивший практически неограниченную власть, стал реальной угрозой для всей монархической Европы, и она приняла брошенный ей вызов.

В это же время русская внешняя политика принимает откровенно антифранцузский характер. Недолго занимавший пост канцлера, А. Р. Воронцов 16 января 1804 года уступил его А. Чарторыйскому, который, возглавив российское внешнеполитическое ведомство, начал действовать прежде всего в интересах своей родины – Польши. Составной частью плана Чарторыйского стало создание новой антифранцузской коалиции. К осени 1805 года в нее вошли Россия, Австрия, Швеция и Англия, а 9 сентября впервые после Петра Великого русский император выехал к армии, стоявшей на границе с Австрией. По дороге Александр заехал в имение Чарторыйского Пулевы, где, каждодневно очаровывая польское общество, говорил о восстановлении независимости Польши и о своей неизменной любви к этой стране. Отсюда он поехал в Берлин – на переговоры о присоединении к коалиции Пруссии, а затем на свидание с императором Австрии Францем – в Ольмюц. После этого Александр прибыл в объединенную союзную русско-австрийскую армию, стоявшую под командованием М. И. Кутузова на северном берегу Дуная.

16 ноября под Вишау Александр впервые оказался на поле боя, пока еще только наблюдая столкновение противоборствующих сторон. Сражение оказалось удачным для союзников – атака неприятеля была отбита, французы отступили, в плен попали пятьсот неприятельских солдат и офицеров.

Александр объехал поле боя верхом, разглядывая в лорнет, как мучаются раненые и недвижно застыли убитые. Он был потрясен и напуган увиденным и распорядился помочь всем раненым, независимо от того, были они своими или чужими. Зрелище людских страданий оказалось для него настолько непереносимым, что он ничего не ел весь оставшийся день, а к ночи заболел и слег в постель.

Тем не менее успех под Вишау воодушевил Александра, и когда в его ставку прибыл посланец Наполеона с предложением провести переговоры о перемирии, просьба была отклонена.

В полночь на 20 ноября в штабе Кутузова в Крженовице состоялся союзный военный совет, на котором, вопреки воле главнокомандующего, под давлением Александра и австрийского императора Франца было принято решение утром следующего дня начать генеральное сражение.

На рассвете 20 ноября Наполеон, не дав союзникам выстроиться в боевые порядки, стремительно атаковал их у деревни Аустерлиц. Кутузов был при четвертой колонне русских войск, остановившейся на господствующих над местностью Праценских высотах. Солдаты этой колонны не только остановились, но и составили ружья в козлы.

Александр подъехал к Кутузову и спросил:

– Михаила Ларионыч, почему не идете вперед?

– Я поджидаю, чтобы все войска колонны подсобрались.

– Ведь мы не на Царицыном лугу, где не начинают парада, пока не придут все полки! – возразил Александр.

– Государь, потому-то я и не начинаю, что мы не на Царицыном лугу. Впрочем, если прикажете...

Император приказал, колонна сошла вниз, и тут-то Наполеон немедленно занял Праценские высоты, расположил на них множество орудий, начал наступление. К вечеру он наголову

разгромил союзников.

Легенда Жастчанского пруда

Аустерлицкое сражение состояло из множества эпизодов разных по своей значимости. Одним из наиболее трагических его моментов традиционно считался тот, когда Наполеон, разбив союзных России австрийцев, загнал русские войска на замерзшие пруды и приказал стрелять по ним ядрами. В результате лед, не выдержав бомбардировки и тяжести сотен солдат, провалился, и русские повторили участь немцев, погибших подо льдом Чудского озера.

Такая версия встречается у многих историков – русских, австрийских, английских, французских. Родоначальником такой версии был сам Наполеон и многие лица из его ближайшего окружения – адъютанты Марселей-де-Марбо и граф Сегюр, другие генералы и офицеры.

Однако такого эпизода не было.

Разгромив русских, Наполеон, опасаясь возникновения эпидемии, приказал спустить Жастчанский пруд, на льду которого якобы произошла эта катастрофа. И когда приказ его был выполнен, на дне пруда оказались трое русских солдат, убитых пулями.

Но легенда эта, несмотря ни на что, живуча до сих пор.

Безутешный отец

У Кутузова было пять дочерей. Он любил их всех, однако более других любил Лизаньку. И к зятям своим относился с любовью, однако более всех любил мужа Лизаньки – полковника и флигель-адъютанта – графа Фердинанда Тизенгаузена. Он даже называл его своим сыном, сокрушаясь, что собственного сына «заспала» кормилица, когда мальчику не было еще и года.

Любимый зять Кутузова был убит под Аустерлицем в роковой для русских день – 20 ноября 1805 года. Адъютант, доложивший об этом главнокомандующему Кутузову, был поражен, насколько равнодушно воспринял его сообщение руководивший сражением Михаил Илларионович. Он даже вначале подумал, что Кутузов не расслышал, о чем он говорил.

На следующий день, когда русская армия отступала, этот же офицер увидел, как рядом с телегой, на которой лежал мертвый граф Тизенгаузен, шел плачущий старик Кутузов и, держась за облучок, что-то тихо шептал, ни на кого не обращая внимания. И тогда пораженный этим адъютант подошел к Кутузову и, желая ободрить и утешить его, сказал:

– Ваше высокопревосходительство! Вчера вы так мужественно перенесли удар!

– Вчера я был главнокомандующим, – ответил Кутузов. – Сегодня я – безутешный отец.

Плачущий император

В этом сражении Александр увидел войну с другой стороны. Рядом с ним убило двух лошадей – лейб-медика Виллие и его собственную запасную лошадь, – а его самого разорвавшееся в двух шагах ядро осыпало землей.

При отступлении, больше напоминавшем паническое бегство, конвой и офицеры свиты потеряли Александра, и он остался с Виллие, двумя казаками, конюшим и берейтером Ене. Император мчался, не разбирая дороги, как вдруг его конь остановился перед неширокой канавой, которую никак не мог перепрыгнуть. Александр был плохим наездником, и скакавший рядом Ене несколько раз перепрыгивал на коне канаву туда и обратно, показывая, как надо это делать, но Александр никак не решался пришпорить коня. А когда он все же преодолел препятствие, то нервы вконец изменили ему, и Александр сошел с седла, сел под деревом и расплакался. Спутники императора в смущении стояли рядом, пока к ним не подошел майор Толь и стал утешать Александра, который поднялся с земли, отер слезы и

обнял майора.

Через два дня, 22 ноября, император Франц сумел заключить перемирие, распространявшееся и на русских, которое Александр подписал чуть позже. 27 ноября, оставив армию, император уехал в Россию.

8 декабря печальный, обескураженный неудачей, двадцативосьмилетний Александр тихо, почти незаметно, въехал на заснеженные улицы Петербурга и, никем не встреченный, проскользнул в Зимний дворец, где его никто не ждал.

Начало второй войны с Наполеоном

Близкий ко двору Л. Н. Энгельгардт, как и многие другие, отмечал, что после поражения под Аустерлицем Александр резко переменился.

«Аустерлицкая баталия, – писал Энгельгардт, – сделала великое влияние над характером Александра, и ее можно назвать эпохой в его правлении. До того он был кроток, доверчив, ласков, а тогда сделался подозрителен, строг до безмерности, неприступен и не терпел уже, чтобы кто говорил ему правду; к одному графу Аракчееву имел полную доверенность, который по жестокому своему свойству приводил государя в гнев и тем отвлек от него людей, истинно любящих его и Россию».

После Аустерлица наступила новая полоса и во внешней политике: 17 июня 1806 года министром иностранных дел стал вместо Чарторыйского барон А. Я. Будберг, а его товарищем (то есть заместителем) граф А. Н. Салтыков. Им предстояло склонить Пруссию к участию в антифранцузской коалиции, и в этом деле российским дипломатам более всего помог сам Наполеон: 24 сентября 1806 года он объявил войну Пруссии, и королю Фридриху Вильгельму III не оставалось ничего иного, как кинуться за помощью к Александру, весьма расположенному помочь Пруссии, и тем самым смыть позор аустерлицкого поражения. Наполеон же, не ожидая вступления России в войну, за восемь дней в двух сражениях, под Йеной и Ауэрштедтом, наголову разгромил пруссаков, а 12 октября вступил в Берлин.

Русская армия численностью в сто тридцать тысяч солдат и офицеров при пятистах орудиях двинулась к границам Пруссии тремя отдельными корпусами, самым крупным из которых командовал генерал Л. Л. Беннигсен. Единого командующего армия не имела, и Беннигсен почитал себя главным. Но с этим совершенно не был согласен командир второго корпуса Ф. Ф. Буксгевден, отказавшийся выполнять распоряжения Беннигсена.

Чтобы положить конец анархии, Александр назначил главнокомандующим шестидесятидевятилетнего фельдмаршала графа Михаила Федотовича Каменского. Суворову, когда он совершал свой знаменитый Швейцарский поход, было ровно столько же, но Каменский не был Суворовым. Он писал царю, что не может из-за старости и слабости держаться в седле, не «может читать карту и не видит того, что подписывает». Однако Александр настоял на своем, и Каменский выехал к армии. Приехав к польскому городу Пултуск, где собрались все три корпуса, Каменский в три часа ночи вызвал к себе в спальню Беннигсена и вручил ему приказ об отходе армии в Россию. Ранним утром фельдмаршал, одетый в заячий тулупчик и повязанный бабьим платком, с трудом, при помощи адъютантов, взобрался на лошадь и прокричал, глядя на выстроившихся перед ним гренадер: «Вас предали и продали! Все потеряно, и вам лучше бежать домой! Я убегаю первым!»

И историки, и современники сходятся на том, что с Каменским приключилось временное умопомешательство, после чего во главе армии немедленно встал Беннигсен, сумевший 14 декабря 1806 года остановить продвижение авангарда французской армии и раздувший это событие до размеров решительной победы над самим Наполеоном, хотя командовал сражением маршал Ланн. 26 января 1807 года Наполеон взял реванш в жестоком и кровопролитном сражении при Прейсиш-Эйлау, в котором русские и французы потеряли

более одной трети солдат и офицеров. Поле боя осталось за французами, но Беннигсен доложил Александру о своей победе, и Александр наградил «победителя» орденом Георгия 2-й степени и пожизненной пенсией в двенадцать тысяч рублей в год.

Разгар войны. Поражение под Фридландом

16 марта 1807 года, отслужив в Казанском соборе торжественный молебен, Александр выехал к армии. С ним вместе отправились Будберг и три генерал-адъютанта – граф П. А. Толстой, граф Х. А. Ливен, сын статс-дамы Ш. К. Ливен, и князь П. М. Волконский. За месяц перед тем в поход выступила гвардия.

Проезжая через Митаву, Александр посетил в замке герцогов Курляндских брата казенного французского короля – графа Лилльского. Свидание было непродолжительным. Прощаясь, граф Лилльский заверил императора, что день, когда он взойдет на трон Франции под именем Людовика XVIII, будет счастливейшим днем и в жизни Александра. Однако едва успев сесть в карету, Александр тут же сказал своим спутникам, что этот ничтожный человек никогда не сможет царствовать.

20 марта в пограничном местечке Паланга русского императора встретил прусский король Фридрих Вильгельм III, бежавший после взятия французами Берлина в Мемель (ныне Клайпеда) – самый восточный город в его владениях. Здесь, рядом с русской границей, он и жил со своей семьей и небольшим двором, надеясь на скорую победу Александра над Наполеоном. В его распоряжении находился четырнадцатитысячный отряд – все, что осталось от прусской армии после Йены и Ауэрштедта.

23 марта союзные монархи провели смотр прибывшей из Петербурга гвардии, затем Александр навестил лечившегося в Мемеле тяжело раненного под Прейсиш-Эйлау генерал-майора Михаила Богдановича Барклая-де-Толли.

Александр пришел к нему один, без какого-либо сопровождения, и долго беседовал с раненым о сражении под Эйлау и о причинах отступления русской армии. Визит царя к своему генералу не был простым актом вежливости и милосердия – царю нужны были верные, честные и способные помощники, а Барклай как раз обладал всеми этими качествами. Михаил Богданович рассказал Александру, что его преследует мысль о том, что французские войска стоят в трех переходах от русской границы, и потому он непрерывно размышляет о средствах борьбы с этой страшной опасностью. Барклай-де-Толли откровенно сказал царю, что не видит в русской армии полководца, равного Наполеону, и потому считает, что в случае большой войны на территории России следует применить скифскую тактику заманивания противника в глубь страны, сжигая города, отравляя колодцы, уничтожая запасы фуража и продовольствия, растягивая на сотни верст коммуникации и перерезая их действиями летучих отрядов. Этот план Барклай-де-Толли осуществил в 1812 году, когда был уже военным министром и командующим 1-й Западной армией.

Александр расстался с Михаилом Богдановичем, наградив его двумя орденами и присвоив звание генерал-лейтенанта. Но самое главное было в том, что царь правильно оценил потенциальные возможности этого человека и стал энергично способствовать его карьере.

14 апреля в прусском городке Бартенштайн, в главной квартире Беннигсена, русский и прусский министры иностранных дел подписали Конвенцию, провозглашавшую, что «их величества обязываются употребить для себя все свои силы, не отступать от общего дела и положить оружие не иначе, как с общего согласия».

Далее шли статьи, приглашающие правительства Англии, Австрии и Швеции присоединиться к Бартенштайнской конвенции.

Ратифицировав Конвенцию, монархи разъехались: Фридрих Вильгельм поехал в Кенигсберг, а Александр – в пограничный с Россией Тильзит.

С наступлением лета Наполеон начал в Восточной Пруссии новую кампанию.

2 июня пятидесятипятитысячная армия Беннигсена была разбита Наполеоном под Фридландом.

4 июня Александр проводил смотр войск в Олите, когда ему доставили донесение об этом поражении, написанное Беннигсеном.

В конце донесения Беннигсен высказывал мнение о необходимости вступить с Наполеоном в мирные переговоры. После мучительных размышлений Александр разрешил «сие исполнить от Вашего имени», но ведение переговоров доверил не Беннигсену, а командиру 17-й дивизии – генерал-лейтенанту князю Д. И. Лобанову-Ростовскому.

На пути к Тильзиту

После Фридланда в штабе Беннигсена распространилось уныние и капитулянтские, пораженческие настроения. Прусский генерал фон Шладен, представитель Фридриха Вильгельма в главной квартире Беннигсена, писал премьер-министру барону Гарденбергу: «Офицеры за столом генерала Беннигсена свободно говорили о необходимости скорейшего заключения мира, кажется, никто из них не представлял себе, что император может думать иначе, и, в общем, эти господа были уверены в том, что они сами в состоянии осуществить свой план, даже если император не будет согласен с ними».

В это самое время в главную квартиру Беннигсена приехал великий князь Константин. После объявления 16 ноября 1806 года второй войны с французами, Константин до конца февраля 1807 года пробыл в Петербурге и лишь тогда отправился в Пруссию. Там он был скорее свидетелем, чем участником неудачных сражений Пруссии с Наполеоном, и эти поражения произвели на него столь сильное впечатление, что цесаревич стал ревностным поборником скорейшего мира с Наполеоном.

После того как в Тильзит пришло известие о разгроме Беннигсена под Фридландом, Константин стал считать мир с Францией единственно возможным решением. Он выступил решительным сторонником «мирной», или «французской» партии. Среди его сторонников оказался даже любимец армии, храбрец и рубака князь П. И. Багратион. Он написал цесаревичу письмо, в котором поддерживал его мирные усилия.

Константин настаивал на личной встрече Александра и Наполеона, и только два генерала – А. И. Остерман-Толстой и М. Б. Барклай-де-Толли – решительно противились этому. На их стороне были и русские патриоты, которые считали Наполеона антихристом, Беннигсена – изменником, а предание памяти десятков тысяч погибших в последней войне с французами – кощунством. Но все зависело от императора, который никак не мог решиться на что-либо определенное.

Барон Г. А. Розенкампф, хорошо осведомленный в делах двора, вспоминал впоследствии: «Неблагоприятный исход сражения при Фридланде произвел очень сильное впечатление на государя. Так как его армия

была слишком слаба, то он решился еще раз умиловить грозу, и последовавшее затем свидание в Тильзите разом изменило всю его политику... Император за день перед тем, как решиться на полную перемену своей политики, сидел несколько часов один, запершись в комнате, то терзаемый мыслью отступить в пределы своего государства для продолжения войны, то мыслью заключить сейчас же мирные условия с Наполеоном».

Свидание двух императоров

Наконец Александр решился принять план «мирной» партии, и 13 июня два императора встретились в плавучем павильоне, установленном на плоту посередине Немана, неподалеку от Тильзита. Смысл ритуала встречи состоял в том, что ни один из императоров не был ни хозяином, ни гостем, ибо встречались они на середине порубежной реки, между двумя империями – Восточной и Западной.

После первой встречи оба императора решили беседовать друг с другом без свидетелей – во время катания верхом, пеших прогулок по берегам Немана, свиданий один на один – то у Александра, то у Наполеона. Они обменивались сувенирами и клятвами во взаимном уважении, в вечной верности и совершеннейшей искренности, а в это время их дипломаты готовили договор, кардинально изменявший систему международных отношений.

Договор между Францией и Россией был подписан. Существо договора свелось к тому, что территориальные изменения были произведены прежде всего за счет Пруссии, потерявшей около половины своих земель и населения. Другие статьи касались положения в Средиземноморье, в Молдавии, вокруг Турции и даже во французских колониях, захваченных англичанами.

7 июля был подписан русско-французский договор о мире и дружбе, а через три дня – франко-пруссский мирный договор, сразу же окрещенный «карательным трактатом», по которому Пруссия с головой выдавалась Наполеону с молчаливого согласия Александра.

Оба этих документа свидетельствовали о том, что в Европе произошло кардинальное изменение обстановки и что несомненным хозяином положения на континенте стал Наполеон Бонапарт.

Тильзитские мирные договоры

Два договора были подписаны в Тильзите 7 и 9 июля 1807 года. По русско-французскому договору, подписанному первыми императорами Александром и Наполеоном, Пруссия теряла половину территории и населения. Эти земли передавались союзным Наполеону немецким государствам – Саксонии и Вестфальскому королевству. Земли, перешедшие к Пруссии по трем разделам Польши, образовывали Варшавское герцогство, Гданьск становился вольным городом, Белосток передавался России.

Александр признал изменения, произведенные Наполеоном в Европе, обещал посредничать в мирных переговорах Франции с Англией, обязывался заключить мир с Турцией и вывести русские войска из Валахии и Молдовы.

Наполеон согласился восстановить три традиционно дружественных России немецких герцогства – Ольденбург, Мекленбург-Шверин и Саксен-Кобург, – а также выплатить субсидии некоторым немецким князьям.

Одновременно с русско-французским договором был подписан секретный трактат об оборонительном и наступательном союзе против любой державы, враждебной России или Франции. Этот трактат главным образом был направлен против Англии, так как обуславливал, что если Англия откажется от русского посредничества в мирных англо-французских переговорах, не признает свободы морей и не возвратит Франции ее колоний, захваченных после 1805 года, то Россия разорвет с ней дипломатические отношения. По этому же трактату Франция обязалась быть посредницей в русско-турецких мирных переговорах. Если Турция откажется от таких переговоров, то Наполеон вступит в войну с ней.

Второй договор – франко-пруссский – был подписан 9 июля. Пруссия соглашалась с территориальными изменениями, предусмотренными франко-русским договором от 7 июля. Кроме того, Пруссия обязалась сократить свою армию до сорока тысяч человек, уплатить контрибуцию в сто миллионов франков и присоединиться к Континентальной блокаде – экономической политике, проводимой Францией против Англии, запрещающей торговлю с Англией, доставку оттуда корреспонденции, предписывающей арест всех английских граждан, оказавшихся на территории Франции и союзных с ней государств.

Отношение к Тильзитскому миру в России

Когда Александр вернулся в Петербург, он обнаружил оппозицию своей новой политике,

причем значительно большую, чем ожидал. Против нее были вдовствующая императрица Мария Федоровна, любимая сестра Александра Екатерина Павловна, большинство духовенства, дворянства и купечества.

Если Аустерлиц, Эйлау и Фридланд считали скорее несчастьями, чем поражениями, то к Тильзиту отнеслись как к национальному позору и неслыханному бесчестью. В высшем обществе разлилась волна ненависти ко всему французскому: французские оперы шли при пустом зале, послы Наполеона – сначала генерала Савари, а затем сменившего его генерала графа Коленкура – не принимали почти ни в одном аристократическом доме Петербурга.

Предчувствие смертельной схватки с Наполеоном охватило все русское общество. Адьютант П. И. Багратиона Денис Давыдов чуть позже писал об этом времени: «1812 год стоял среди нас, русских, как поднятый окровавленный штык».

Весьма характерной была реакция на Тильзитский мир простых людей – крестьян, мещан, солдат.

Однако простые русские люди этот факт объясняли совсем по-иному. Русские простолюдины считали Наполеона антихристом. Такую веру поддерживало в них и православное духовенство. Поэтому, когда было объявлено, что православный русский царь встретился с Наполеоном, то есть антихристом, то нужно было придумать оправдание царю в таком страшном грехе.

Тогда-то и пошел среди простых людей слух, что встреча потому произошла на реке, что царь сначала окрестил антихриста Бонапарта в Немане и лишь потом допустил его пред свои светлые очи.

И все же можно констатировать, что сам договор был крайне непопулярен во всех слоях русского общества.

Но Александр продолжал начатое дело и сменил тех министров, которые недостаточно энергично проводили новую политику.

Новым министром иностранных дел стал сын фельдмаршала Румянцева – граф Николай Петрович Румянцев, откровенный сторонник профранцузской ориентации; министром внутренних дел был назначен Михаил Михайлович Сперанский, а в январе 1808 года появился и новый военный министр – А. А. Аракчеев.

А меж тем назревали новые войны, на сей раз с недавними союзниками – Англией и Швецией...

Войны России с Англией, Швецией и Турцией

Сразу же после подписания мира в Тильзите очевидных признаков охлаждения не было, да и откуда им

было взяться, если Россия последовательно шла в фарватере французской политики, а Наполеон немало делал для осуществления взаимных акций, выгодных России.

7 ноября 1807 года Россия объявила войну Англии, а четыре месяца спустя, в феврале 1808 года, русские войска без объявления войны вторглись в Финляндию, принадлежавшую тогда союзной Англии Швеции. Русские войска быстро продвигались на запад вдоль побережья Финского залива, пытаясь захватить как можно больше пространства. 22 апреля была взята мощная крепость Свеаборг, а затем и столица Финляндии Або (ныне – Турку). 7 ноября 1808 года в Алькиоки была подписана Конвенция, устанавливавшая границы между Россией и Швецией.

В это же время шла еще одна война – русско-турецкая, начавшаяся в декабре 1806 года, но 12 августа 1807 года, руководствуясь положениями, выработанными в Тильзите, турки под давлением французской дипломатии подписали перемирие, однако его не утвердил Александр.

Последнее свидание Александра с Наполеоном

Вместе с тем между Россией и Францией возникло и накопилось немало нерешенных проблем. Для того чтобы обсудить и разрешить их, Наполеон пригласил Александра на новую встречу, местом которой был определен немецкий город Эрфурт.

2 сентября 1808 года Александр в сопровождении Константина, Н. П. Румянцева, П. А. Толстого, статс-секретарей, генерал-адъютантов, а также посла Франции Коленкура выехал из Петербурга. Ненадолго остановился он в Кенигсберге, обещая сделать все, что в его силах, чтобы помочь несчастной Пруссии, а потом еще на два дня задержался в Веймаре у своей сестры Марии Павловны – великой герцогини Саксен Веймарской.

Еще далеко от города Эрфурта Александр встретил Наполеона. Увидев карету царя, Наполеон оставил огромную и блестящую свиту и галопом помчался навстречу своему гостю и союзнику. Он сошел с коня и сердечно обнял вышедшего из кареты Александра. Затем два императора верхом поехали по дороге в Эрфурт и въехали в город под звон колоколов и грохот артиллерийского салюта. Здесь их уже ждали десятки немецких королей, герцогов и владетельных князей, съехавшихся по случаю этой встречи. Однако министру иностранных дел Австрии князю Меттерниху во въезде в Эрфурт было отказано.

Начались встречи, балы, смотры и празднества. Наполеон всячески пытался обольстить Александра, расточал ему восторги и ласковые улыбки. Он пытался склонить царя к тому, чтобы продиктовать Австрии угодные Франции условия без войны и без победы над нею, но Александр не поддавался на увещания Бонапарта и оставался тверд. Однажды, настаивая на своем, Наполеон так разволновался, что бросил на пол свою шляпу и стал топтать ее. Александр молча улыбнулся и спокойно пошел к двери. Наполеон опомнился, взял себя в руки и закончил разговор в спокойном тоне.

Однако несдержанность, да и то весьма редко, Наполеон проявлял лишь при встречах наедине. На людях императоры демонстрировали нежную дружбу и предупредительность, но все же некоторые эпизоды обратили на себя внимание участников встречи в Эрфурте.

Однажды во время смотра своих войск Наполеон быстро помчался вдоль фронта, оставив Александра далеко позади, так что русский император оказался похожим на нерадивого адъютанта, плохо выученного кавалерийской езде, а не на царствующего монарха.

Затем Наполеон остановился и сошел с коня, а навстречу ему вышли офицеры и солдаты, образовав возле него широкий полукруг. В это время подъехал Александр, и Бонапарт пригласил его встать с ним рядом. После этого свита Наполеона замкнула круг, и оба императора оказались в центре пестрой оживленной толпы солдат, офицеров и генералов. Командир полка, участвовавшего в смотре, шагнув вперед, стал по очереди представлять императорам своих молодых.

Полк отличился в сражении под Фридрихсдорфом, и церемония награждения началась с того, что первый из французских солдат громко перечислил, сколько русских он убил и взял в плен. Второй рассказал, как захватил полковое знамя, третий – как захватил оружие, четвертый – как загнал группу русских в болото. Так продолжалось чуть ли не полчаса, а Александр вынужден был молча выслушивать все это, не показывая, насколько неприятна ему придуманная французами церемония награждения.

Переговоры в Эрфурте завершились подписанием секретной Конвенции, по которой Наполеон признавал присоединение к России Молдавии и Валахии в обмен на совместные боевые действия против Австрии.

2 октября 1808 года Александр, все еще сопровождаемый Наполеоном, выехал на Веймарскую дорогу. Здесь императоры распрощались. На сей раз – навсегда. А еще через две недели царь возвратился в Петербург.

Ф. Ф. Берг о переходе через пролив Кваркен

Во время русско-шведской войны 1808–1809 годов самой выдающейся операцией был ледовый переход корпуса Баркляя-де-Толли через Ботнический залив, из финского города Васа к шведскому городу Умео. Переход происходил в марте 1809 года в исключительно тяжелых условиях и по своему значению и героизму, проявленному солдатами и офицерами, приравнялся к переходу Суворова через Альпы.

Приводим здесь свидетельство одного из участников этого перехода – генерал-майора Ф. Берга: «Насколько мог видеть глаз, простиралась обширная снежная пустыня; гранитный остров казался природной каменной могилой. Нигде не видно никакой жизни – ни кустов, ни деревьев, ничего, что могло бы защитить от ветра и холода. Было 15 градусов мороза, но войска расположились лагерем, частью которого был пролив Кваркен, без палаток и не зажигая костров. С самых первых шагов по ледяному полю солдаты столкнулись с почти непреодолимыми трудностями. Несколько недель назад могучий ураган взорвал лед, нагромоздив целые горы из огромных глыб. Эти ледяные горы создавали впечатление морских волн, внезапно скованных морозом. Переход становился все тяжелее и тяжелее. Солдаты вынуждены были взбираться на ледяные глыбы, а иногда и убирать их с пути, борясь к тому же и со снежной бурей. Брови солдат побелели от инея. В это время поднялся сильный северный ветер, угрожая превратиться в ураган, способный сломать лед у них под ногами...

Продвижение вперед к тому же задерживалось из-за великих трудностей транспортировки по льду тяжелых артиллерийских орудий».

Договоры 1809 года со Швецией и Австрией

Между тем, война России со Швецией продолжалась. В марте 1809 года войска Баркляя-де-Толли перешли по замерзшему проливу Кваркен на шведский берег, совершенно внезапно захватили город Умео и заставили Швецию капитулировать. К этому времени Финляндия была уже занята русскими войсками, а 16 марта в городе Борго в присутствии Александра был открыт финляндский сейм, присягнувший на верность России.

В июне этого же года Александр назначил главнокомандующим русской армией в Финляндии и одновременно генерал-губернатором новой российской территории героя минувшей кампании Баркляя-де-Толли. В июле Александр еще раз приехал в Борго на закрытие сессии сейма, а затем вместе с Барклаем уехал в Свеаборг, где шесть часов осматривал казематы, подземные галереи, могучие бастионы, гигантские арсеналы, казармы и склады, высеченные в гранитных скалах, способные вместить и на многие месяцы обеспечить всем необходимым двенадцатитысячный гарнизон. Проведенный затем парад завершил поездку царя в Финляндию, а 5 сентября 1809 года в городе Фридрихсгаме (ныне город Хамина) Н. П. Румянцев и шведский генерал Стединг подписали мир, по которому Швеция официально признавала переход Финляндии с Аландскими островами под юрисдикцию России.

Почти в то же время, когда русские вели переговоры со шведами, австрийцы переговаривались с Наполеоном, успевшим за весну и лето 1809 года разбить армию императора Франца, вступить 30 апреля в столицу Австрии – Вену, а еще через два месяца нанести страшное поражение под Ваграмом. Так как русские были союзниками Наполеона, то в сентябре 1809 года по мирному договору, подписанному в Альтенбурге, за чисто символическое участие в войне, Россия прирезала одну из областей Галиции – Тернопольскую.

Создание Государственного совета

Успешно завершив дипломатическое наступление подписанием договоров со Швецией и

Австрией, Александр в конце ноября уехал в Россию и по дороге заехал в Тверь к Екатерине Павловне и ее мужу. Отсюда вместе с сестрой и шурином Александр выехал в Москву и 6 декабря был уже там. Восторженно, как и в дни коронации, встреченный москвичами, царь провел здесь всего неделю, но она была наполнена важными делами: Александр в глубокой тайне, внимательно, по многу часов, каждый день читал проект учреждения Государственного совета, разработанный М. М. Сперанским в условиях сугубой секретности. Никто, кроме Александра, не знал о его работе. Государственный совет должен был стать высшим законодательным учреждением Российской империи, призванным рассматривать все законопроекты и давать заключения по ним перед тем, как они поступят на подпись к царю.

В Петербург Александр возвратился с готовым документом и тут же отдал его для рассмотрения, поправок и одобрения Н. И. Салтыкову, П. В. Лопухину, В. П. Кочубею и Н. П. Румянцеву. Последнего Александр предлагал назначить председателем Госсовета, а всех других – его членами. Как видим, среди них не было Аракчеева, и следует заметить, что Александр работал со Сперанским втайне от него. Более того, Аракчеев узнал о существовании проекта не от императора, а от других и, смертельно обидевшись, написал августейшему повелителю: «Не гневайтесь на человека, без лести прожившего, но увольте его из сего звания». В конце концов Александр уговорил Аракчеева принять в Госсовете пост Председателя департамента военных дел, который стоял над Военным и Военно-морским министерствами, сдав свой прежний пост генералу от инфантерии Барклаю-де-Толли.

Открытие Царскосельского лицея

Среди событий культурной жизни начала XIX века одним из самых значительных следует считать создание и открытие Царскосельского лицея – привилегированного высшего учебного заведения закрытого типа для сыновей дворян, учрежденного указом Александра I с целью «образования юношества, предназначенного к важным частям службы государственной». Под «важными частями службы государственной» имелись в виду различные министерства и ведомства и прежде всего Министерство внутренних дел. Лицей имел собственный Устав, разработанный М. М. Сперанским и министром народного просвещения А. К. Разумовским. Устав был утвержден Александром I 12 августа 1810 года. И император уделял лицейу постоянное внимание. Он сам отобрал на первый курс тридцать воспитанников в возрасте десяти-двенадцати лет.

Среди принятых 19 октября 1811 года были: А. С. Пушкин, его друзья, в том числе и будущие декабристы – А. А. Дельвиг, В. К. Кюхельбекер, И. И. Пущин. Первым на этом курсе был князь А. М. Горчаков – виднейший дипломат второй половины XIX века.

За шесть лет обучения лицеисты изучали Закон Божий, логику, этику, правоведение, политэкономии, статистику, российскую и всеобщую историю, географию, математику, начала физики, космографию (астрономию и небесную механику), риторику и четыре языка – русский, латынь, французский и немецкий, рисование, танцы и т. п., необходимое светскому человеку, – фехтование, верховую езду и прочее.

За шесть лет юноши получали высшее образование и в зависимости от успехов выпускались в чине от 14-го до

9-го класса «Табели о рангах»: коллежский регистратор – титулярный советник.

В лицее работали лучшие профессора Санкт-Петербурга – Н. И. Тургенев, А. П. Куницын, Я. И. Карцев, И. К. Кайданов, преподававший российскую и всеобщую историю.

В 1811–1817 годах среди воспитанников лицея особенно популярной была поэзия, и лучшим из всех, несомненно, был А. С. Пушкин. На выпускном экзамене его заметил старик Державин и благословил на дальнейшее творчество.

Оценивая роль и значение лицея, Пушкин приравнивал его создание к величайшим делам александровского царствования: «Он взял Париж, он основал Лицей», – писал Пушкин через

несколько лет после окончания лицея. За сто семь лет существования лицея отсюда вышли около двух тысяч выпускников.

Подготовка к большой войне

Назначив нового военного министра, Александр начал интенсивную подготовку к предстоящей войне с Наполеоном. Первым делом было решено реконструировать старые и построить новые инженерные сооружения на западных рубежах страны. Государь внимательно следил, как строилась Динабургская крепость в устье Двины возле Риги, как создавалось предместное укрепление на реке Березине против города Борисова, как укреплялись Бобруйск и Киев. Особенно интересовал Александра укрепленный лагерь на реке Дриссе, создаваемый по инициативе его военного советника – прусского генерала Карла Фуля. Хотя на строительство ушли огромные средства, лагерь был настолько бездарно спланирован, что занявшие его без боя в 1812 году французы называли лагерь образцом невежества в науке укрепления мест, как писал А. П. Ермолов, ставший к 1812 году генералом. «Мне не случалось слышать возражений против того», – добавлял он.

Александр не оставлял без внимания и создание целой сети arsenалов и складов, отводя главную роль Москве, а кроме того, свозя огромное количество оружия, обмундирования, боеприпасов, продовольствия и фуража в Псков, Смоленск и Кременчуг.

Первостепенное значение придавал царь и увеличению численности своих войск, так как в начале 1810 года русская армия насчитывала всего двести тысяч солдат и офицеров, что было совершенно недостаточно для отражения возможной агрессии.

Кроме того, проводилась напряженная работа и по улучшению руководства вооруженными силами, получившими весной 1812 года в высшей степени современное «Учреждение для управления Большой действующей армией», составленное на основании обобщения боевого опыта русской армии и прогрессивных новшеств армии французской.

По инициативе генерал-адъютанта князя П. М. Волконского был восстановлен Генеральный штаб, распущенный в 1796 году Павлом. Серией указов Александр придал всей армии единообразие в структуре воинских подразделений и частей – от роты и эскадрона до дивизии. А 26 октября 1810 года были созданы и первые корпуса.

Однако одно из звеньев подготовительной работы было весьма слабым: русское командование долгое время не могло выработать единого стратегического плана, и, когда война началась, то существовал лишь принцип стратегии, но плана практически не было. А в основе общей концепции ведения боевых действий лежали соображения Баркляя-де-Толли, высказанные им Александру во время их встречи в Мемеле в 1807 году. Разница состояла лишь в том, что эта концепция была дополнена подобными же соображениями, представленными царю несколькими русскими и иностранными генералами и офицерами, находившимися на службе в русской армии, — П. М. Волконским, Людвигом фон Вольцогеном, Тейль фон Сераскеркеном, Карлом Толем, Фонтон де Вераноном и д'Алонвилем.

Подготовка к войне с Наполеоном осложнялась еще и тем, что Россия продолжала вести сразу несколько войн. Две из них происходили на юге: с 1804 года шла война с Ираном, а с 1806 года – с Турцией. На русско-турецком театре главнокомандующими были П. И. Багратион, затем Н. М. Каменский – сын старика Каменского, бросившего под Пултуском свою армию, и, наконец, с мая 1811 года – М. И. Кутузов.

Несмотря на то что силы Дунайской армии, которой командовал Кутузов, были ослаблены из-за того, что оттуда было отправлено на западные границы тридцать тысяч человек, Михаил Илларионович одержал ряд побед над противником и в мае 1812 года принудил турок подписать договор о мире.

И наконец, тогда же шла большая морская война с Англией, развернувшаяся на морских

коммуникациях от Лисабона до Архангельска, который даже подвергся обстрелу британскими кораблями, но отбил атаку.

Русские рекруты призыва 1810 года

Как видим, в первое десятилетие XIX века Россия вела сразу несколько войн: с Англией, Австрией, со Швецией, Турцией и Персией. По этой причине гораздо чаще, чем раньше, объявлялись рекрутские наборы, но и они уже не могли решить проблемы нехватки солдат. Сроки действительной военной службы были весьма длительными, и в армии всегда находилось больше солдат старшего возраста, чем молодых.

Однако непрерывные боевые действия в конце XVIII – начале XIX века привели к изменению этой пропорции: ветераны гибли в сражениях, а их место занимали необстрелянные новобранцы.

В письме от 18 августа 1810 года военный министр Барклай-де-Толли писал канцлеру Румянцеву: «Вместо сильных и мужественных войск полки наши составлены большей частью из солдат неопытных и к тяготам войны непривыкших. Продолжительная нынешняя война [русско-турецкая 1806–1812 годов] затмевает в них наследственные геройские добродетели; дух национальный от бремени усиленной и бесполезной войны, как и силы физики, начинает ослабевать».

Выход из положения можно было найти, лишь проводя регулярные рекрутские наборы. В 1810, 1811 и 1812 годах, в бытность Барклая-де-Толли военным министром, было проведено три рекрутских набора. Если в 1806 году не взяли ни одного рекрута с большими зубами, то теперь отбор был гораздо менее строгим.

В феврале 1810 года Барклай-де-Толли разослал для сведения всем «воинским приемщикам», находящимся при приеме рекрутов, приказ, в котором обязывал офицеров, занятых отбором рекрутов, более внимательно относиться к порученному им делу.

В приказе сообщалось, что майор тридцать второго егерского полка Рихтер, находясь в городе Ямполье Подольской губернии, «принял, между прочим, рекрута Осипа Смолина в летах весьма немолодых и слабого сложения... непрочного к службе». Смолин заметил Александр I, осматривая рекрутов, прибывших в Петербург, и выразил свое неудовольствие такой неосторожностью в отборе.

14 июля, после представления Государственному совету доклада Барклая-де-Толли, последовал указ о наказании гражданских, военных и медицинских чиновников денежным штрафом в пятьсот рублей за прием на военную службу низкорослых, больных, старых или же слишком молодых рекрутов. (Определялось, что рост их должен быть не менее двух аршин и четырех вершков, то есть одного метра пятьдесят одного сантиметра, а возраст не менее семнадцати и не более тридцати пяти лет.)

5 марта 1810 года было утверждено «Положение о назначении нижних воинских чинов в неспособные», которым солдаты подразделялись на две группы: совершенно неспособных ни к какой службе и «полунеспособных», то есть пригодных к гарнизонной службе, службе в инвалидных ротах, в лазаретах и обозах.

По этому положению совершенно непригодными к службе признавались дряхлые, идиоты, эпилептики, парализованные, больные водянкой и т. п.

А солдаты частично парализованные, астматики, больные базедовой болезнью, с заячьей губой, с небольшим горбом, беспалые, беззубые («Положение...» в последнем случае оговаривало отсутствие не менее пяти зубов сряду на одной челюсти) и т. п. признавались годными к нестроевой службе.

«Высочайше утвержденным» мнением Государственного совета от 14 июля 1810 года было постановлено, что беспрекословно должны быть принимаемы на службу лысые и плешивые рекруты, а кроме того, и косые, «ежели зрение их позволяет прицеливаться ружьем, также

принимать и заик, и косноязычных, ежели могут сколь-нибудь явственно изъясняться».

Вышеприведенные документы убедительно свидетельствуют, насколько нелегким было положение с пополнением армии живой силой в канун грядущей войны 1812 года.

Комплектование армии и флота накануне войны 1812 года

Для того чтобы все же пополнить ряды армии и флота, 14 июля 1810 года был издан указ об уничтожении зачетов людей, взятых во время тринадцати рекрутских наборов XVIII века – с 1715 по 1799 год. Теперь уже помещики не могли ссылаться на то, что их предки и они сами в свое время сдали на службу своих мужиков и, таким образом, теперь не должны нести рекрутской повинности.

В развитие указа от 14 июля 1810 года 16 сентября 1810 года был подписан указ о призыве трех из каждых пятисот душ мужского населения России. По набору 1811 года было призвано еще по четыре рекрута из того же числа мужчин и, наконец, 29 марта 1812 года призвали еще по два рекрута.

За все три набора было взято в армию и флот по девять человек из каждых пятисот мужчин.

Всего в вооруженные силы России было, таким образом, призвано около трехсот пятидесяти тысяч солдат, требующих обмундирования, обеспечения всем необходимым и срочного обучения. Обучение происходило в так называемых рекрутских депо. В марте 1811 года их было сорок, причем тридцать шесть из них были организованы в областях, расположенных вблизи западной границы.

Запасные рекрутские депо для обучения рекрутов главным правилам военной службы впервые были образованы в 1808 году. Для этого каждая из двадцати четырех пехотных дивизий, существовавших в то время, выделила шесть обер-офицеров, двадцать четыре унтер-офицера и двести сорок старых солдат с целью обучения рекрутов для своей дивизии. Срок обучения равнялся девяти месяцам.

К марту 1811 года число депо возросло до сорока. В том же году из числа рекрутов, находящихся в депо, были сформированы две рекрутские пехотные дивизии и четвертые батальоны во всех пехотных полках. Затем эти батальоны были сведены в десять резервных пехотных дивизий.

«Таким путем, – писал Барклай-де-Толли, – находя себя в необходимости готовиться к войне, успели мы в продолжение 1810 и 1811 годов усилить почти вдвое армию».

В кавалерии и артиллерии тоже были созданы рекрутские депо. В них были подготовлены и в начале 1812 года сформированы четыре кавалерийские дивизии, а в артиллерийских депо были сформированы четыре артиллерийские резервные бригады.

Подготовке рекрутов, их обучению, обращению с ними Барклай-де-Толли придавал большое значение.

В результате принятых мер общая численность русских регулярных войск к лету 1812 года составила четыреста девятьсот тысяч человек. (В это число не входили иррегулярные казачьи и гарнизонные части.) А всего в России к этому времени было более шестисот тысяч солдат и офицеров, артиллерия насчитывала тысячу шестьсот орудий.

Союзные договоры Франции с Австрией и Пруссией

Существенной трудностью было и то, что Россия потеряла многих своих союзников.

Прежде всего следует сказать об Австрии. В значительной мере Австрия стала союзницей Франции, отказавшись от партнерства с Россией, из-за брачного контракта Наполеона с австрийской принцессой Марией Луизой.

История этого контракта была следующей.

28 января 1810 года Наполеон собрал высших сановников империи, поставив перед ними вопрос о разводе с Жозефиной Богарнэ, которую он искренне любил, но принял решение

расстаться с нею по политическим династийным соображениям. Император также попросил решить и вопрос о новом браке. Обсуждались две кандидатуры – великой княжны Анны Павловны и дочери австрийского императора Марии Луизы. Совещание во мнениях разделилось, хотя сам Наполеон дал понять, что его больше устраивает австрийская принцесса. Было решено подождать официального ответа из Петербурга, а уж потом, в зависимости от того, каким будет ответ, просить или не просить руки австрийской эрцгерцогини. К этому времени граф Коленкур был наконец уведомлен, что брак состояться не может из-за молодости невесты.

Наполеон тотчас же предложил свою руку дочери австрийского императора, и со стороны венского двора никаких проволочек не последовало, ибо инициатива Бонапарта отвечала стремлениям Австрии к союзу с Францией, что достигалось столь быстрым и безболезненным актом. Однако это же превращало Россию во врага Франции, ибо сватовство воспринималось не столько матримониальным, сколько политическим действием, которое могло прояснить истинные отношения монархов друг к другу лучше, чем официальные дипломатические ноты и доверительные личные послания.

Разумеется, австро-французский союз был в значительной мере вынужденным, но все же он представлял собой неприятную реальность, с которой приходилось считаться.

Другим, еще более вынужденным, но тем не менее существовавшим, союзом был прусско-французский. Гарнизоны Наполеона стояли почти во всех прусских крепостях, король Фридрих Вильгельм III находился на положении пленника и не мог отказаться от предложенного ему противоестественного антипрусского альянса.

И хотя 12 февраля 1812 года прусский король подписал союзный договор с Наполеоном, в России к этому отнеслись совершенно спокойно и с должным пониманием: Александр даже известил Фридриха Вильгельма III, что по-прежнему считает его своим союзником, и обещал после победы над Наполеоном вознаградить Пруссию.

«Наставление господам пехотным офицерам в день сражения»

В 1812 году, еще до начала Отечественной войны, Барклай-де-Толли написал «Наставление господам пехотным офицерам в день сражения».

Ниже приводятся выдержки из него.

«Наставление» предписывало: «Когда фронтом идут на штыки, то ротному командиру должно также идти впереди своей роты с оружием в руках и быть в полной надежде, что подчиненные, одушевленные таким примером, никогда не допустят его одного ворваться во фронт неприятельский».

В этом же «Наставлении» говорилось: «Офицер может заслужить почетнейшее для военного человека название – друг солдата. Чем больше офицер в спокойное время был справедлив и ласков, тем больше в войне подчиненные будут стараться оправдать сии поступки и в глазах его один перед другим отличиться».

«Наставление» требовало жестокой кары по отношению к малодушным и требовало, чтобы труса и паникера, который во время боя кричит: «Нас отрезали!» – после окончания военных действий прогнали сквозь строй, а если такой проступок совершит офицер, то его следовало с позором изгнать из армии.

«Храбрый не может быть отрезан, – утверждалось в „Наставлении“, – где бы враг ни оказался, нужно к нему повернуться грудью, идти на него и разбить...» Войскам надлежало «к духу смелости и отваге непременно присоединить ту твердость в продолжительных опасностях и непоколебимость, которая есть печать человека, рожденного для войны... Сия-то твердость, сие-то упорство всюду заслужат и приобретут победу».

Шпиономания в России

Меж тем от русских агентов за границей в Петербург шло множество сообщений о передислокации наполеоновских войск, о непрерывном движении огромных колонн и обозов к русской границе.

Россия была переполнена рассказами и слухами о деятельности наполеоновских агентов, проникавших под видом бродячих комедиантов, фокусников, гувернеров, врачей, музыкантов, землемеров, странствующих монахов, художников, учителей. Министр полиции А. Д. Балашов нацелил военных и гражданских губернаторов на то, чтобы всеми способами пресекать шпионскую деятельность вражеских агентов.

Из этого времени дошел до нас такой эпизод.

Алексей Михайлович Пушкин, поэт и переводчик, дальний родственник А. С. Пушкина, в 1812 году был назначен к князю Юрию Владимировичу Долгорукову в одну из отдаленных губерний для формирования народного ополчения против Наполеона. На почтовой станции в доме смотрителя вдруг увидел он на стене литографический портрет Бонапарта.

– Зачем держишь ты у себя этого мерзавца? – спросил Пушкин у станционного смотрителя.

– А затем, Ваше превосходительство, что если злодей Бонапарт под чужим именем приедет на мою станцию, я тотчас по портрету признаю его, схвачу, свяжу, да и представлю по начальству.

– Ну, это другое дело! – ответил Пушкин.

Шпиономания была в самом разгаре, когда вдруг разнеслась весть об изменниках, свивших гнездо не где-нибудь, а прямо в Зимнем дворце, рядом с государем. И главой их был сам статс-секретарь Михаил Михайлович Сперанский...

Дело Сперанского

Яков Иванович де Санглен, обрусевший француз, начальник «Особенной», то есть секретной, канцелярии министра полиции А. Д. Балашова оставил прелюбопытнейшие «Записки», из которых явствует, что «дело» Сперанского было политической провокацией, произведенной по прямому указанию самого Александра для того, чтобы накануне войны возбудить в народе ненависть к врагам Отечества и вызвать тем самым мощную волну патриотизма.

Осуществлял же эту операцию известнейший хитрец и интриган, шведский эмигрант граф Густав Мориц Армфельдт – сенатор и председатель Комитета по финляндским делам. Он начал с того, что предложил Сперанскому создать триумvirат для свержения Александра, в который вошли бы еще Балашов и он сам – Армфельдт.

Сперанский категорически отказался, но не сообщил об этом предложении ни Александру, ни Балашову, считая донос низостью. Опасаясь разоблачения, Армфельдт начал интригу против Сперанского.

Я. И. де Санглен писал, что в декабре 1811 года его тайно привезли в Зимний дворец к Александру. Царь показал Санглену донесение Балашова, в котором сообщалось, что в беседе с ним Сперанский сказал: «Вы знаете мнительный характер императора. Все, что он ни делает, делается им вполонину. Он слишком слаб, чтобы управлять, и слишком силен, чтобы быть управляемым».

Сперанского и группу его ближайших сотрудников – М. Л. Магницкого, А. В. Воейкова и Н. З. Хитрово – взяли под наблюдение, а в середине марта 1812 года на квартире полковника Хитрово, кстати сказать, зятя М. И. Кутузова, произвели обыск и обнаружили карту с обозначением маршрута движения гвардии в Вильно. На этом основании 17 марта трое «заговорщиков» были арестованы и высланы из Петербурга. А Воейкова перевели служить в Москву, дав ему пехотную бригаду. Санглен писал: «Сперанский назначен неминуемо быть жертвою, которая под предлогом измены и по питаемой к нему ненависти должна соединить все сословия и обратить в предстоящей войне всех к патриотизму».

Александр незадолго перед тем вызвал к себе Сперанского и спросил, участвовать ли ему в предстоящей войне? На что Сперанский не посоветовал ему делать этого. В пересказе Санглена, сославшегося на Александра, это звучало так. «Он имел дерзость, – сказал Александр Санглену, – описав все воинственные таланты Наполеона, советовать мне собрать боярскую думу, предоставить ей вести войну, а себя отстранить. Что же я такое? Нуль? Из этого я вижу, что он подкапывается под самодержавие».

Есть и другая версия отстранения Сперанского и его друзей, сохранившаяся в семье Воейковых.

По этой версии, однажды к ним в дом приехал помощник Сперанского М. Л. Магницкий и на правах старого друга и своего человека прошел в кабинет Воейкова. Там он нашел целую кучу операционных планов предстоящей кампании, о чем ни он, ни Сперанский ничего не знали. Магницкий забрал эти планы и увез их к Сперанскому, после чего бумаги были возвращены Воейкову.

Взволнованный тем, что узнал, Сперанский отправился к Александру и с жаром стал опровергать ставшие известными ему планы. Царь очень на него рассердился и именно из-за этого подверг опале статс-секретаря и его приближенных, замешанных в деле с документами.

Любопытен в связи с этим рассказ А. Д. Балашова о его свидании с Наполеоном, состоявшемся через неделю после начала Отечественной войны.

Заканчивая аудиенцию, Наполеон спросил о причинах удаления Сперанского. Балашов ответил:

– Император им не был доволен.

– Однако же не за измену? – спросил Наполеон.

– Я не полагаю, Ваше Величество, потому что подобные преступления, вероятно, были бы опубликованы.

А расследовать и публиковать было нечего.

Чтобы избавиться от ставшего ненужным, но много знавшего Санглена, его 26 марта 1812 года отослали в 1-ю Западную армию директором военной полиции, а чуть раньше туда же уехал и военный министр Барклай-де-Толли, чтобы занять пост командующего этой армией. 31 марта он приехал в Вильно.

Письмо Кутузова Елизавете Хитрово от 19 января 1812 года

В русско-турецкой войне 1806–1812 годов главнокомандующим русской армией был Кутузов. Он успешно закончил войну, подписав 16 мая 1812 года выгодный для России мир.

Это произошло менее чем за месяц до нападения Наполеона на Россию.

От того времени до нас дошло немало документов. И тем не менее познакомимся с одним-единственным письмом Михаила Илларионовича к его самой любимой дочери – Елизавете Михайловне Хитрово. (В первом браке ее фамилия была Тизенгаузен. О ее муже – графе Фердинанде Тизенгаузене, погибшем под Аустерлицем, в этой книге уже говорилось.) Письмо было написано 19 января 1812 года. Кутузов – всегда веселый и остроумный, к старости чуть скептический – пишет любимой дочери, его исповеднице, хранительнице многих душевных тайн: «Ты не поверишь, мой милый друг, как я начинаю скучать вдали от вас, которые одне привязывают меня к жизни. Чем долее я живу, тем более я убеждаюсь, что слава – ничто, как дым. Я всегда был философом, а теперь сделался им в высшей степени. Говорят, что каждый возраст имеет свои страсти; моя же теперь заключается в пламенной любви к моим близким; общество женщин, которым я себя окружаю, не что иное, как каприз. Мне самому смешно, когда я подумаю, каким взглядом я смотрю на свое положение, на почести, которые мне воздаются, и на власть мне предоставленную. Я все думаю о Катеньке, которая сравнивает меня с Агамемноном. Но был ли Агамемнон счастлив? Как ты видишь,

мой разговор с тобой нельзя назвать веселым. Что ж делать! Я так настроен, потому что вот уже восьмой месяц, как никого из вас не вижу. Боже тебя благослови, и с детьми. Верный друг Михайло Г.-К.»

Пройдет год, и его станут называть Фемистоклом в Германии, а в России нарекут «Спасителем Отечества», а он будет иронически улыбаться. Настроение, с каким он встретил 1812 год, не оставит его.

Последние месяцы перед войной

9 апреля 1812 года в Казанском соборе, у фронтона которого стояли скульптуры Святого Владимира и Святого Георгия – двух небесных покровителей России, установившей в их честь высшие военные ордена, и превращенного в годы Отечественной войны и Освободительного заграничного похода в триумфальный музей, куда свозились отбитые у неприятеля знамена и ключи от взятых иноземных крепостей и городов, – Александр и его огромная свита отстояли торжественный молебен и по запроженным толпами народа улицам выехали из Петербурга.

Накануне царь поручил канцлеру Н. П. Румянцеву уведомить нового французского посла Ж. А. Лористона, сменившего генерала Коленкура, о причине своего отъезда в армию. Румянцев должен был сказать, что царь поехал, чтобы воспрепятствовать генералам предпринять какие-нибудь нечаянные действия, которые могли бы вызвать вооруженный конфликт между Россией и Францией.

14 апреля, в Вербное воскресенье, в два часа пополудни орудийные залпы и звон колоколов возвестили о прибытии царя к армии.

За шесть верст от Вильно его ждали выехавшие заранее флигель-адъютанты, а немного позади них стоял Барклай-де-Толли со всем генералитетом 1-й Западной армии.

За ними в сомкнутом строю выстроились несколько эскадронов кавалерии.

Всю первую неделю Александр объезжал и осматривал войска 1-й и 2-й армий, стоявшие в Литве и Белоруссии, сопровождаемый свитой и генералами главной квартиры – его собственного штаба, который называли еще Императорской ставкой. В главной квартире собрались разные люди. Здесь были талантливые генералы: князь П. М. Волконский и принц Александр Вюртембергский, Карл Клаузевиц, будущий выдающийся военный теоретик, полковник свиты по квартирмейстерской части, но было много и откровенных придворных интриганов, среди которых первое место занимал уже знакомый нам граф Армфельдт – главное действующее лицо в истории со Сперанским. Он и ему подобные посеяли в армии бациллы подозрительности, сплетен, наушничества и сильно вредили Барклаю, пытаясь дискредитировать его в глазах Александра, который вместе со своим штабом продолжал объезжать и инспектировать 1-ю и 2-ю армии.

В 1-й армии Баркляя-де-Толли было сто двадцать семь тысяч солдат и офицеров, во 2-й армии Багратиона – тридцать девять тысяч. Южнее 2-й армии, на Волыни, стояла 3-я армия генерала от кавалерии А. П. Тормасова численностью не более сорока тысяч.

На Дунае находилась 4-я армия, которой командовал М. И. Кутузов, но она в это время все еще была нацелена против турок, хотя мирные переговоры уже шли и их успешный исход ожидался со дня на день.

К этому времени Большая, или, как ее называли во Франции, «Великая армия», насчитывавшая более шестисот тысяч человек при тысяче трехстах семидесяти двух орудиях, развернулась вдоль западной границы России от Восточной Пруссии до Волыни, имея на главном направлении – в районе Литвы – трехкратный перевес сил.

Миссия в Вильно графа Нарбонна

6 мая 1812 года, за месяц до начала Отечественной войны, в Вильно, где находилась ставка

императора Александра I, прибывшего к армии, и стоял штаб 1-й Западной армии Барклай-де-Толли, прибыл французский генерал, адъютант Наполеона граф Нарбонн. Официально он должен был передать письмо Наполеона Александру, но на самом деле целью его визита был сбор информации о русской армии и о настроениях местного населения. Барклай-де-Толли был уведомлен о его приезде и через начальника высшей воинской полиции (разведки и контрразведки) Якова Ивановича де Санглена знал о каждом шаге Нарбонна.

Санглен приставил к посланцу Наполеона под видом слуг и кучеров своих агентов – офицеров полиции.

«И они, – пишет Санглен, – когда Нарбонн по приглашению императора был в театре в его ложе, пере-

поили приехавших с ним французов, увезли его шкатулку, открыли ее в присутствии императора, списали Инструкцию, данную самим Наполеоном, и представили государю. Инструкция содержала вкратце следующее: узнать число войск, артиллерии и пр. Кто командующие генералы? Каковы они? Каков дух в войске и каково расположение жителей? Кто при государе пользуется большой доверенностью? Нет ли кого из женщин в особенном кредите у императора? В особенности узнать о расположении духа самого императора, и нельзя ли будет свести знакомство с окружающими его?»

Нарбонн, по-видимому, догадался о постигшем его провале и на третий день своего пребывания в Вильно, 8 мая, уехал.

Его отъезд совпал с новыми важными событиями: как раз в это время стало известно, что император французов, король Италии, протектор Рейнского союза и медиатор Швейцарии Наполеон I покинул Париж и направляется к «Великой армии».

«Записки» Я. И. де Санглена о последнем дне мира

Обрусевший француз Я. И. де Санглен занимал должность начальника высшей воинской полиции, когда командующим 1-й Западной армией был Барклай-де-Толли.

11 июня 1812 года де Санглен записал: «Вдруг позван я был к государю... „Мои генералы и флигель-адъютанты просили у меня позволения дать мне бал на даче Беннигсена и для того выстроили там большую залу со сводами, украшенными зеленью. С полчаса тому назад получил я от неизвестного записку, в которой меня предостерегают, что зала эта ненадежная и должна рушиться во время танцев. Поезжай, осмотри подробно“».

Санглен приехал к Беннигсену в его загородное виленское имение Закрете, и когда хозяин потчевал его чаем, зала рухнула. Виновный в этом архитектор сбежал, оставив на берегу пруда свое платье, и тем самым имитируя самоубийство. Санглен доложил о случившемся Александру I, и тот велел очистить пол, добавив: «Мы будем танцевать под открытым небом».

Вернувшись домой, Санглен нашел там депешу из Ковно (Каунас. – В. Б.) с извещением, что Наполеон начал переправу через Неман, затем вернулся к Александру I и передал депешу ему. «Я этого ожидал, – сказал царь, – но бал все-таки будет».

С этим Санглен поскакал к генералу Беннигсену. Перед балом Санглен встретился с Барклаем, и тот сказал ему, что император предлагал Беннигсену командовать армией, но Беннигсен отказался. Тогда царь приказал командовать армией Барклаю.

Санглен якобы не советовал Барклаю соглашаться на командование, так как, по его мнению, «командовать русскими войсками на отечественном языке и с иностранным именем – невыгодно».

Затем Александр приехал в Закрете и, не начиная бала, осмотрел дачу Беннигсена. Имение понравилось Александру, и он предложил хозяину продать его. Беннигсен только два месяца как возвращен был в службу, нуждался в деньгах, испытывал к тому же более чем

обоснованные опасения, что в Вильно с часу на час могут появиться французы и он лишится своего имения.

Он продал Закрете своему августейшему гостю за двенадцать тысяч рублей золотом, после чего царь объявил о начале бала.

Эта сделка не вошла бы в историю, если бы сразу после того, как была совершена, к царю не подошел бы А. А. Закревский и не сообщил, что французы вступили на восточный берег Немана.

Царь молча выслушал Закревского и попросил пока ничего никому не говорить. Бал продолжался. (Кроме Закревского, претендентом на то, что первым, кто сообщил Александру о переходе войск Наполеона через Неман, заявлял себя и А. Д. Балашов.)

И лишь когда бал закончился, было объявлено, что война началась.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 ГОДА. ОТ НЕМАНА ДО БОРОДИНО

Первые сутки войны

С бала у Беннигсена император возвратился в Вильно, в свой кабинет, вместе с Барклаем-де-Толли. Он до утра писал письма и отдавал срочные распоряжения. Он написал рескрипт (предписание) председателю Государственного совета и председателю Комитета министров фельдмаршалу Николаю Ивановичу Салтыкову и приказ по всем русским армиям.

Рескрипт Салтыкову заканчивался словами: «Я не положу оружия, доколе ни единого неприятельского воина не останется в царстве моем».

Приказ по армии заканчивался фразой: «На начинающего Бог». Если вы помните, эта поговорка приводилась Екатериной II в «Бабушкиной азбуке». Вот когда и при каких обстоятельствах пригодилась она внуку...

От Вильно до Полоцка

И все же, сколь ни был преисполнен Александр решимости отразить вражеское нашествие, на следующий день, 13 июня, в 10 часов вечера Александр приказал А. Д. Балашову выехать к Наполеону и передать его личное письмо. Устно же сделать предложение о переговорах при одном непременном предварительном условии: армия вторжения должна оставить Ковно и отойти обратно на противоположный берег Немана. Той же ночью Балашов выехал и, наконец, после кратковременных встреч с Мюратом и Даву через четыре дня был отвезен обратно в Вильно, когда войска Наполеона уже вошли в город. Свидание с Наполеоном закончилось ничем, ибо он, разумеется, отказался уйти за Неман. Александр, пославший Балашова для демонстрации своего миролюбия, но несколько не веривший в успех его миссии, не дождавшись даже сообщения о том, добрался ли его посланец до Наполеона, на заре 14 июня выехал из Вильно в Свенцяны, где стояла русская гвардия.

В тот же день, уже добравшись до Свенцяны, Александр вызвал Аракчеева и попросил, чтобы он взял на себя управление военными делами. «С онаго числа, – писал Аракчеев, – вся французская война шла через мои руки и все тайные повеления, донесения и собственноручные повеления государя императора».

У нас нет оснований не верить этим словам Аракчеева, тем более что они подтверждаются и многими другими свидетельствами.

В ночь на 15 июня Барклай получил приказ Александра отвести 1-ю армию к Свенцянам, где находился император и его Главная квартира, а 2-й армии Багратиона приказано было идти к Вильке.

18 июня 1-я армия выступила из Свенцяны и, выполняя приказ Александра, двинулась к Дрисскому лагерю, куда должна была прийти и 2-я армия Багратиона.

Познакомьтесь с тем, как отступала 1-я армия Барклая. Вопреки распространенному мнению, что она шла беспорядочно и очень поспешно, следующий отрывок из воспоминаний одного из активных участников Отечественной войны 1812 года авторитетно опровергает такое мнение.

Из «Записок» майора В. И. Левенштерна

Среди огромного числа различных источников о войне 1812 года видное место занимают письма, дневники и записки ее участников, до сих пор, к сожалению, еще не все опубликованные. Этим запискам повезло больше – они вышли в свет в тринадцати номерах журнала «Русская старина» за 1900–1902 годы. Далее фрагменты этих записок вы увидите в этой книге.

Один из адъютантов Барклая, прошедший рядом с ним всю войну, майор Владимир Иванович Левенштерн, особенно тесно работал с главнокомандующим в первые месяцы войны. Вспоминая потом о первых ее днях и неделях, Левенштерн писал: «...Я работал день и ночь, чтобы оправдать доверие Барклая и вполне заслужить его... Да и мог ли я поступить иначе? Этот неутомимый, деятельный человек также никогда не отдыхал; работая постоянно, даже ночью, он поручал мне редактировать его мысли, излагать их, и курьеры немедленно везли написанное к Его Величеству.

Никто не подозревал, как мы были деятельны по ночам, ибо на следующее утро Барклай был первый на лошади, присутствуя при выступлении различных корпусов из лагеря и буквально обучая их тому, как надобно поступать, чтобы избежать тесноты, путаницы и замешательства: „Не думайте, – говорил он мне однажды, – что мои труды мелочны, порядок во время марша составляет самую существенную задачу главнокомандующего; только при этом условии возможно наметить заранее движение войска. Вы видели вчера, какой беспорядок и смятение царствовали в лагере генерала Тучкова 1-го; предположите, что в этот момент показался бы неприятель; какие это могло бы иметь последствия? Поражение раньше сражения!

Я отдал приказ выступить в 5 часов утра, а в 7 часов артиллерия и обоз еще оспаривали друг у друга, кому пройти вперед; пехота же не имела места пройти.

Предположите теперь, что я рассчитывал бы на этот отряд в известный час и что это промедление расстроило бы мою комбинацию, какой бы это могло иметь результат?

Быть может, непоправимое бедствие.

В настоящее время, когда я даю себе труд присутствовать при выступлении войск, начальники отдельных частей поневоле также должны быть при этом; поняв мои указания, как следует браться за дело, они воспользуются впоследствии его плодами. Пусть люди доставляют себе всякие удобства, я ничего не имею против этого, но дело должно быть сделано. После пяти или шести уроков, подобных сегодняшнему, вы увидите, что армия пойдет превосходно“».

Отъезд императора из армии

Отступая из Свенцяи, 1-я армия дошла до заранее созданного укрепленного лагеря на реке Дриссе.

29 июня Александр собрал военный совет, постановивший немедленно оставить неудачно построенный Дрисский лагерь, так как он мог превратиться в ловушку для армии, и отходить к Полоцку, куда должен был подойти Багратион со 2-й армией.

2 июля 1-я армия вышла из лагеря и 6 июля остановилась в Полоцке.

К этому времени у Александра сложилось твердое убеждение покинуть армию. Анализируя положение, создавшееся в начале июля на театре военных действий, царь писал председателю Комитета министров фельдмаршалу Н. И. Салтыкову: «Решиться на

генеральное сражение столь же щекотливо, как и от онаго отказаться. В том и другом случае можно легко открыть дорогу на Петербург, но, потеряв сражение, трудно будет исправиться для продолжения кампании... Единственно продолжением войны можно уповать с помощью Божию перебороть его (Наполеона – В. Б.)».

Решив покинуть армию и препоручая ее Барклаю, царь исходил, в частности, из того, что если Наполеон побьет Барклая, то это будет воспринято гораздо спокойнее, чем если то же самое произойдет с армией, когда во главе ее будет он сам.

Перед отъездом Александр заехал проститься с Барклаем. Он застал его на конюшне, где военный министр чистил своего коня. Отдав ему последние распоряжения, царь сел в коляску и сказал: «Прощайте, генерал, еще раз прощайте; надеюсь, до свидания. Поручаю вам свою армию; не забудьте, что у меня второй нет, – эта мысль не должна покидать вас».

Александр в Первопрестольной

11 июля в деревне Перхушково Александра встретил московский главнокомандующий – граф Федор Васильевич Ростопчин, о котором речь пойдет дальше, и вместе с ним въехал в Первопрестольную и остановился в Кремле.

На следующее утро Кремль заполнили тысячные толпы москвичей.

В 9 часов утра царь вышел на Красное крыльцо и был встречен приветственными криками народа и звоном всех московских колоколен.

Однако не только криками «Ура!» приветствовали Александра народные толпы. Он слышал рядом с собой: «Веди нас, отец наш! Умрем или победим! Одолеем супостата!»

Александр, сойдя с Красного крыльца, с трудом пробился сквозь густые толпы народа к Успенскому собору, где сейчас же начался молебен на одоление супостата и дарование победы русской армии. Все последующие дни царь был занят десятками важнейших дел по консолидации усилий всей страны и всех ее институтов и сословий для отпора интервентам.

15 июля собрание московских дворян и купцов еще раз убедило Александра в том, что у него есть мощная поддержка и среди дворян, и среди купцов. А встреча с народом в Кремле свидетельствовала о том, что ремесленники, мещане и крестьяне так же решительно настроены встать на защиту Отечества, как и он сам. Дворяне обязались сдать в армию каждого десятого крепостного и сами почти все, кто был способен носить оружие, пошли на войну.

Купцы, оказавшиеся 15 июля в Слободском дворце, собрали менее чем за полчаса по подписке две тысячи четыреста рублей. (А за всю войну 1812 года московское купечество пожертвовало более десяти миллионов рублей.)

Вечером во время ужина в Слободском дворце, растроганный приемом москвичей, Александр несколько раз повторил: «Этого дня я никогда не забуду».

Во время пребывания в Москве Александр получил мирный договор о завершении войны с Англией, еще раньше, по дороге в Москву, когда он 9 июля остановился в Смоленске, ему был вручен мирный договор с Турцией, подписанный в Бухаресте Кутузовым и уже ратифицированный султаном.

Уезжая из Москвы, Александр поручил Ростопчину продумать план эвакуации ценностей из Первопрестольной.

В ночь на 19 июля Александр выехал в Петербург и после суточной остановки в Твери у Екатерины Павловны и ее мужа Георга Ольденбургского 22 июля прибыл в столицу.

Поездка по России встряхнула Александра и дала ему новые силы и крепкую уверенность в том, что бороться с Наполеоном следует без всяких компромиссов и до конца.

Генерал от кавалерии А. П. Тормасов

Среди выдающихся полководцев Отечественной войны 1812 года одним из самых

известных был Александр Петрович Торماسов, о котором сегодня мало кто помнит. Он происходил из дворянского рода, берущего начало с XVI века.

Тормасов родился в 1752 году и служил под началом Потемкина, Кутузова и Суворова, получив ордена Георгия 3-й степени, Владимира 2-й степени, Белого Орла и Святого Станислава и золотую шпагу с надписью «За храбрость». Тормасов воевал в Крыму и в Польше, а в царствование Павла командовал лейб-гвардии конным полком, чьим шефом был сын императора – великий князь Константин Павлович.

Служба в гвардии свела Тормасова и с наследником престола Александром Павловичем. Когда же Александр по случаю своей коронации раздавал милости сановникам и генералам, в их числе оказался и Тормасов. 16 сентября 1801 года он был пожалован чином генерала от кавалерии, став, таким образом, полным генералом, следом за которым шел чин фельдмаршала. Прослужив в должностях инспектора по кавалерии двух инспекций (инспекциями при Павле стали называться дивизии, больше напоминающие не воинские соединения, а военные округа) – сначала Днестровской, а затем Лифляндской, – 26 января 1803 года был назначен киевским военным губернатором. Вслед за тем Тормасову было поручено сформировать Днестровскую армию для предстоящей войны с Турцией. Когда армия была сформирована, Александр Петрович после непродолжительного отпуска принял пост рижского военного губернатора. Важность этого поста была очевидной: в пограничной с Лифляндией Пруссии русская армия вела яростные, но неудачные сражения с армией Наполеона. Однако как только летом 1807 года был подписан Тильзитский мир, Тормасов подал прошение об отставке и вышел со службы с полным окладом жалованья и еще одним орденом – Александра Невского.

Но здесь подстерегало его несчастье, обернувшееся тем, что 9 июня 1808 года он снова вернулся в строй. Такое решение Тормасов принял после того, как внезапно умерла его любимая жена Луиза Филипповна, в девичестве фон Гейкинг, с которой он прожил в любви и счастье десять лет. Похоронив ее, Тормасов не мог оставаться в одиночестве, усугубленном бездеятельностью, и должен был окунуться в большие дела. Это дело нашлось: Александр поручил ему сформировать новую армию – Днестровскую.

Днестровская, или как ее еще называли Молдавская армия, сформированная Тормасовым в 1806 году, вскоре начала боевые действия с Турцией. А к 1809 году война началась и в Закавказье, где русским, кроме турок, еще с 1804 года противостояли и персы. В феврале 1809 года в Закавказье прибыл Тормасов, чтобы попытаться заключить мир с Персией и в любом случае защитить Грузию. Долгие переговоры ни к чему не привели, и тогда он начал активные действия против персидских войск. Имея всего сорок три тысячи солдат и офицеров, из которых двадцать три тысячи стояли в обороне на Кавказской линии, Тормасов с двадцатью тысячами выступил навстречу противнику и 22–23 августа в упорном бою с превосходящими силами Фетх Али шаха одержал в районе Гимры-Амамлы-Артика блистательную победу.

Александр прислал Тормасову алмазные знаки к одену Александра Невского и приказ, который велено было зачитать в войсках. «Такой необыкновенный подвиг, – писал Александр, – послужит потомству примером в том, что усердие, храбрость и труды заменяют число войск, преодолевают самые препоны природы и торжествуют над многочисленнейшим неприятелем».

Вслед за тем генералы армии Тормасова вторглись в Дагестан и подавили там антирусское движение горских феодалов. Так, в боях и походах прошел 1810-й и большая часть 1811 года, как вдруг в сентябре Александр Петрович получил новое назначение: его переводили главнокомандующим 3-й резервной обсервационной армией, штаб которой располагался в Луцке.

Подвиг 3-й армии

Накануне Отечественной войны 1812 года у западной границы России стояли три армии. 1-й, со штабом в Вильно, командовал М. Б. Барклай-де-Толли, 2-й, со штабом в Вилковишках, – П. И. Багратион, 3-й – А. П. Тормасов. Его армия была самой небольшой: в ней служили сорок тысяч солдат и офицеров, сведенных в четыре корпуса, три из которых были пехотными и один – кавалерийским. Обсервационная, как свидетельствовало и само название 3-й армии, должна была наблюдать за ходом военных действий, но, конечно же, не пассивно, имея целью защитить от вторжения в Южную Россию и самих французов, и союзных Наполеону австрийцев.

«Великая армия» перешла Неман 12 июня 1812 года, и Барклай с Багратионом начали отступление. Однако Тормасов стоял на своих позициях, ожидая действий австрийской армии, которой командовал князь Шварценберг. Но австрийские войска ушли к северу, а на их место прибыл смешанный франко-германский Саксонский корпус под командованием французского генерала Ренье для защиты от русских Варшавского герцогства.

Лишь 11 июля, через месяц после начала войны, 3-я армия двинулась в поход. Но не на восток шла она, а на запад – к Бресту и Кобрину, где стояли войска Ренье.

Обманув неприятеля ложным маневром в районе Пинска, Тормасов 13 июля взял Брест, а еще через день – Кобрин, захватив город и около двух с половиной тысяч пленных. Кобринская победа очень встревожила неприятеля, полагавшего, что Тормасов вслед за тем пойдет на Варшаву. Большое значение она имела потому, что была первой победой русских в Отечественной войне 1812 года. Имя Тормасова стало весьма популярным во всей России, а когда о его победе узнали в Москве, то вечерние спектакли стали начинаться с восклицаний актеров: «Слава генералу Тормасову, поразившему силы вражеские!» За одержанную победу Александр наградил его орденом Св. Георгия 2-й степени и пятьюдесятью тысячами рублей, написав при этом: «Мне известно, что состояние ваше не весьма избыточно».

Взятие Кобрина заставило тридцатитысячный корпус Шварценберга оставить «Великую армию» и вернуться на старое место, что ослабило наполеоновские войска, преследовавшие армию Багратиона.

Отступление

Между тем события на театре военных действий развертывались следующим образом. После отъезда Александра 1-я и

2-я армии 22 июля соединились в Смоленске, но не смогли удержать город и после упорного боя, продолжавшегося с 4 по 6 августа, оставили его и отошли на восток.

Смоленск был оставлен по приказу Барклая, но целесообразность этого приказа не разделялась командующим Гвардейским корпусом Константином, командующим 2-й армии П. И. Багратионом, да и самим Александром.

Отступление из-под Смоленска окончательно испортило взаимоотношения Барклая и Багратиона: с этого момента и до Бородинского сражения князь Петр Иванович считал тактику Барклая губительной для России, а его самого – главным виновником всего происходящего.

В письмах к царю, к Аракчееву, ко всем сановникам и военачальникам Багратион требовал поставить над армиями другого полководца, который пользовался бы всеобщим доверием и наконец прекратил бы отступление.

Письмо Багратиона Аракчееву от 7 августа 1812 года

К вынужденному отступлению русской армии в России относились по-разному. Немногие понимали необходимость этого из-за невозможности сдержать натиск более сильного

противника. И почти никто не считал отступление единственно разумным вариантом ведения войны.

В армии же одним из самых яростных противников отступления был генерал от инфантерии князь П. И. Багратион. Его позиция стала особенно бескомпромиссной после ухода русских из Смоленска 6 августа 1812 года.

Об этом можно судить по его письму от 7 августа 1812 года всесильному Алексею Андреевичу Аракчееву, написанному сразу же после сдачи Смоленска:

«Милостивый государь, граф Алексей Андреевич!

Я думаю, что министр уже рапортовал об оставлении неприятелю Смоленска. Больно, грустно, и вся армия в отчаянии, что самое важное место понапрасну бросили. Я, с моей стороны, просил лично его убедительнейшим образом, наконец и писал, но ничто его не согласило. Я клянусь вам моею честью, что Наполеон был в таком мешке, как никогда, и он бы мог потерять половину армии, но не взять Смоленска. Войска наши так дрались и так дерутся, как никогда. Я удержался с пятнадцатью тысячами более тридцати пяти часов и бил их; но он не хотел остаться и четырнадцать часов. Это стыдно, и пятно армии нашей; а ему самому, мне кажется, и жить на свете не должно. Ежели он доносит, что потеря велика, – неправда; может быть, около четырех тысяч, не более, но и того нет. Хотя бы и десять, как быть, война! Но зато неприятель потерял бездну...

Что стоило еще оставаться два дня? По крайней мере, они бы сами ушли, ибо не имели воды напоить людей и лошадей. Он дал слово мне, что не отступит, но вдруг прислал диспозицию, что он в ночь уходит. Таким образом воевать не можно, и мы можем неприятеля скоро привести в Москву...

Надо командовать одному, а не двум. Ваш министр, может, хороший по министерству; но генерал, не то что плохой, но дрянной, и ему отдали судьбу всего нашего Отечества...

Я, право, с ума схожу от досады; простите мне, что дерзко пишу. Видно тот не любит государя и желает гибели нам всем, кто советует заключить мир и командовать армиею министру. Итак, я пишу вам правду: готовьтесь ополчением. Ибо министр самым мастерским образом ведет в столицу за собою гостя. Большое подозрение подает всей армии господин флигель-адъютант Вольцоген. Он, говорят, более Наполеона, нежели наш, и он советует все министру...

Скажите, ради Бога, что2 нам Россия – наша мать скажет, что так страшимся и за что такое доброе и усердное Отечество отдается сволочам и вселяет в каждого подданного ненависть и посрамление? Чего трусить и кого бояться? Я не виноват, что министр нерешим, трус, бестолков, медлителен и все имеет худые качества. Вся армия плачет совершенно и ругают его насмерть...

Бедный Пален от грусти в горячке умирает. Кнорринг кирасирский умер вчерась. Ей богу, беда. И все от досады и грусти с ума сходят...

Ох, грустно, больно, никогда мы так обижены и огорчены не были, как теперь... Я лучше пойду солдатом, в суме воевать, нежели быть главнокомандующим и с Барклаем.

Вот я вашему сиятельству всю правду описал, яко старому министру, а ныне дежурному генералу и всегдашнему доброму приятелю. Простите.

Всепокорный слуга князь Багратион.

7 августа 1812 года, на марше – село Михайловка».

Голос Багратиона был голосом подавляющего большинства солдат, офицеров и генералов всех русских армий. Александр не мог к нему не прислушаться.

Да и не только Багратион требовал этого. Многие другие сановники и генералы откровенно писали и говорили Александру о необходимости замены Барклая на его посту.

Назначение Кутузова главнокомандующим

5 августа Александр поручил решить вопрос о главнокомандующем специально созданному для этого Чрезвычайному комитету. В него вошли шесть человек самых близких к царю: председатель Государственного совета и Комитета министров фельдмаршал Н. И. Салтыков, всесильный фаворит А. А. Аракчеев, министр полиции генерал-адъютант А. Д. Балашов, генерал от инфантерии С. К. Вязьмитинов, князь П. В. Лопухин и граф В. П. Кочубей. (Трое первых из них были главными и наиболее авторитетными деятелями Государственного совета.) Тем не менее состав комитета определялся не столько должностями его членов, сколько личной близостью к Александру. От старика Салтыкова, в прошлом главного воспитателя Александра и его брата Константина, до сравнительно молодых Лопухина и Кочубея все члены комитета были друзьями царя. Они обсудили пять кандидатур – Беннигсена, Багратиона, Торماسова и шестидесятисемилетнего графа Палена – организатора убийства императора Павла, вот уже одиннадцать лет находящегося в отставке и проживавшего в своем курляндском имении. Пятым был назван Кутузов, и его кандидатура была признана единственно достойной столь высокого назначения.

Чрезвычайный комитет немедленно представил свою рекомендацию императору. 8 августа 1812 года М. И. Кутузов был принят императором и получил рескрипт о его назначении главнокомандующим.

Позднее Александр писал своей сестре Екатерине: «В Петербурге я увидел, что решительно все были за назначение главнокомандующим старика Кутузова: это было общее желание. Зная этого человека, я вначале противился его назначению, но когда Ростопчин письмом от 5 августа сообщил мне, что вся Москва делает, чтоб Кутузов командовал армией, находя, что Барклай и Багратион оба неспособны на это... мне оставалось только уступить единодушному желанию, и я назначил Кутузова. Я должен был остановить свой выбор на том, на кого указал общий глас».

К командующим армиями Торماسову, Багратиону, Барклаю и Чичагову тотчас же были направлены рескрипты одинакового содержания: «Разные важные неудобства, происшедшие после соединения двух армий, возлагают на меня необходимую обязанность назначить одного над всеми оными главного начальника. Я избрал для сего генерала от инфантерии князя Кутузова, которому и подчиняю все четыре армии. Вследствие чего предписываю вам с армиею состоять в точной его команде. Я уверен, что любовь ваша к Отечеству и усердие к службе откроют вам и при сем случае путь к новым заслугам, которые мне весьма приятно будет отличать подлежащими наградами».

Получив назначение, Кутузов написал письмо Барклаю и от себя лично. В этом письме он уведомлял Михаила Богдановича о своем скором приезде в армию и выражал надежду на успех их совместной службы.

Барклай получил письмо 15 августа и ответил Кутузову следующим образом: «В такой жестокой и необыкновенной войне, от которой зависит сама участь нашего Отечества, все должно содействовать одной только цели и все должно получить направление свое от одного источника соединенных сил. Ныне под руководством Вашей Светлости будем мы стремиться с соединенным усердием к достижению общей цели, – и да будет спасено Отечество!»

Из «Записок» Ф. П. Толстого

Федор Петрович Толстой, родственник М. И. Кутузова, оставил любопытные записки, в которых сообщал, что после приезда в Петербург Михаил Илларионович часто бывал в доме своего троюродного брата Логина Ивановича Голенищева-Кутузова. (Федор Петрович был родней и мужу старшей дочери М. И. Кутузова, Прасковье, – сенатору Матвею Федоровичу Толстому.) Для жены Логина Ивановича Кутузова, Надежды Никитичны, Толстой вылепил портрет полководца из воска. Ф. П. Толстой пишет:

«По назначении его главнокомандующим, в последние два дня перед отправлением к

армии, он провел оба вечера у Логина Ивановича и Надежды Никитичны по его желанию, без свидетелей. Но мне, ходившему в то время каждый вечер читать Надежде Никитичне и Логину Ивановичу сочинения Пушкина и Жуковского, не было воспрещено оставаться, когда приезжал к ним Михаил Илларионович, и оба эти вечера я провел вместе с ними. Михаил Илларионович в эти достопамятные для меня вечера был очень весел, говорил много о Наполеоне и шутил. Говоря о своем отъезде на другой день в армию, он сказал, что если застанет наши войска еще в Смоленске, то не выпустит Наполеона в пределы России. В последний вечер он сидел у Логина Ивановича недолго, но был очень весел, и когда пошли проводить его в переднюю, последние слова, сказанные им смеючись Надежде Никитичне, были: „Я бы ничего так не желал, как обмануть Наполеона“.

Наполеон, узнав, что главнокомандующим русскими армиями назначен Кутузов, воскликнул: «Старый лис Севера!»

Михаил Илларионович, услышав об этом, заметил лукаво: «Постараюсь доказать великому полководцу, что он прав».

...11 августа, в воскресенье, Кутузов выехал из Петербурга к армии. Толпы народа стояли на пути его следования, провожая полководца цветами и сердечными пожеланиями успеха. Волна всенародной любви вынесла Кутузова за петербургскую заставу под крики «ура» и перезвон церковных колоколов.

Приезд Кутузова в армию

17 августа 1812 года, в три часа дня, новый главнокомандующий всеми русскими армиями генерал от инфантерии князь Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов прибыл в деревню Царево-Займище, где располагалась штаб-квартира Барклая-де-Толли.

Барклай сдал командование внешне спокойно. Однако самолюбие его, конечно же, было уязвлено. Впоследствии, рассказывая о передаче Кутузову всех прерогатив, которых он лишился в связи с его приездом в армию, Барклай писал царю: «Избегая решительного сражения, я увлекал неприятеля за собой и удалял его от его источников, приближаясь к своим; я ослабил его в частных делах, в которых я всегда имел перевес.

Когда я почти до конца довел этот план и был готов дать решительное сражение, князь Кутузов принял командование армией».

Кутузов застал войска готовящимися к сражению – вовсю шло строительство укреплений, подходили резервы, полки занимали боевые позиции.

Главнокомандующий осмотрел позиции, объехал войска, повсюду встречаемый бурным ликованием, и... отдал приказ отступить. Он не хотел рисковать и не мог допустить, чтобы его разбили в первый же день приезда в армию. К тому же Кутузов знал, что на подходе резервы Милорадовича, а еще дальше в тылу собирается в поход многочисленное московское ополчение.

Кутузов, приняв от Барклая командование, принял вместе с тем и его стратегию ведения войны.

Армия отступала, продолжая тем самым единственно правильную в то время тактику, начатую Барклаем.

Сделай то же самое Барклай, армия, вероятно, была бы близка к вооруженному мятежу, а при Кутузове этого не случилось.

Уйдя из Царева-Займища, русская армия отступала с тяжелыми боями, делая 8–9 верст в сутки. Преследовавшая русский арьергард кавалерия Мюрата шла за войсками Коновницына и Платова, как кровожадная волчья стая за огрызающейся сворой окровавленных, озлобленных борзых. С 17 до 26 августа – от Царева-Займища до Бородино – шли непрерывные бои, происходившие даже ночами. 20 августа за Гжатском дивизия Коновницына вела бой тринадцать часов, отступив на семнадцать верст и переменяв восемь

позиций, казаки Платова рубились десять часов, переменяв пять позиций.

Генеральное сражение становилось неизбежным, тем более что до Москвы оставалось чуть более ста верст.

Союз России со Швецией

За день до отъезда Кутузова в армию Александр уехал в Або для свидания с наследным шведским принцем Карлом Юханом.

Наследник шведского престола был фигурой более чем неординарной.

До сорока семи лет он служил во французской армии и получил маршальский жезл из рук Наполеона. Тогда его звали Жаном Батистом Бернадотом. В 1810 году он был уволен в отставку и в августе того же года приглашен шведским риксдагом на открытую вакансию наследника шведского трона, так как бездетный король Карл XIII был стар и болен.

Выбор риксдага пал на Бернадота потому, что он за несколько лет до отставки, воюя в Голландии, отпустил на свободу взятых в плен шведов – тогдашних союзников голландцев.

Во время переговоров Александр скрепил своей подписью союзный договор России со Швецией, подписанный полномочным представителем России еще 24 марта 1812 года.

Бернадот обратился к Александру с просьбой вернуть Швеции Аландские острова, однако царь весьма вежливо, но твердо отказал ему. Зато он согласился содействовать Бернадоту в присоединении к Швеции Норвегии, а тот, в свою очередь, обязался признать присоединение восточной части Польши, если таковое произойдет в ходе войны против Наполеона.

БОРОДИНО

Общая расстановка сил

Утром 22 августа русская армия подошла к большому полю, в центре которого лежало село Бородино, а в разных его концах стояло несколько деревень. С севера поле огибала Новая Смоленская дорога, а с юга – Старая.

В центре поля лежала деревня Семеновская, севернее – село Бородино и деревенька Горки, на юге – деревенька Утица, на западе – село Шевардино, оказавшееся передовым пунктом, ближе всех к наступающему противнику.

Возле деревни Шевардино солдаты и ополченцы стали немедленно возводить редут.

Остановившись, Кутузов тотчас же послал Александру депешу, в которой писал: «Позиция, в которой я остановился при селе Бородине, в двенадцати верстах впереди Можайска – одна из наилучших, какую только на плоских местах найти можно. Слабое место сей позиции, которое находится с левого фланга, постараюсь я исправить посредством искусства.

Желательно, чтобы неприятель атакował нас с сей позиции, в таком случае имею большую надежду к победе, но ежели он, найдя мою позицию крепкою, маневрировать будет по дорогам, ведущим к Москве, тогда должен буду идти и стать позади Можайска, где все сии дороги сходятся».

На правом фланге, у Новой Смоленской дороги, по которой могли идти в ряд четыре повозки, поставил он 1-ю армию Баркляя, на левом фланге – 2-ю армию Багратиона.

Бой за Шевардинский редут

Утром 5 сентября, когда на укреплениях левого фланга еще работали десятки тысяч ополченцев и солдат, французы начали продвигаться вперед, чтобы не дать русским закончить строительство флешей.

Однако на пути к Семеновским флешам стоял Шевардинский редут, мешавший Наполеону развернуть армию, и он приказал взять это укрепление.

В середине дня 5 сентября на Шевардино двинулись три пехотные дивизии маршала Даву и польская кавалерия Юзефа Понятовского – племянника последнего польского короля Станислава Августа и ярого приверженца Наполеона, который через год присвоил Понятовскому – единственному из иностранцев – звание маршала Франции.

Тридцать пять тысяч французов и поляков ринулись на Шевардинский редут.

Этой громаде войск противостоял одиннадцатитысячный отряд генерал-лейтенанта А. И. Горчакова – племянника генералиссимуса Суворова.

Горчаков был известен тем, что в двадцать три года, уже будучи генералом, прославился в итальянском и швейцарском походах Суворова, получив боевое крещение в сражениях с прославленными полководцами Франции – Жубером и Моро. Он-то и возглавил оборону Шевардина. Исключительно жестокий бой продолжался до полуночи. Даже Кутузов, побывавший в десятках сражений, в письме к жене назвал сражение за Шевардинский редут «делом адским». Но это «адское дело» сыграло свою роль: генеральное сражение отодвинулось еще на сутки, а за это время русские сумели лучше подготовиться к бою.

Диспозиции предстоящего сражения

Сто пятьдесят четыре тысячи восьмьсот русских солдат, офицеров, казаков и ополченцев были выстроены в пять линий, следующих одна за другой на глубину в полтора километра.

В двух первых линиях длиной в восемь километров стояли пехотные корпуса, в третьей и четвертой – длиной в четыре с половиной километра – кавалерия, и в пятой – длиной в три с половиной километра – смешанный резерв.

Малая глубина русских боевых порядков, уязвимых для огня французской артиллерии, вплоть до резервов, была главной слабостью такого построения. На высотах и флангах были поставлены сто два орудия, и по именам командиров соединений, которые стояли здесь, одну из них – на юге – называли «Багратионовыми флешами», другую – в центре – «батарея Раевского». Они-то и стали главными опорными пунктами русской армии в Бородинском сражении.

Подвижная артиллерия насчитывала пятьсот тридцать восемь орудий, а вместе с артиллерией, стоящей в укреплениях, у Кутузова было шестьсот сорок орудий. Французская армия имела в своих рядах сто тридцать четыре тысячи солдат и офицеров и пятьсот восемьдесят семь орудий. Таким образом, нельзя говорить о численном превосходстве французской армии, как это постоянно утверждалось советскими историками.

Правый фланг и центр русской позиции занимала 1-я армия М. Б. Барклая-де-Толли (более семидесяти пяти тысяч человек), а на левом фланге стояла 2-я армия П. И. Багратиона (сорок пять тысяч человек). По этому поводу традиционно утверждалось, что такое построение войск было следствием хитроумного замысла Кутузова, намеренно подставлявшего слабый левый фланг под удар неприятеля для того, чтобы подстроить французам некую западню.

Однако же правда состоит в том, что расписание построения и движения войск на марше было устойчивым, и потому обе армии как двигались к селу Бородино —

1-я севернее, 2-я – южнее, – так и встали на позиции.

А правый фланг был сильнее оттого, что он стоял у наиболее важной Новой Смоленской дороги.

Русская армия при Бородине заняла оборонительную позицию, французская – наступательную. Перед Кутузовым стояла задача не пропустить армию захватчиков к Москве. Наполеон добивался противоположного: разгромить русскую армию в генеральном сражении, которого он искал с самого начала кампании, и затем взять Первопрестольную.

Оба полководца считали предстоящее сражение решающим, и оба отдавали себе отчет в том, что от его исхода в конечном счете зависит судьба войны.

В ходе сражения Наполеон непрерывно атаковал – методично и неуклонно, а Кутузов

столь же методично и неуклонно оборонялся.

Такой была тактика генерального сражения между двумя полководцами и их армиями. И потому можно полагать совершенно неправильным устоявшийся в советской исторической литературе стереотип, согласно которому Кутузова представляют хозяином положения на Бородинском поле, а Наполеона – покорным исполнителем навязанных ему схем и решений.

Исходя из концепции предстоящего сражения, всю вторую половину дня 6 сентября противники завершали приготовления к бою. Вечером Наполеон провел военный совет и окончательно решил наносить главный удар по русскому левому флангу.

Далее следовало общее предписание: «Сражение, таким образом начатое, будет продолжено сообразно с действиями неприятеля».

В русском лагере было хорошо слышно, как в стане неприятеля ревели солдаты, когда Наполеон объезжал свою армию, готовя ее к предстоящему сражению. Он напоминал солдатам о победах над русскими под Аустерлицем, Фридрихсдорфом, Витебском и Смоленском, закончил обращение к солдатам так: «Пусть позднейшее потомство с гордостью вспомнит о ваших подвигах в этот день. Да скажут о каждом из нас: „Он был в великой битве под Москвой!“ Солдаты! Вот битва, которой вы так желали! Теперь победа зависит от вас!» И далее обещал им победу, зимние квартиры, изобилие и скорое возвращение на родину.

Веселье охватило французский лагерь. / «И слышно было до рассвета, / Как ликовал француз», – напишет через четверть века М. Ю. Лермонтов.

В это время скрытно, в ночной темноте, Наполеон перевел значительную часть своих сил через реку Колочу и максимально приблизился к русским позициям.

В отличие от наполеоновского лагеря у русских все было спокойно. Солдаты, по обычаю, переодевались в чистое белье, вопреки обычаю отказывались от традиционной чарки. Ночью священники пронесли по лагерю чудотворный образ Смоленской Божьей Матери – заступницы русской земли. За образом шел с непокрытой головой и со слезами на глазах Кутузов со всем своим штабом; на их пути стояли коленапреклоненно полтора-два тысяч солдат и офицеров. И как писал потом один из героев Бородина Федор Глинка: «Это живо напоминало приготовление к битве Куликовской».

Ночь главнокомандующего перед решающим сражением

Кутузов приехал в деревню Татарино и до трех часов ночи ходил вокруг стола, на котором лежала карта с нанесенными позициями, и – в который уже раз! – разглядывал ее, мысленно передвигая по ней громады своих войск, и при этом, меняя решения, шептал: «А теперь – вот так. Нет! Не так, а вот так. И так нельзя, может быть, вот эдак!»

Он видел свои войска, построенные в пять линий: в двух первых линиях, длиной в восемь километров, стояли пехотные корпуса, в третьей и четвертой, длиной в четыре с половиной километра – кавалерия, в пятой – длиной в три с половиной километра – смешанный резерв. Он видел на юге перед деревней Семеновской, на левом фланге своей позиции, «Багратионовы флеши» – три стреловидных полевых укрепления, обращенные тупыми углами к противнику, видел и понимал, что именно этот, левый фланг, нуждается в дополнительном укреплении. Однако он не выявил до конца уязвимости своей позиции – она простреливалась насквозь вражеской артиллерией. А Наполеон был лучшим в мире артиллерийским командиром.

Кутузов, как уже говорилось выше, поставил семидесятипяти тысячную 1-ю армию Барклая на правом фланге и в центре, а сорокапяти тысячную 2-ю армию Багратиона – на левом фланге, рассчитывая, что главный удар примет несокрушимый в обороне Барклай, а стремительный Багратион ударит во фланг французам, но ближайшее будущее показало, что события развернутся не так. А в три часа ночи, совершенно устав и измучившись, старик

Кутузов позвал денщика своего Ничипора и велел помочь раздеться.

Он уснул, тяжело вздыхая.

...Около пяти часов утра его разбудил первый пушечный выстрел. Бородинское сражение началось.

Барклай, Кутайсов и Закревский перед Бородинским сражением

Накануне Бородинского сражения, вспоминал начальник секретной канцелярии Барклая А. А. Закревский, он сам, Барклай и молодой артиллерийский генерал А. И. Кутайсов, начальник артиллерии 1-й армии, провели ночь в крестьянской избе.

Барклай был очень грустен, всю ночь писал, запечатал написанное в конверт и спрятал его в карман сюртука, задремал только перед рассветом.

Кутайсов, перед тем как уснуть, напротив, шутил, болтал и веселился. Он написал все, что считал нужным. Его последним письмом, его завещанием, был приказ по артиллерии 1-й армии: «Подтвердите во всех ротах, чтобы они с позиции не снимались, пока неприятель не сядет верхом на пушки.

Сказать командирам и всем господам офицерам, что, только отважно держась на самом близком картечном выстреле, можно достигнуть того, чтобы неприятелю не уступить ни шагу нашей позиции. Артиллерия должна жертвовать собой. Пусть возьмут вас с орудиями, но последний картечный выстрел выпустите в упор».

Он сам исполнил свой долг до конца, не уступив неприятелю ни шагу позиции, пожертвовав собой и выпустив последний картечный выстрел действительно в упор...

Барклай же, возможно, писал этой ночью прощальные письма, а быть может, и завещание. Все видевшие его в Бородинском бою, утверждали, что он хотел умереть. «С ледяным спокойствием оказывался он в самых опасных местах сражения. Его белый конь издали виден был даже в клубах густого дыма. Офицеры и даже солдаты, – писал офицер Федор Глинка, – указывая на Барклая, говорили: „Он ищет смерти“».

Под Барклаем убило пять лошадей, рядом с ним погибли два его адъютанта – фон Клингфер и граф Лаймин, но он остался жив, а Кутайсов погиб, не дожив четыре дня до своего двадцативосьмилетия...

Начало сражения

Около пяти часов утра, как только забрезжили первые лучи солнца, Наполеон вышел из своего шатра. Ему доложили, что русские стоят на позиции. «Наконец они попались! Идем открывать ворота Москвы!» – радостно воскликнул Бонапарт и, сев на коня, помчался к Шевардинскому кургану, где располагалась его ставка.

Раздался первый пушечный выстрел, и сражение началось. Через несколько минут уже загремели десятки орудий.

Услышав канонаду, Кутузов вышел из избы, в которой провел ночь перед сражением, кряхтя взобрался на низкорослую лошадку и поехал в сопровождении казака-ординарца к деревне Горки, где накануне облюбовал себе место для командного пункта.

Вопреки ожиданиям французы нанесли первый удар не по левому флангу, а по правому, ворвавшись в Бородино.

Адъютант Барклая майор В. И. Левенштерн вспоминал: «На восходе солнца поднялся сильный туман... заволакивавший в то время равнину. Генерал Барклай в полной парадной форме, при орденах и в шляпе с черным пером стоял со своим штабом на батарее позади деревни Бородино».

Внезапно из тумана возникли французские тиральеры и кинулись вперед. Барклай бросил в штыки лейб-гвардейских егерей, остановил французов и приказал, отступая, взорвать мост через Колочу. Этот приказ выполнили матросы мичмана Лермонтова. (На месте их подвига

был поставлен небольшой обелиск.) И все же через час французы взяли Бородино, потеряв первого из своих генералов – Л. О. Плезонна.

Почти одновременно Наполеон нанес главный удар по левому флангу русских – по «Багратионовым флешам».

Три маршала – Даву, Мюрат и Ней – начали штурм флешей. Впереди, сменяя друг друга из-за тяжелых ранений, шли командиры дивизий: Компан, накануне взявший Шевардино, затем Дессе, а после него – генерал-адъютант Наполеона Рапп, получивший в атаке на флешу свою двадцать вторую рану.

Увидев, что попытки сбить русских с позиций безуспешны, во главе атакующих встал «железный маршал» Даву и ворвался со своим любимым пятьдесят седьмым полком в левую флешу, но был сбит с лошади и потерял сознание.

В 8 часов утра пять французских дивизий все же ворвались во флешу, но Багратион сам повел в штыки свою пехоту и выбил противника с занятых им позиций.

Тогда Наполеон бросил в бой кирасир неаполитанского короля маршала Мюрата. Все тот же Ф. Глинка писал: «Впереди всех неся всадник в живописном наряде. За ним волновалась целая река его конницы. Могучие всадники в желтых и серебряных латах, на крепких конях, слились в живые медные стены. И вся эта звонко-железная толпа неслась за Мюратом».

Но и эта, третья, атака флешей была отбита.

Разгар сражения

В девять часов началась четвертая атака. На ее «острие» шла образцовая дивизия генерала Фриана. В дыму и пламени она прошла сквозь русские позиции и ворвалась в деревню Семеновскую. Однако и на этот раз Багратион, собрав все, что только еще оставалось, пошел в контратаку и выбил неприятеля и из деревни, и с флешей.

Атака следовала за атакой до самого полудня. Уже почти до последнего человека пали дивизии Воронцова и Неверовского, а оба их командира были тяжело ранены. Уже был убит командир бригады генерал-майор А. А. Тучков – младший из пяти братьев-генералов, поднявший своих солдат в контратаку со знаменем в руках. Уже рвы перед флешами доверху были забиты телами погибших, но столь же безуспешной для французов оказалась и шестая атака флешей.

Наполеон понимал, что если флешу не будут взяты, то рухнет весь его замысел, казавшийся таким логичным и стратегически безукоризненным.

Поэтому он решил бросить в последнюю атаку все, что было можно. По приказу Наполеона против русского левого фланга было сосредоточено сорок пять тысяч солдат при четырехстах орудиях, и началась последняя атака флешей, на «острие» которой шла дивизия Фриана – спешенные кирасиры, «железные люди», одетые в тяжелые металлические кирасы – кованые нагрудники.

Вел дивизию маршал Мишель Ней – храбрый из храбрых двухметровый рыжеволосый богатырь, носивший прозвище Бог Марс.

Он встал в первый ряд атакующих и повел дивизию вверх по склону. Наполеон поднял подзорную трубу и стал следить за рыжей головой маршала, которая была отлично видна ему. И вдруг голова исчезла.

– Скачите, капитан, – сказал он одному из адъютантов, – узнайте, что с маршалом, я не вижу его.

Через двадцать минут адъютант, примчавшись обратно, спешил с коня.

– Маршал и жив, и невредим, сир!

– Но почему же я не вижу его?

– Там такой густой пороховой дым, сир, что голова маршала стала совершенно черной...

Русские стояли непоколебимо. Они не отступали, не бежали, а только чуть-чуть отходили, с

тем чтобы почти тотчас же пойти вперед.

Это была колышавшаяся, ощетилившаяся штыками, непробиваемая живая стена, и Наполеон впервые ничего не мог с этим поделать.

Более того, после взятия Курганной высоты французами русские перехватили инициативу. Барклай вовремя перебросил корпус Багговута на помощь Багратиону и не дал французам обойти его позиции слева. Начальник штаба 1-й армии генерал-майор А. П. Ермолов, увидев, что французы тащат на Курганную высоту орудия, остановил отступающих, взял из резерва еще четыре полка и повел их в контратаку. Ермолов имел с собой дюжину солдатских Георгиевских крестов с лентами. Он скакал впереди наступающих и кидал орден в толпу неприятелей, а солдаты рвались вперед, зная, что, кто первым подберет орден, тому он и будет принадлежать.

Однако на левом фланге последняя атака французов увенчалась успехом.

57-й полк из корпуса Даву без выстрелов, со штыками наперевес, прорвался к русским пушкам. Увидев это, Багратион воскликнул: «Браво!» – и сам повел сводную колонну кавалеристов и пехотинцев в контратаку. Но счастье изменило ему – осколок ядра попал князю в левую ногу. Теряя сознание, Багратион упал с коня и был вынесен с поля боя.

Прибывший на смену ему генерал-лейтенант Д. С. Дохтуров остановил дрогнувшие войска и приказал: «За нами Москва! Умирать всем, но ни шагу назад!»

Он отвел остатки 2-й армии за деревню Семеновскую и опять прочно стал на новом рубеже.

К этому времени центр боя переместился в район Курганной высоты, на которой стояла батарея Раевского.

В два часа дня французы начали ее решающий штурм, поддержанный огнем трехсот орудий. Теперь на высоту пошли три пехотные и одна кирасирская дивизия, мчавшаяся впереди.

Участник боя Лабом вспоминал: «Казалось, что вся возвышенность превратилась в движущуюся железную гору. Блеск оружия, касок и панцирей, освещенных солнечными лучами, смешивался с огнем орудий, которые, неся смерть со всех сторон, делали редут похожим на вулкан в центре армии». Кирасиры, врубившиеся с фланга, были поддержаны пехотинцами из дивизии Жерара, шедшими по фронту.

Дивизия генерала П. Г. Лихачева вся, до последнего человека, пала на высоте, не сделав ни шагу назад. Старик Лихачев кричал: «Помните, ребята, деремся за Москву!» А когда остался один, то разорвал на груди мундир и пошел на французские штыки. Израненный, он был взят в плен.

Французы взяли батарею Раевского в три часа дня. И она являла собою зрелище, превосходившее по ужасу все, что только можно было вообразить. Подходы, рвы, внутренняя часть укреплений – все это исчезло под искусственным холмом из мертвых и умирающих, средняя высота которого равнялась шести-восьми человекам, наваленным друг на друга», – писал один из участников сражения.

По выражению французского офицера Цезаря Ложье, «погибшая здесь дивизия Лихачева, казалось, и мертвая охраняла свой редут».

Ключ Бородинской позиции был взят Наполеоном, но и это не решило дела в его пользу: русская пехота отошла за недалекий овраг и снова выстроилась в боевой порядок.

Наполеон сделал последнюю отчаянную попытку разгромить русских и бросил на центр два кавалерийских корпуса.

Примчавшийся сюда Барклай противопоставил им два русских кавалерийских корпуса – К. А. Крейца и Ф. К. Корфа. Он не только построил эту лаву в боевой порядок, но и сам повел ее в бой, в котором рубился, как простой кавалерист. Чуть позже он написал: «Тогда началась кавалерийская битва из числа упорнейших, когда-либо случавшихся».

В этой битве под Барклаем пали пять лошадей, были убиты и ранены его адъютанты, ему

прострелили шляпу и плащ, но он, как писал Ф. Глинка, «с ледяным спокойствием втеснялся в самые опасные места».

Один из храбрейших русских генералов М. А. Милорадович, увидев это, воскликнул: «У него не иначе как жизнь в запасе».

Натиск французских кавалеристов был отбит, кавалерия противника отступила.

Окончание сражения

У Наполеона оставался последний шанс выиграть сражение – бросить в бой свой главный резерв – «старую» гвардию, состоящую из девятнадцати тысяч лучших из лучших солдат и офицеров, каждый из которых отличился не менее чем в четырех кампаниях и безусловно прослужил не менее десяти лет.

Но он не решился на это, сказав: «За восемьсот лье от Франции нельзя рисковать последним резервом».

А русские, между тем, к концу дня успели ввести в бой все резервы, включая и гвардию.

Помимо штурма «Багратионовых флешей» и батареи Раевского, и всех, связанных с этим передвижением войск, во время Бородинского сражения не было предпринято почти никаких иных серьезных тактических маневров, кроме обоюдных попыток совершить фланговые обходные кавалерийские рейды.

Сначала такую попытку предпринял Понятовский, пытаясь обойти войска Багратиона с юга, затем на противоположном, северном, конце поля битвы такой же маневр предприняли русские кавалеристы и казаки генералов Уварова и Платова.

(В советской исторической литературе этот рейд считают вершиной полководческого искусства Кутузова и его соратников. На самом же деле такая оценка грешит явным преувеличением. Четыре тысячи пятьсот русских конников были вскоре остановлены французскими кавалеристами из дивизии Орнано и возвратились ни с чем.)

Кутузов после боя представил к наградам всех генералов, кроме Уварова и Платова, оценив таким образом их участие в битве у села Бородино.

Исход сражения

К вечеру бой стал затихать. Обе армии стояли одна против другой – обескровленные, измотанные, поредевшие, но все равно готовые к дальнейшей борьбе.

Французы отошли с занятых ими высот, русские остались там, где стояли в конце сражения.

Кутузов сначала намерен был «завтра бой затеять новый и до конца стоять» и даже распорядился готовиться к продолжению сражения, но когда около полуночи получил донесение о потерях (а они превышали сорок пять тысяч человек убитыми и ранеными), то никакого иного решения, кроме отступления, он принять не мог. Французы потеряли убитыми и ранеными еще больше, чем русские, – около пятидесяти восьми с половиной тысяч солдат и офицеров и сорок девять генералов. Однако и у них не было выбора – они должны были идти вперед до конца.

«Великая армия» разбилась о несокрушимую армию России, и потому Наполеон вправе был сказать: «Битва на Москве-реке была одной из тех битв, где проявлены наибольшие достоинства и достигнуты наименьшие результаты».

А Кутузов оценил Бородинское сражение по-иному: «Сей день пребудет вечным памятником мужества и отличной храбрости российских воинов...»

И когда говорил он «российских», то видел не только русских, но и всех тех, кого уже тогда называли «россиянами».

«Двадцать языкам» наполеоновского воинства, собранного со всей Европы, противостояло еще большее число российских «языщей», собравшихся со всей империи.

На Бородинском поле плечом к плечу стояли солдаты, офицеры и генералы российской

армии, сплотившей в своих рядах русских и украинцев, белорусов и грузин, татар и немцев, объединенных сознанием общего долга и любовью к своему Отечеству.

И потому поровну крови и доблести, мужества и самоотверженности положили на весы победы офицеры и генералы: русский Денис Давыдов, грузин Петр Багратион, немец Александр Фигнер, татарин Николай Кудашев и турок Александр Кутайсов – России верные сыны.

И все же сколь ни ярки были вспышки этой искрометной офицерской доблести, при всей их красавости чем-то напоминали они торжественные огни праздничного фейерверка, в то время как лавинная, всеокрушающая солдатская доблесть была подобна могучему лесному пожару, который, ревя и неистовствуя, неудержимо шел высокой жаркой стеной, круша и испепеляя все, что стояло на его пути.

История сохранила нам и имена героев Бородина, солдат и унтер-офицеров – кавалеристов Военного ордена Георгия: Ефрема Митюхина; Яна Маца, Сидора Шило, Петра Милешко, Тараса Харченко, Игната Филонова и многих иных.

А это и был российский народ – многоликий, многоязыкий, разный, соединенный в едином государстве общей судьбой, столь же единой, как и государство.

Это и был подлинный патриотизм самой высокой пробы и величайшей чистоты. Народ-патриот выступил на Бородинском поле подлинным творцом истории и убедительно доказал и себе самому, и всему миру, что нет на земле большей силы, чем народные массы, сплоченные народными вождями для достижения величественной, понятной и близкой их сердцу цели.

МОСКВА В 1812 ГОДУ

Главнокомандующий Москвы Ф. В. Ростопчин

Граф Федор Васильевич Ростопчин все царствование Павла I был его лучшим другом, в нем государь души не чаял. В день смерти Екатерины II он вместе с Аракчеевым находился рядом с новым императором, разбирал бумаги покойной и удостоен был хранить печать Павла Петровича. Тотчас же Ростопчин был пожалован в генерал-адъютанты и назначен членом Военной коллегии. Получил с интервалом в пять дней ордена Св. Анны 2-й и 1-й степеней, еще через день стал генерал-майором и, наконец, еще через неделю получил в подарок роскошный особняк на Миллионной улице – неподалеку от Зимнего дворца.

По случаю коронации Ростопчин получил от Павла 5 апреля 1797 года орден Александра Невского и поместье в Орловской губернии с четырьмястами семьюдесятью тремя крепостными. Ловко лавируя между императрицей Марией Федоровной и фаворитками Павла Нелидовой и Лопухиной, он почти все время оставался в числе ближайших друзей Павла, выполняя самые важные и самые деликатные поручения императора. В конце 1800 года Ростопчин стал фактическим министром иностранных дел, и после его «Мемориала» об изменении русской внешней политики Павел принял резко враждебный курс по отношению к Англии. Однако следует заметить, что Ростопчин не раз удерживал Павла от необдуманных шагов во внешней политике, трижды разубедив Павла от объявления войны Пруссии и дважды – от разрыва дипломатических отношений с Англией.

28 июня 1799 года Ростопчин был награжден орденом Св. Андрея Первозванного, и в то же время ему поручено было возглавить весьма важную и столь же деликатную службу по делам о бракосочетаниях в семье императора. Перед Ростопчиным заискивали не только русские придворные, но и иностранные дипломаты: он был награжден четырьмя иностранными орденами, но оставался самим собой – бескорыстным, откровенным и бесстрашным. Когда Павел предложил ему княжеский титул, то он попросил дать его старику-отцу – отставному

майору – чин действительного статского советника, что Павел и сделал.

Но император отличался вздорностью, непредсказуемостью и мгновенной переменчивостью в симпатиях и антипатиях. Место лучшего друга, Ростопчина, заняли возле него его брательники граф Кутайсов, военный комендант Петербурга граф Пален и генерал-майор граф Аракчеев.

20 февраля 1801 года, за три недели до убийства, Павел отправил Ростопчина со всей семьей в их подмосковное имение, оставив от всех должностей. Тем не менее Ростопчин сохранил чувство искренней привязанности к Павлу и потому откровенно неприязненно отнесся к Александру I, зная о его соучастии в убийстве отца.

С 1801 по 1812 год Ростопчин жил в своем имении Вороново, время от времени напоминая о себе тем или иным способом: то затеывая патриотическую литературную полемику, направленную против Наполеона и французского влияния в России, то напрямую адресуясь к императору с предложением своих услуг в любом качестве, то каким-нибудь экстравагантным поступком, поражающим воображение московского дворянского общества, занятого непрерывными увеселениями, балами, фейерверками, карточной игрой, дуэлями, волокитством, светским пустословием и разного рода праздниками, стоившими кучу денег и золота.

Во время этих бесконечных пиров и увеселений проделывались самые невероятные вещи. Героем одной из таких проделок стал и Ростопчин. Однажды он прислал на именины А. С. Небольсиной огромный пирог. Именинница велела разрезать его, прежде чем подать на стол, и когда пирог разрезали, из него вышел карлик с букетом незабудок и тортом в руках.

Ростопчин был одним из самых богатых дворян Москвы. Его загородное имение Вороново стояло в ряду таких поместий, как Останкино и Кусково графов Шереметевых, как Архангельское, принадлежавшее княгине Голицыной, а в 1810 году купленное у нее за двести сорок пять тысяч рублей князем Юсуповым.

Богатство, знатность, широкое гостеприимство, несомненный житейский ум и многообразные связи в свете, прежде всего, петербургском, и, конечно же, ярко выраженный патриотизм сделали Ф. В. Ростопчина фигурой заметной и авторитетной в среде московского дворянства. Как бы то ни было, но к 1812 году он приобрел не только в Москве, но и в России стойкую репутацию патриота, ненавистника Франции и Бонапарта.

Как только опасность новой, на сей раз большой войны с Наполеоном стала очевидной, Ростопчин уехал в Петербург, добился встречи с Александром и попросил царя позволить ему, «не избирая наперед никакого назначения или места, находиться при его особе». Александр ласково принял Ростопчина и предложил ему занять место престарелого Гудовича, став московским военным генерал-губернатором.

Чуть раньше этой встречи Александр получил от Гудовича прошение об отставке и 13 мая 1812 года подписал указ о назначении Ростопчина московским военным генерал-губернатором. А 18 мая к этому указу было добавлено еще два: по первому Ростопчин получал чин генерала от инфантерии, по второму становился главнокомандующим.

В первые же дни своего пребывания на посту московского главнокомандующего Ф. В. Ростопчин показал себя как человек доступный для всех и для каждого. Он серьезно и дотошно вникал в дела и жалобы, часто объезжал Москву и, заметив какой-либо беспорядок, тут же устранял его. Чиновников, проявлявших нерасторопность, бездушие, а тем более корыстолюбие, беспощадно карал. «Двух дней мне достаточно было, чтобы бросить пыль в глаза, что я неутомим и что меня видят повсюду».

Особый интерес уделил он последним московским масонам, обратив не просто пристальное, но даже болезненное внимание на купеческого сына Верещагина, который перевел речь Наполеона в Дрездене перед князьями Рейнского союза и его же письмо к

королю Пруссии. Он считал это враждебным актом по отношению к России и попросил Александра приговорить Верещагина к пожизненной каторге или к смертной казни. Александр эту просьбу проигнорировал.

Когда 12 июня 1812 года «Великая армия» перешла Неман и начала вторжение в Россию, Ростопчин развернул необычайно бурную деятельность по подготовке Москвы к отражению неприятеля. Первым делом он стал опровергать сообщения об отступлении и неудачах русских войск, затем стал сочинять и печатать листовки с патриотическими призывами и сообщениями из штаба армии Барклая.

Перед приездом в Москву Александра I Ростопчин напечатал его манифест-воззвание в тысячах экземплярах, разъясняя цель приезда царя и его надежды на Москву и москвичей...

Москва накануне Бородинского сражения

Пока французы приближались к границам московской губернии, в Москве вовсю развернулись работы по превращению города в стратегическую базу России. Там завершалось создание рекрутских депо, где готовились новобранцы, пополнялись арсеналы, создавались склады-магазины с обмундированием, фуражом и провиантом. Мастерские Москвы изготавливали порох, сабли, пушечные ядра, патроны и пули, шанцевый инструмент, патронные ящики и походные фуры. Здесь шили мундиры, шинели, тачали сапоги, развертывали госпитали, распределяли по воспитательным домам солдатских детей.

Необычайный энтузиазм всех слоев московского общества привел к тому, что дворяне, способные носить оружие, почти все уходили в ополчение и в армию. Кроме того, московское дворянство приняло решение сдать в ополчение каждого десятого крепостного. Самые богатые московские помещики – Демидов, Салтыков, Дмитриев-Мамонов – организовали на свои деньги по полку и содержали их до конца войны. Всего же московские дворяне пожертвовали во время войны около трех миллионов рублей, а купцы – более десяти миллионов.

Студенты университета, семинаристы, священники, поповичи, мещане, ремесленники и прочие свободные люди шли в ополчение, состоявшее из двенадцати полков общей численностью тридцать тысяч человек. Однако Ростопчин уверял Кутузова в том, что ему на помощь вот-вот отправится восьмидесятитысячная «московская сила», но результат оказался почти в три раза скромнее.

В это же время началась активная эвакуация из Москвы огромной массы имущества. С 9 августа в столицу стали поступать первые обозы с больными и ранеными. Ростопчин тут же развернул сеть лазаретов, из которых самым большим стал Головинский дворец. Чтобы обеспечить раненых продовольствием, он призвал москвичей делать добровольные пожертвования, уделять раненым побольше внимания: «Они лежат в Головинском дворце. Я их осмотрел, напоил и спать уложил. Ведь они за вас дрались, не оставьте их, посетите и поговорите. Вы и колодников кормите, а это государевы верные слуги и наши друзья – как им не помочь».

Одновременно началась погрузка и вывоз сотен тысяч канцелярских и судебных дел из архивов Сената и судов всех инстанций, архива Министерства иностранных дел, коллегий и десятков присутственных мест. Кроме того, вывозилось казенное имущество из Оружейной палаты, Патриаршей ризницы, из московских церквей и монастырей. Ростопчин сумел собрать из незанятых французами уездов Московской губернии более пятидесяти тысяч подвод, но их все равно не хватало, и потому многое было оставлено в Москве.

Навстречу русской армии вывозились мука и крупа, шанцевый инструмент, боеприпасы, но подвод на все это оказалось недостаточно, и Кутузов требовал и требовал помощи.

22 августа армия Кутузова подошла к селу Бородино и тут же начала укреплять избранную

для генерального сражения позицию. А 26 августа в половине шестого утра началась одна из величайших битв всемирной военной истории. Известен ее исход: в полночь с 26 на 27 августа русская армия оставила позиции и отошла за Можайск, первый на ее пути уездный город Московской губернии.

В ожидании врага

Отступая к Москве, Кутузов не терял надежды соединиться с «московской силой», но ее все не было. 28 августа в деревне Крутицы войскам был зачитан приказ Кутузова, в котором говорилось: «Мы дадим ему (неприятелю – В. Б.) конечный удар. Для сего войска наши идут навстречу свежим войскам, пылающим тем же рвением сразиться с неприятелем». Однако резервов все не было, и последующие его письма к Ростопчину стали заканчиваться фразой: «Ради Бога, прошу помощи скорейшей».

В ночь на 31 августа армия получила приказ выступить к Москве, и вскоре ее авангард остановился у Дорогомиловской заставы, правый фланг расположился у деревни Фили, а левый опирался на Воробьевы горы.

За три дня до этого, 28 августа, в Москву вошли обозы с ранеными под Бородино. Очевидец происходящего офицер С. Н. Глинка записал об этом: «Гробовая равнина Бородинская вдвигалась в стены Москвы в ужасном, могильном своем объеме. Раненых раскладывали на плащах, шинелях, на соломе и прямо на земле на Смоленском рынке. Обыватели спешили обмывать запекшиеся их раны и обвязывали и платками, и полотенцами, и бинтами из разрезанных рубашек.

А потом раненых стали разносить по домам, ибо уже к 28 августа было так много пустых и брошенных домов, что в них легко разместились многие тысячи покалеченных солдат и офицеров. Через день москвичи пришли в великое смятение: стали разбивать кабаки, собираться толпами, требуя от начальства вести их навстречу неприятелю. Из арсеналов начали выдавать оружие, но никто добровольцев не организовал, и они напрасно от восхода солнца до заката прождали московского главнокомандующего, который в афишках, расклеенных накануне, обещал возглавить горожан и повести их «на супостата».

Ростопчин приказал отрезать веревки у церковных колоколов, чтобы не ударили в набат, призывая к грабежам и бунту. Он же приказал закрыть все питейные дома, винные лавки и погреба и запретил продажу вина. Сколь ни справедливы были эти меры, они вызвали у московской бедноты недовольство Ростопчиным.

Таким было положение в Москве перед тем, как к городу подошла отступающая русская армия.

1 сентября в деревне Фили, в избе, где остановился Кутузов, состоялся военный совет, на котором было принято решение сдать Москву Наполеону без боя.

Совет в Филях 1 сентября 1812 года

В журнале военных действий читаем следующее о совете в Филях. «Сентября 1. Армия отступила к г. Москве; расположилась лагерем: правый фланг пред деревнею Фили, центр между селами Троицким и Волинским, а левый фланг пред селом Воробьевым; арьергард армии при деревне Сетуни.

Сей день пребудет вечно незабвенным для России, ибо собранный совет у фельдмаршала князя Кутузова в деревне Фили решил пожертвованием Москвы спасти армию. Члены, составлявшие оный, были следующие: фельдмаршал князь Кутузов, генералы: Барклай-де-Толли, Беннигсен и Дохтуров; генерал-лейтенанты: граф Остерман и Коновницын, генерал-майор и начальник главного штаба Ермолов и генерал-квартирмейстер полковник Толь.

Фельдмаршал, представя военному совету положение армии, спросил мнения каждого из

членов на следующие вопросы: ожидать ли неприятеля в позиции и дать ему сражение или сдать оному столицу без сражения? На сие генерал Барклай-де-Толли отвечал, что в позиции, в которой армия расположена, сражения принять невозможно и что лучше отступить с армиею чрез Москву по дороге к Нижнему Новгороду, как к пункту главных наших сообщений между северными и южными губерниями.

Генерал Беннигсен, выбравший позицию пред Москвою, считал ее непреодолимою и потому предлагал ожидать в оной неприятеля и дать сражение.

Генерал Дохтуров был сего же мнения. Генерал Коновницын, находя позицию пред Москвою невыгодною, предлагал идти на неприятеля и атаковать его там, где встретят, в чем также согласны были генералы Остерман и Ермолов; но сей последний присовокупил вопрос: известны ли нам дороги, по которым колонны должны двинуться на неприятеля?

Полковник Толь представил совершенную невозможность держаться армии в выбранной генералом Беннигсеном позиции, ибо с неминуемою потерей сражения, а вместе с сим и Москвы, армия подвергалась совершенному истреблению и потере всей артиллерии, и потому предлагал немедленно оставить позицию при Филях, сделать фланговый марш линиями влево и расположить армию правым флангом к деревне Воробьевой, а левым между Новой и Старой Калужскими дорогами в направлении между деревень Шатилово и Воронкова; из сей же позиции, если обстоятельства потребуют, отступить по Старой Калужской дороге, поелику главные запасы съестные и военные ожидаются по сему направлению.

После сего фельдмаршал, обратясь к членам, сказал, что с потериею Москвы не потеряна еще Россия и что первою обязанностию составляет он сберечь армию, сблизиться к тем войскам, которые идут к ней на подкрепление, и самым уступлением Москвы приготовить неизбежную гибель неприятелю и потому намерен, пройдя Москву, отступить по Рязанской дороге.

Вследствие сего приказано было армии быть в готовности к выступлению...»

И хотя решение это было принято прежде всего благодаря Кутузову, самому ему было тяжелее всех. «Старый фельдмаршал, – пишет историк Н. А. Троицкий, – не хуже любого из своих генералов понимал, что значит Москва для России. Давно ли он прямо говорил и писал Ростопчину и самому царю, что считает своим долгом „спасение Москвы“, что „с потериею Москвы соединена потеря России“! Теперь же, оставленный без подкреплений, он лучше чем кто-либо видел, что спасти Россию можно, только пожертвовав Москвою, и глубоко переживал тяжесть такой жертвы: несколько раз за эту ночь слышали, что он плачет. Для русского народа в то время подлинной столицей была Москва. Поэтому русская армия восприняла решение оставить Москву болезненно. „Какой ужас, какой позор, какой стыд для русских!“ – писал в те дни своей супруге генерал Д. С. Дохтуров... Солдаты плакали, ворчали: „Лучше уж бы всем лечь мертвыми, чем отдавать Москву!“ – и досадовали на Кутузова: „Куда он нас завел?“

«Армии выступают сего числа ночью...»

2 сентября армия пошла через Москву. Вместе с нею двинулись через все московские заставы – северные, восточные и южные – многие тысячи телег и экипажей, десятки тысяч горожан, покидавших город пешком. Это движение напоминало гигантское человеческое половодье, хлынувшее враз по всем площадям, рынкам и переулкам. Кутузов еще не знал, сколь велико недовольство москвичей против него, и сначала поехал через город верхом, но потом пересел в карету и попросил своего адъютанта князя А. Б. Голицына проводить его из Москвы «так, чтоб сколько можно ни с кем не встретились».

Организацию прохода войск через город Кутузов поручил Барклаю. Он дал ему этот приказ сразу же после совета в Филях 1 сентября, и тогда же Барклай написал Ростопчину: «Армии

выступают сего числа ночью двумя колоннами, из коих одна пойдет через Калужскую заставу, а другая пойдет через Смоленскую... Прошу вас приказать принять все нужные меры для сохранения покоя и тишины как со стороны оставшихся жителей, так и для предупреждения злоупотребления войск, расставляя по всем улицам полицейские команды. Для армии же необходимо иметь сколь можно большее число проводников, которым все большие и проселочные дороги были бы известны».

Ростопчин быстро и четко выполнил приказ, и дисциплина при проходе войск через Москву была строжайшей. Барклай провел в седле восемнадцать часов и выехал из Москвы с последним отрядом в 9 часов вечера. Вместе с ним выехал из Москвы и Ростопчин. Как генерал-губернатор Москвы Ростопчин считал своим долгом быть при армии, пока она будет находиться в пределах Московской губернии.

И уже вечером 2 сентября солдаты и офицеры отступающей русской армии увидели на горизонте зарево московского пожара...

Убийство Верещагина

Перед тем как покинуть Москву, Ростопчин совершил поступок, который многие потом не могли понять, но оценивали как неоправданно жестокий и бессмысленный. В 10 часов утра 2 сентября он вышел из своего дома на Большой Лубянке к огромной толпе, собравшейся, чтобы узнать у самого главнокомандующего, на самом ли деле будет сдана Москва. Чтобы отвлечь их внимание и направить страсти собравшихся в другое русло, Ростопчин приказал привести арестованного накануне купеческого сына Верещагина и еще одного узника – учителя фехтования француза Мутона. И здесь, указывая с балкона своего дома на Верещагина, Ростопчин стал кричать, что он – единственный из москвичей, предавший Отечество, и вслед за тем приказал двум драгунским унтер-офицерам зарубить его саблями. Между тем Верещагин ни о какой измене даже не помышлял. Верещагин упал, не произнеся ни слова, и был растерзан собравшейся здесь толпой. А Мутона Ростопчин отпустил, сказав: «Я оставляю тебе жизнь. Ступай к своим и скажи им, что несчастный, которого я наказал, был единственный из русских изменник своему Отечеству».

Сумев таким образом отвлечь внимание от самого себя, Ростопчин пробежал в задние комнаты, по черной лестнице выскочил во двор и, поспешно сев в карету, уехал. Избежав непосредственной опасности, Ростопчин выехал на улицы Москвы и помчался к ближайшей от него Серпуховской заставе, чтобы как можно скорее покинуть город.

«Истреблять все огнем...»

В то время как русская армия выходила из Москвы на Рязанскую и Владимирскую дороги, через Дорогомилово и Арбат на улицы Первопрестольной входила армия Наполеона. Сам же император в два часа дня въехал со свитой на Поклонную гору и, охватив взглядом панораму Москвы, воскликнул: «Вот наконец этот знаменитый город!» Наполеон стал ждать депутации, чтобы получить ключи от города и провести церемонию капитуляции, но никто не явился, и он поехал по Арбату, дивясь тому, что город пуст и на улицах никого нет. Он доехал до Кремля, въехал в него и, так никем и не встреченный, остановился в резиденции русских царей.

С первых же минут к нему стали поступать рапорты, что в Москве находятся огромные запасы муки и сахара, вина и водки, склады с сукном и полотном, мехами и кожами.

Но не прошло и нескольких часов, как появились другие доклады: в разных местах города один за другим вспыхивают пожары, и судя по тому, сколько их, это не дело одиночек, а заранее спланированная и организованная акция.

Когда еще до сумерек Наполеон поднялся на кремлевскую стену, он увидел уже вовсю разбушевавшийся пожар.

Он не знал, что утром 2 сентября Ростопчин приказал полицейскому приставу П. Вороненко «стараться истреблять все огнем», и пристав с вверенными ему людьми исполнял этот приказ «в разных местах по мере возможности до 10 часов вечера». В тот же день, оставляя Москву, Кутузов приказал сжечь все склады и магазины с жизненно необходимыми припасами и оружием.

Историки более полутора веков интересовал и волновал вопрос: «Кто сжег Москву в 1812 году?» Литературы, посвященной этой проблеме, много. Но, по сути дела, вся она делилась на два лагеря: тех, кто винил в московском пожаре французов и их союзников, и тех, кто доказывал, что поджигателями были сами москвичи. Сегодня этот вопрос решен бесповоротно: за исключением нескольких частных случаев, Москва была сожжена русскими. В том, что по приказам Кутузова и Ростопчина из Москвы были вывезены все «огнегасительные снаряды» и более двух тысяч пожарных покинули город, прямо признавались оба главнокомандующих – и армии, и столицы.

Вывозя в спешке противопожарное оборудование, Ростопчин оставил в Москве сто пятьдесят шесть пушек, семьдесят пять тысяч ружей, сорок тысяч сабель, двадцать семь тысяч ядер – всего стоимостью более чем на два миллиона рублей. Но хуже всего то, что в Москве были брошены более двадцати пяти тысяч раненых, из которых несколько тысяч сгорели в огне московского пожара. И Кутузов, и Ростопчин шли на сожжение Москвы сознательно. Через месяц после пожара, 5 октября, когда в ставку русского главнокомандующего прибыл на переговоры представитель Наполеона Лористон, Кутузов сказал ему: «Я хорошо знаю, что это сделали русские. Проникнутые любовью к Родине и готовые ради нее на самопожертвование, они гибли в горящем городе».

Вторя ему, герой войны 1812 года генерал А. П. Ермолов писал: «Собственными нашими руками разнесен пожирающий ее пламень. Напрасно возлагать вину на неприятеля и оправдываться в том, что возвышает честь народа».

Пожар Москвы продолжался шесть дней. Из первоначальных его очагов, вспыхнувших одновременно в Каретном ряду, на Гостином дворе и в Замоскворечье, огонь мгновенно перебрался в соседние районы и вскоре бушевал по всему городу, уничтожив около двух третей Москвы. На конец 1811 года в Москве числился девять тысяч сто пятьдесят один жилой дом, из них было шесть тысяч восемьсот пятьдесят четыре деревянных и две тысячи пятьсот шестьдесят семь каменных. После пожара уцелело две тысячи сто деревянных домов и шестьсот двадцать шесть каменных. Из трехсот двадцати девяти церквей уцелела лишь сто двадцать одна.

Сгорели многие дворцы. Погибли в огне лучшая в России библиотека графа Д. П. Бутурлина в Лефортово, библиотека Московского университета, как и сам университет, и его пансион, собрание картин А. Г. Орлова в Донском монастыре и многое иное. 4 сентября Наполеон со своей свитой с большим трудом вышел из Кремля. «Нас окружал океан пламени, – писал потом Ф. П. Сегюр, военный публицист и генерал. – Мы шли по огненной земле, под огненным небом, между огненных стен».

6 сентября Наполеон писал жене: «Я не имел представления об этом городе. В нем было пятьсот дворцов, столь же прекрасных, как Елисейский, обставленных французской мебелью с невероятной роскошью, много царских дворцов, казарм, великолепных больниц. Все исчезло, уже четыре дня огонь пожирает город. Так как все небольшие дома горожан из дерева, они вспыхивают, как спички. Это губернатор и русские, взбешенные тем, что они побеждены, предали огню этот прекрасный город... Эти мерзавцы были даже настолько предусмотрительны, что увезли или испортили пожарные насосы». Лишь 8 сентября, когда пожар утих, Наполеон вернулся в Кремль, спасенный от огня «молодой» гвардией.

Потом подсчитали, что ущерб, нанесенный Москве пожаром, превышал триста миллионов рублей.

Приключения купца Петра Жданова

Третьей гильдии московский купец Петр Жданов после того, как окончился пожар, взяв жену и двоих детей, попытался выйти из захваченной врагом столицы, но был задержан шайкой мародеров, разлучен с семьей и возвращен в город. После побоев и издевательств мародеры бросили Жданова на улице, и он с трудом добрался до дома Нарышкиной, где, как ему сказали, выдают пропуска на выезд и выход из Москвы.

Так оно и было. В доме Нарышкиной встал на постой маршал Даву – герцог Экмюльский, и при его штабе была организована служба выдачи паспортов, которую возглавил барон Иван Самсонов. Он подробно расспросил Жданова о нем самом и его семье и предложил ему отправиться в Калугу, отыскать ставку Кутузова и действовать так, как будет ему предписано в специальном наставлении, которое он вскоре получит. За это Самсонов обещал Жданову каменный дом, тысячу червонцев и защиту его семьи. В случае измены обещал казнить жену и детей купца.

Затем Самсонов отвел Жданова к Даву, и тот подтвердил верность всего сказанного бароном. Жданову дали бумагу, в которой по-русски было подробно написано предстоящее задание, и велели выучить его наизусть. Взяв бумагу, он пошел домой. На месте дома купец увидел пепелище, но спустившись в подвал, обнаружил там жену и детей, отвел их к знакомому в уцелевший от пожара дом, а сам стал учить инструкцию.

По этой инструкции Жданову надлежало идти в Калугу, узнать численность русской армии, куда она идет, укомплектованы ли после Бородина полки, подходят ли резервы и поинтересоваться, как люди относятся к идее заключения мира. Кроме того, Жданов должен был рассказать, что в Москве полно хлеба и французы останутся там на зиму.

Если же станет известно, что Кутузов ведет армию на Смоленскую дорогу, то следовало как можно скорее возвратиться в Москву и доложить о том лично маршалу Даву, а задание сохранить в глубочайшей тайне.

Семью Жданова перевезли на следующий день в дом княгини Гагариной, а его самого 14 сентября 1812 года в три часа дня отправили за город.

Вскоре он натолкнулся на казачий пикет из боевого охранения арьергарда, которым командовал генерал Милорадович. Жданова привели к нему, он тут же во всем признался. Затем привели его к Кутузову, а 23 сентября отправили к императору Александру. В свидетельстве, которое Жданов получил в штабе Кутузова, говорилось, что он сообщил весьма важные сведения о состоянии и положении неприятельской армии.

Прибыв в Петербург, Жданов был представлен императору и получил от Александра золотую медаль на алой ленте.

Семья Жданова была оставлена в покое, так как вскоре у французов появилось множество других более неотложных дел – их ждала тяжелая дорога отступления.

ТАРУТИНСКИЙ МАРШ-МАНЕВР

Что это такое?

В русской военно-исторической литературе «Тарутинским маневром», или «Тарутинским маршем-маневром» называют скрытное движение армии Кутузова от Москвы до села Тарутино, расположенного в восьмидесяти километрах к юго-западу от столицы.

2 сентября армия вышла на Рязанскую дорогу и 4 сентября у Боровского перевода переправилась на правый берег реки Москвы.

5 сентября Кутузов повернул армию на запад – к Подольску, а еще через три дня – на Старую Калужскую дорогу, по которой армия шла до Красной Пахры. 9 сентября войска

остановились на шестидневный отдых и лишь 15 сентября продолжили движение на юго-запад.

Десять дней французские авангарды не могли определить, где находятся главные силы Кутузова, так как он направил большой кавалерийский отряд на Владимирскую дорогу и несколько казачьих полков оставил на Рязанской дороге, незаметно для противника свернув 5 сентября к Калуге.

Только 12 сентября конники Мюрата столкнулись с русским аррьергардом у Подольска, но главные силы уже шли к Тарутино, где находились стратегические склады оружия, боеприпасов и продовольствия.

Село Тарутино располагалось на стыке трех дорог, ведущих в изобильные южные губернии, не разоренные войной, где располагались ресурсы и базы армии.

Армия Кутузова заняла угрожающее положение по отношению к тылу неприятеля и его коммуникациям, получив возможность посылать летучие диверсионно-партизанские отряды в сторону Москвы и Смоленска.

Военные теоретики справедливо считают Тарутинский маневр выдающимся стратегическим достижением Кутузова, вписавшего замечательную страницу в историю военного искусства.

Во время Тарутинского маневра произошли важные события, о которых вы, уважаемые читатели, узнаете далее.

Рапорт Кутузова Александру I

Этот рапорт был написан Кутузовым в деревне Жилино на третий день после того, как была оставлена Москва.

«После столь кровопролитного, хотя и победоносного с нашей стороны, от 26-го числа августа, сражения, должен я был оставить позицию при Бородине по причинам, о которых имел счастье донести Вашему Императорскому Величеству. После сражения того армия была приведена в крайнее расстройство. Вторая армия весьма уже ослабела. В таком истощении сил приближались мы к Москве, имея ежедневно большие дела с авангардом неприятельским, и на сем недалнем расстоянии не представилось позиции, на которой мог бы я с надежностью принять неприятеля. Войска, с которыми надеялись мы соединиться, не могли еще прийти; неприятель же пустил две новые колонны – одну по Боровской, а другую по Звенигородской дорогам, стараясь действовать на тыл мой от Москвы, а потому не мог я никак отважиться на баталию, которой невыгоды имели бы последствием не только разрушение остатков армии, но и кровопролитнейшее разрушение и превращение в пепел самой Москвы. В таком крайне сумнительном положении, по совещании с первенствующими нашими генералами, из которых некоторые были противного мнения, должен я был решиться попустить неприятеля взойти в Москву, из коей все сокровища, арсенал и все почти имущества как казенные, так и частные вывезены, и ни один дворянин в ней не остался.

Осмеливаюсь всеподданнейше донести Вам, Всемилостивейший Государь, что вступление неприятеля в Москву не есть еще покорение России. Напротив того, с войсками, которые успел я спасти, делаю я движение по Тульской дороге. Сие приведет меня в состояние защищать город Тулу, где хранится важнейший оружейный завод, и Брянск, в котором столь же важный литейный двор, и прикрывает мне все ресурсы, в обильнейших наших губерниях заготовленные. Всякое другое направление пресекло бы мне оные, равно и связь с армиями Тормасова и Чичагова, если бы они показали большую деятельность на угрожение правого фланга неприятельского.

Хотя я не отвергаю того, чтобы занятие столицы не было раною чувствительнейшею, но, не колеблясь между сим происшествием и теми событиями, могущими последовать в пользу нашу с сохранением армии, я принимаю теперь в операцию со всеми силами линию,

посредством которой, начиная с дорог Тульской и Калужской, партиями моими буду пересекать всю линию неприятельскую, растянутую от Смоленска до Москвы, и тем самым, отвращая всякое пособие, которое бы неприятельская армия с тылу своего иметь могла, и, обратив на себя внимание неприятеля, надеюсь принудить его оставить Москву и переменить всю свою операционную линию.

Генералу Винценгероде предписано от меня держаться самому на Клинской или Тверской дороге, имея между тем по Ярославской казачий полк для охранения жителей от набегов неприятельских партий.

Теперь, в недалеком расстоянии от Москвы, собрав мои войска, твердою ногою могу ожидать неприятеля, и пока армия Вашего Императорского Величества цела и подвижна известною храбростию и нашим усердием, дотоле еще возвратная потеря Москвы не есть потеря Отечества...»

Большое недоразумение

А теперь вернемся к концу августа 1812 года, когда только что закончилось Бородинское сражение.

В донесении Александру, написанном в ночь на 27 августа прямо на позиции при Бородино, когда еще не было известно о понесенных потерях, Кутузов сообщал: «Войска Вашего Императорского Величества сражались с неимоверною храбростию. Батареи переходили из рук в руки и кончилось тем, что неприятель нигде не выиграл ни на шаг земли с превосходными своими силами».

Написав это, Кутузов получил сообщение, в котором указывалось, что его потери превосходят сорок тысяч человек.

Такой итог первого дня заставил Кутузова изменить решение о продолжении сражения, и он отдал приказ об отходе армии с занимаемых позиций.

Курьер с донесением о Бородинском сражении еще не отправился в Петербург, и Кутузов приписал, что из-за больших потерь он отступает за Можайск.

Победный тон репортажи заставил Александра подумать, что в приписке речь идет о смене позиции для продолжения генерального сражения, в победном исходе которого, как он понял, не сомневался даже осторожный Кутузов, и тотчас же велел служить благодарственные молебны во всех церквях, объявляя о победе, одержанной над Наполеоном.

Кутузов был произведен в фельдмаршалы, и ему было пожаловано сто тысяч рублей. Его жена Екатерина Ильинична стала статс-дамой. Героя Бородина Барклая де Толли, чей правый фланг нерушимо стоял весь день, царь наградил орденом Св. Георгия 2-й степени. П. И. Багратион, смертельно раненный, был награжден пятьюдесятью тысячами рублей, а всем солдатам и унтер-офицерам, оставшимся в живых, было выдано по пяти рублей.

Последующая неделя прошла для Александра и всех жителей Петербурга в томительном ожидании известий из армии. День шел за днем, а никаких сообщений о ходе военных действий не было.

Только 7 сентября, через десять дней после отступления русских войск от Бородина, когда Москва уже не только была сдана Наполеону, но и почти вся сгорела дотла, а армия Кутузова уже уходила по Старой Калужской дороге к Тарутину, сообщение об этом пришло в Петербург.

И то оно было написано не Кутузовым, а московским главнокомандующим Ростопчиным, уехавшим из Москвы в Ярославль. Оттуда-то и послал он Александру свое сообщение о сдаче и сожжении Москвы.

Это известие произвело на императора сильнейшее впечатление – он посидел за одну ночь, но остался тверд в намерении бороться с Наполеоном до победы, чего бы она ни стоила. А на

следующий день, 8 сентября, наконец пришло донесение и от Кутузова.

Прочитав его, Александр сказал доставившему депешу полковнику Мишо: «Возвратитесь в армию, скажите нашим храбрецам, скажите моим верноподданным, везде, где вы проезжать будете, что если у меня не останется ни одного солдата, то я созову мое дорогое дворянство и добрых крестьян, что я буду предводительствовать ими и пожертвую всеми средствами моей империи. Россия предоставляет мне более способов, чем неприятели думают. Но ежели назначено судьбою и промыслом Божиим династии моей более не царствовать на престоле моих предков, тогда, истощив все средства, которые в моей власти, я отращу себе бороду и лучше соглашусь питаться картофелем с последним из моих крестьян, нежели подпишу стыд моего Отечества и дорогих моих подданных, коих жертвования умею ценить. Наполеон или я, я или он, но вместе мы не можем царствовать; я его узнал, он более не обманет меня!»

Еще более определенно выразил Александр свою решимость бороться с Наполеоном до конца в письме Бернадоту от 19 сентября. «Потеря Москвы, – писал Александр, – дает мне случай представить Европе величайшее доказательство моей настойчивости продолжать войну против ее угнетателя. После этой раны все прочие ничтожны. Ныне, более нежели когда либо, я и народ, во главе которого имею честь находиться, решились стоять твердо и скорее погresti себя под развалинами империи, нежели мириться с Аттилою новейших времен».

Следует заметить, что далеко не все сановники и даже люди из ближайшего окружения царя были настроены так решительно, как Александр. Главными из тех, кто робел и даже паниковал в эти дни, не веря в возможность России победить Наполеона, были цесаревич Константин Павлович, старый доброхот Наполеона канцлер Н. П. Румянцев и известный своей робостью генерал от артиллерии Аракчеев, ни разу в жизни не побывавший в огне сражений. А сторонниками и горячими поборниками борьбы до победы были мать царя, его жена и любимая сестра Екатерина Павловна.

Лично для Александра сдача и сожжение Первопрестольной стали высокой трагедией и заставили глубоко задуматься над тем, о чем раньше он размышлял лишь время от времени. «Пожар Москвы, – говорил впоследствии Александр, – осветил мою душу».

Отставка Барклая-де-Толли

После огромных потерь, понесенных русской армией на Бородинском поле, остатки 1-й и 2-й армий были слиты воедино. Командующий 2-й армией князь П. И. Багратион умирал в деревне Симы, командующий 1-й армией Барклай-де-Толли практически остался не у дел, исполняя отдельные поручения Кутузова.

К тому же 19 сентября 1812 года на пути к селу Тарутино Барклай заболел и подал Кутузову рапорт об отставке. Рапорт его через два дня был удовлетворен.

Прощаясь со своим адъютантом, майором Владимиром Ивановичем Левенштерном, Барклай сказал: «Я должен уехать. Это необходимо, так как фельдмаршал не дает мне возможности делать то, что я считаю полезным. Притом главное дело сделано, остается пожинать плоды. Я слишком люблю Отечество и императора, чтобы не радоваться заранее успехам, коих можно ожидать в будущем. Потомство отдаст мне справедливость. На мою долю выпала неблагодарная часть кампании; на долю Кутузова выпадет часть более приятная и более полезная для его славы. Я бы остался, если бы я не предвидел, что это принесет армии больше зла. Фельдмаршал не хочет ни с кем разделить славу изгнания неприятеля со священной земли нашего Отечества. Я считал дело Наполеона проигранным с того момента, как он двинулся от Смоленска к столице. Это убеждение перешло во мне в уверенность с той минуты, как он вступил в Москву... К тому же император, коему я всегда говорил правду, сумеет поддержать меня против обвинений со стороны общественного мнения. Время сделает остальное: истина подобна солнцу, которое в конце концов всегда разгоняет тучи. Я

сожалею единственно о том, что не могу быть полезен армии и лично всем вам, разделявшим со мною труды. Я передал фельдмаршалу армию сохраненную, хорошо одетую, вооруженную и не деморализованную. Это дает мне наибольшее право на признательность народа, который бросит теперь, может быть, в меня камень, но позже отдаст мне справедливость...»

21 сентября русская армия подошла к селу Тарутино – последнему своему рубежу, дальше которого она уже не отступала.

Таким образом, Барклай прошел с русской армией весь ее горестный путь – от Вильно до Тарутина. Этот путь продолжался ровно сто дней. Он протянулся через Смоленск, Бородино и Москву, не став путем победы, но навсегда сохранившись в истории России как дорога че-сти и славы.

«Все генералы явились проститься с ним и провожали его до экипажа, – писал Левенштерн. – Все были растроганы. В эту минуту армия считала себя осиротевшею». В карету вместе с Барклаем сели флигель-адъютант А. А. Закревский, лечивший Михаила Богдановича врач Баталии и офицеры Вольцоген и Рейц.

Всю дорогу Барклай был печален и мрачен. Немногословный вообще, в эти дни он за все путешествие не произнес ни единого слова...

24 сентября 1812 года Барклай писал царю из Калуги: «Государь! Мое здоровье расстроено, а мои моральные и физические силы до такой степени подорваны, что теперь здесь, в армии, я безусловно не могу быть полезным на службе... и эта причина побудила меня просить у князя Кутузова позволения удалиться из армии до восстановления моего здоровья.

Государь! Я желал бы найти выражения, чтобы описать Вам глубокую печаль, снедающую мое сердце, видя себя вынужденным покинуть армию, с которой я хотел жить и умереть...»

Находясь вне армии чуть более четырех месяцев, Барклай потратил значительную часть этого времени на осмысливание случившегося с ним лично и прежде всего – на осмысливание произошедшего со всей ар-мией.

Барклай не знал, что его слова о «камне, который бросит теперь народ», не были фигуральны. Через несколько дней после отъезда из Тарутина дорожная карета Барклая остановилась на одной из почтовых станций неподалеку от Владимира. (Левенштерн, с чужих слов, утверждает, что это случилось в Калуге.)

То ли из-за того, что был какой-то праздник, то ли по другой причине, но около дома станционного смотрителя, когда Барклай прошел туда, было много досужей публики. Как только люди узнали, кто находится в доме, то тотчас же собрались толпой и стали кричать и ругаться, обзывая Барклая изменником и не желая выпустить его к экипажу. А. А. Закревский, обнажив саблю, проложил дорогу к возку и заставил ямщика ехать.

Из Владимира Барклай двинулся на северо-запад, в свое эстонское имение. 9 ноября он послал царю из Новгорода отчет, который Александр вскоре и получил, после чего попросил Барклая вернуться в армию.

Недипломатическая тирада

В конце сентября 1812 года, когда русские войска еще находились в Тарутинском лагере, Наполеон прислал туда своего представителя – генерала Жака Александра Лористона – с наказом во что бы то ни стало заключить мир.

Опытный дипломат, бывший послом Наполеона в Петербурге в 1811 году, Лористон не сумел добиться ни малейшего успеха.

В ходе переговоров Кутузов спросил его о здоровье Наполеона, и когда тот ответил, что император здоров, Кутузов преподнес послу следующую не слишком дипломатичную тираду: «О нет! Прежде он был столь крепкого сложения и был столь здоров, что едва я сам от того не умер. А теперь едва ли не придется ему умереть на моих руках!»

«Дубина народной войны»

Во время пребывания армии в Тарутине стало шириться партизанское движение, начавшееся еще в августе, до вступления Кутузова на пост главнокомандующего. Очень точно и образно сказал о партизанском движении и народном характере войны 1812 года Л. Н. Толстой, употребив выражение «дубина народной войны», впервые появившееся в первой главе третьей части четвертого тома романа «Война и мир». «Представим себе, – писал Толстой, – двух людей, вышедших со шпагами на поединок по всем правилам фехтовального искусства... вдруг один из противников, почувствовав себя раненым, – поняв, что дело это не шутка... бросил шпагу и взяв первую попавшуюся дубину начал ворочать ею. Фехтовальщик, требовавший борьбы по правилам искусства, был француз, его противник, бросивший шпагу и поднявший дубину, был русский... Несмотря на жалобы французов о неисполнении правил... дубина народной войны поднялась со всею грозною и величественною силой и, не спрашивая ничьих вкусов и правил, поднималась, опускалась и гвоздила французов до тех пор, пока не погибло все нашествие».

Тарутинское сражение и его последствия

Все время, пока русские войска стояли в Тарутинском лагере, в шести километрах от них располагался двадцатитысячный авангард маршала Мюрата. Кутузов решил нанести по нему внезапный удар. Для этого войска были разделены на две группы: левое крыло – под командованием М. А. Милорадовича и правое крыло – под командованием Л. Л. Беннигсена.

Отряды И. С. Дорохова и А. С. Фигнера зашли в тыл французам и преградили им путь к отступлению.

6 октября 1812 года русские войска перешли в наступление и заставили Мюрата отступить.

В это же время главные силы Наполеона начали отступление из Москвы. И хотя Тарутинское сражение не привело к разгрому сил Мюрата, оно сильно подняло боевой дух русской армии, вновь перешедшей в наступление после непрерывного четырехмесячного отступления.

Только после победы в Тарутинском сражении и к Александру, и к Кутузову стало возвращаться былое расположение общества.

15 октября с известием о победе под Тарутином в Петербург во второй раз прибыл полковник Мишо.

Передав рапорт Кутузова, Мишо добавил на словах, что в армии ждут приезда Александра и хотят, чтобы он сам принял командование.

Александр ответил, что, хотя он, как и все люди, честолюбив и хорошо понимает, в сколь тяжелом положении находится неприятель, и уверен в несомненном успехе его армии, он все же не станет главнокомандующим, потому что по сравнению с Наполеоном он малоопытен и может совершить дорогостоящие ошибки. «И я готов, – сказал Александр, – пожертвовать личной славой для блага армии. Пусть пожинают лавры те, которые более меня достойны их».

Письмо Кутузова маршалу Бертье от 8 октября 1812 года

Свою оценку действий народа в период войны дал и М. И. Кутузов в письме начальнику генерального штаба французской армии маршалу Луи Александру Бертье, князю Невшательскому и Ваграмскому, написанное 8 октября 1812 года:

«Князь! Полковник Бертеми, которого я разрешил пропустить до своей главной квартиры, вручил мне письмо, которое ваша светлость поручили ему передать мне. Обо всем, что составляет предмет сего нового обращения, я уже немедленно представил его Императорскому Величеству, и передатчиком сего был, как, без сомнения, вам известно, генерал-адъютант

князь Волконский. Однако, принимая во внимание дальнейшее расстояние и дурные дороги в настоящее время года, невозможно, чтобы я мог уже получить ответ по этому поводу. А потому мне остается только сослаться на то, что я имел честь сказать по этому поводу генералу Лористону. Однако повторю здесь истину, значение и силу которой вы, князь, несомненно оцените: трудно остановить народ, ожесточенный всем тем, что он видел, народ, который в продолжение двухсот лет не видел войн на своей земле, народ, готовый жертвовать собою для Родины и который не делает различий между тем, что принято и что не принято в войнах обыкновенных.

Что же касается армий, мне вверенных, то я надеюсь, князь, что все признают в их образе действий правила, характеризующие храбрый, честный и великодушный народ. В продолжение моей долголетней военной службы я иных правил никогда не знал и уверен, что враги, с которыми я когда-либо сражался, всегда отдавали должную справедливость моим принципам.

Примите, князь, уверения в моем глубочайшем почтении. Главнокомандующий армиями фельдмаршал князь Кутузов».

ОТ ТАРУТИНА ДО НЕМАНА

Подвиг солдата Саввы Беляева

Одним из решающих сражений Отечественной войны 1812 года было сражение при Малоярославце 12 октября, когда город за сутки переходил из рук в руки восемь раз. Наполеон хотел прорваться на Калужскую дорогу, чтобы не отступить по разоренной им же Смоленщине, но солдаты корпусов Д. С. Дохтурова и Н. Н. Раевского сорвали этот план. В Малоярославце стоит памятник: к обелиску прислонился молодой солдат с ранцем за плечами. На постаменте – две пушки. Надпись на памятнике гласит: «Доблестному патриоту Беляеву – благодарная Россия».

Кто же он, этот человек? Это солдат Савва Беляев, который сумел на целые сутки задержать 13-ю дивизию французов, не позволяя неприятелю переправиться через реку. Этот солдат сначала поджег мост, а затем разрушил плотину и тем самым на сутки задержал главные силы армии Наполеона в их марше на Калугу. Это и позволило Малоярославцу стать «пределом наступления», как писал Кутузов, «началом бегства и гибели врага».

Герой-партизан Александр Сеславин

Важную роль для успешного исхода сражения при Малоярославце сыграл А. Н. Сеславин. Девиз дворян Сеславиных был таков: «Горжусь предками». Начало их рода относится к первым десятилетиям XVI века. Из их семьи вышел легендарный партизан Отечественной войны 1812 года Александр Никитич Сеславин. Он прошел типичный путь офицера-дворянина. Сеславин окончил Второй кадетский корпус и с отличиями воевал в 1806–1807 годах против Наполеона, а в 1810 году – против турок. В Отечественной войне 1812 года он отличился в Бородинской битве, а затем, получив легкий кавалерийский отряд, преследовал отступавших французов, нанося им внезапные удары, захватывая пленных и ценные документы.

Сеславин первым узнал об оставлении французами Москвы, определил движение Наполеона на Калужскую дорогу и известил об этом Кутузова. Благодаря сообщению Сеславина Кутузов успел преградить путь Наполеону у Малоярославца и вынудил его повернуть на Старую Смоленскую дорогу, что привело в конечном счете «Великую армию» к гибели.

Конец осени и начало зимы 1812 года

В день поражения французской армии под Тарутином, главные силы французов начали уходить из Москвы, желая пробиться на Новую Калужскую дорогу. Однако 12 октября они были остановлены под Малоярославцем.

По остроумному замечанию бывшего французского посла в России генерала графа Сегюра, «здесь, под Малоярославцем, остановилось завоевание вселенной, исчезли плоды двадцатилетних побед и началось разрушение всего, что думал создать Наполеон».

16 октября Наполеон, не решаясь вступать в новое сражение, вышел на Смоленскую дорогу, которая до самого Днепра проходила по пустынным, разоренным войной местностям.

Кутузов двинулся ему вслед, а армия П. В. Чичагова пошла наперерез, направляясь к Минску.

В этот же день, 16 октября, кончилась теплая погода, термометр показывал минус четыре градуса, на лужах появился лед, и резкий, холодный северо-восточный ветер принес первое дыхание надвигающейся долгой и морозной зимы.

Сражения под Вязмой 22 октября и под Красным, длившееся три дня – с 3 по 6 ноября, – не привели к окончательному разгрому «Великой армии» благодаря ряду ошибок русского командования и стратегическому гению Наполеона. Война продолжалась.

Приказ Кутузова от 29 октября 1812 года

29 октября 1812 года Кутузов издал следующий приказ: «После чрезвычайных успехов, одерживаемых нами ежедневно и повсюду над неприятелем, остается только быстро его преследовать, и тогда, может быть, земля русская, которую он мечтал поработить, усеется костями его. И так мы будем преследовать неутомимо. Настают зимы, вьюги и морозы; но нам ли их бояться, дети Севера? Железная грудь ваша не страшится ни суровости погод, ни злости врагов: она есть надежная стена Отечества, о которую все сокрушится. Вы будете уметь переносить и кратковременные недостатки, если они случатся. Добрые солдаты отличаются твердостью и терпением. Старые служивые дадут пример молодым. Пусть всякий помнит Суворова, который учил сносить голод и холод, когда дело шло о победе и славе русского народа. Идем вперед, с нами Бог; перед нами разбитый неприятель, а за нами да будут тишина и спокойствие».

Письмо Кутузова Елизавете Хитрово от 29 октября 1812 года

«29 октября, город Ельня. Милая Лизанька, и с детьми, здравствуй. Пишу тебе рукою Кудашева (зять Кутузова, его адъютант – В. Б.), потому что глаза мои очень утомлены; не думай, что они у меня болят; нет, они только устали от чтения и письма по случаю вновь одержанных побед. Вот Бонапарт – этот гордый завоеватель, этот модный Ахиллес, бич рода человеческого, или, скорее, бич Божий – бежит передо мною более трехсот верст, как дитя, преследуемое школьным учителем. Неприятель теряет пропасть людей; говорят, что солдаты, офицеры и даже генералы едят лошадиную падаль. Некоторые мои генералы уверяли, что видели двух несчастных, жаривших на огоньке части тела третьего их товарища. При таких зрелищах человек, отбросив в сторону генеральство и государственное свое сановничество, поневоле содрогнется. Неужели это мое несчастное назначение, чтобы заставляя визиря питаться лошадиным мясом, а Наполеона еще более гадкими веществами? Я часто плакал из-за турок, но, признаюсь, из-за французов не проливал ни одной слезы. Скажу тебе, милая дочь, коротко, что со дня победы, 6-го числа, по вчерашний вечер неприятель потерял множество людей и сто шестьдесят пушек, кроме оставленных ими в Москве. С некоторого времени пленные настоятельно просят к нам на службу, и вчера еще четырнадцать человек офицеров итальянской гвардии с криком умоляли о принятии их, уверяя при том, что теперь единственное счастье и наивеличайшая честь носить русский мундир. Вчерашнего числа

Платов истребил опять множество людей и, кроме того, взял в плен более трехсот человек, а между ними генерала Сансоно (начальника штаба Бертье); вице-король же ускакал только потому, что очень дурно был одет.

Верный друг Михайло Г.-Куту».

Письмо Александра I Барклаю-де-Толли от 24 ноября 1812 года

«Генерал, я получил ваше письмо от 9 ноября. Плохо же вы меня знаете, если могли хотя на минуту усомниться в вашем праве приехать в Петербург без моего разрешения.

Скажу вам даже, что я ждал вас, так как я от всей души хотел переговорить с вами с глазу на глаз. Но так как вы не хотели отдать справедливость моему характеру, я постараюсь в нескольких словах передать вам мой настоящий образ мыслей насчет вас и событий. Приязнь и уважение, которые я никогда не переставал к вам питать, дают мне это право.

План кампании, который мы приняли, был, я думаю, единственным, который мог удасться против такого противника, каков Наполеон, и был подсказан опытностью, но он неизбежно должен был возбудить неодобрения и порицания в народе, который мало понимал военное искусство и помнил недавние победы, одержанные над не-опасным противником и неумелыми генералами, и мог только устрашиться плана действий, который имел целью завлечь неприятеля в глубь страны. Заранее следовало видеть порицание, и я был к нему подготовлен. Но вместе с тем нужно было тщательно избегать всего того, что по справедливости могло возбудить критику, и по этому поводу, генерал, я должен вам сделать несколько упреков.

Раз план был принят, нужно было все подготовить для его исполнения, у нас было достаточно для этого времени, а между тем многое не было исполнено. Несколько дней после моего приезда в Вильно я отдал вам приказание отправить назад все лишние тяжести, в особенности тех полков, которые были расквартированы в Литве, а между тем их отослали назад только после Немекчина, Свенцяна, Вилькомира и Шавельи, нам пришлось совершать отступление с этим ужасающим обозом. Сколько раз я напоминал вам о постройке необходимых мостов; множество инженеров путей сообщения было прикомандировано к армии, а между тем большинство мостов оказалось в негодном состоянии. Решив отходить назад, необходимо было организовать госпитали соответственным образом; между тем, прибыв в Вильно, я нашел там госпиталь с несколькими тысячами больных, эвакуацию которых я не переставал требовать в течение нескольких дней. Вот, генерал, говоря откровенно, те ошибки, в которых я могу вас упрекнуть. Они сводятся к тому, что вы не были достаточно уверены в том, что отдать приказание и добиться его выполнения – это вещи совершенно различные, а что пособить этому есть только одно средство: деятельный надзор и проверка, которую беспрестанно производили бы люди, вполне вам известные.

Крупные ошибки, сделанные князем Багратионом, поведшие к тому, что неприятель упредил его у Минска, Борисова и Могилева, заставили вас покинуть берега Двины и отступить к Смоленску. Судьба вам благоприятствовала, так как противно всякому вероятию произошло соединение двух армий.

Тогда настало время прекратить отступление. Но недостаток сведений, которые вы, генерал, имели о неприятеле и его движениях, сильно давал себя знать в течение всей кампании и заставил вас сделать ошибку – пойти на поречье, с тем чтобы атаковать его левый фланг, тогда как он сосредоточил все свои силы на своем правом фланге, у Ляды, где он перешел Днепр. Вы повторили эту ошибку, предупредив неприятеля в Смоленске: так как обе армии там соединились, и так как в ваши планы входило дать неприятелю рано или поздно генеральное сражение, то не все ли было равно, дать его у Смоленска или у Царева-Займища? Силы наши были бы не тронуты, так как не было бы тех потерь, которые мы понесли в дни

6-го, 7-го и следующие до Царева-Займища дни. Что же касается до опасности быть обойденным с флангов, то таковая была бы повсюду одинакова, вы бы ее не избежали и у Царева-Займища.

В Смоленске рвение солдат было бы чрезвычайное, так как это был бы первый истинно русский город, который им пришлось бы отстаивать от неприятеля.

Потеря Смоленска произвела огромное впечатление во всей империи. К общему неодобрению нашего плана кампании присоединились еще и упреки, говорили: «опыт покажет, насколько гибелен этот план, империя находится в неминуемой опасности», – и так как ваши ошибки, о которых я выше упомянул, были у всех на устах, то меня обвинили в том, что благо Отечества я принес в жертву своему самолюбию, желая поддержать сделанный в вашем лице выбор.

Москва и Петербург единодушно указывали на князя Кутузова, как на единственного человека, могущего, по их словам, спасти Отечество. В подтверждение этих доводов говорили, что по старшинству вы были сравнительно моложе Торماسова, Багратиона и Чичагова; что это обстоятельство вредило успеху военных действий и что это неудобство высокой важности будет вполне устранено с назначением князя Кутузова. Обстоятельства были слишком критические. Впервые столица государства находилась в опасном положении, и мне не оставалось ничего другого, как уступить всеобщему мнению, заставив все-таки предварительно обсудить вопрос «за» и «против» в совете, составленном из важнейших сановников империи. Уступив их мнению, я должен был заглушить мое личное чувство.

Мне только остается сохранить вам возможность доказать России и Европе, что вы были достойны моего выбора, когда я вас назначил главнокомандующим. Я предполагал, что вы будете довольны остаться при армии и заслужить своими воинскими доблестями, что вы и сделали при Бородине, уважение даже ваших хулителей.

Вы бы непременно достигли этой цели, в чем я не имею ни малейшего сомнения, если бы оставались при армии, и потому, питая к вам неизменное расположение, я с чувством глубокого сожаления узнал о вашем отъезде. Несмотря на столь угнетавшие вас неприятности, вам следовало оставаться, потому что бывают случаи, когда нужно ставить себя выше обстоятельств. Будучи убежден, что в целях сохранения своей репутации вы останетесь при армии, я освободил вас от должности военного министра, так как было неудобно, чтобы вы исполняли обязанности министра, когда старший вас в чине был назначен главнокомандующим той армии, в которой вы находились. Кроме того, я знаю по опыту, что командовать армией и быть в то же время военным министром – несовместимо для сил человеческих. Вот, генерал, правдивое изложение событий так, как они происходили в действительности и как я их оценил. Я никогда не забуду существенных услуг, которые вы оказали Отечеству и мне, и я хочу верить, что вы окажете еще более выдающиеся. Хотя настоящие обстоятельства самые для нас благоприятные ввиду положения, в которое поставлен неприятель, но борьба еще не окончена, и вам поэтому представляется возможность выдвинуть ваши воинские доблести, которым начинают отдавать справедливость.

Я велю опубликовать обоснованное оправдание ваших действий, выбранное из материалов, присланных мне вами. Верьте, генерал, что мои личные чувства остаются к вам неизменными.

Весь Ваш.

Простите, что я запоздал с ответом, но писание взяло у меня несколько дней вследствие моей ежедневной работы».

Ответ царя нашел Барклая-де-Толли в его имени Бекгоф.

Барклай поблагодарил царя за милостивое письмо и тут же подал прошение о восстановлении в армии.

(Приведенное выше письмо Александра I Барклаю-де-Толли представляет собой документ исключительной важности, ибо в нем сконцентрированы все наиболее существенные претензии императора к своему военному министру, которые не были высказаны им во весь первый период войны.)

Фрагмент письма Кутузова жене от 26 ноября 1812 года

26 ноября 1812 года Кутузов писал Екатерине Ильиничне: «Я, слава Богу, здоров, мой друг, и все гонимся за неприятелем так же, как от Москвы до Смоленска, и мертвыми они теряют еще более прежнего; так что на одной версте от столба до столба сочли неубитых мертвых сто семнадцать тел... Эти дни морозы здесь двадцать два градуса, и солдаты все переносят без ропота, говоря: „французам хуже нашего, они иногда не смеют огня разводить; пускайдохнут“.

Рапорт Кутузова Александру I о потерях французской гвардии

Через месяц с небольшим Кутузов послал рапорт Александру I о частном случае – потерях в трех полках тиральеров – легких стрелков гвардии. Данные эти были почерпнуты из французских источников – официальных штабных ведомостей. За время отступления от Смоленска с 5 ноября до 15 декабря в трех гвардейских полках было вначале восемьдесят семь офицеров и одна тысяча двадцать два солдата и унтер-офицера, а к 15 декабря в строю осталось сорок три офицера и сорок четыре солдата. Причем в боях погибло всего двадцать четыре солдата и ни одного офицера – остальные замерзли, умерли от голода или попали в плен.

Письмо Кутузова жене от 30 ноября 1812 года

28 ноября части адмирала Чичагова, генералов Бороздина и П. В. Голенищева-Кутузова вошли в Вильно. 29 ноября туда приехал Кутузов.

30 ноября он писал Екатерине Ильиничне: «Я вчера писал к Государю рапорт на поле верст за двадцать от Вильно и не мог на морозе тебе написать ни строчки.

Я прошлую ночь не мог почти спать от удивления, в той же спальне, с теми же мебельями, которые были, как я отсюда выехал (а это случилось в марте 1811 года) полтора года назад. В общем-то не так давно, но зато чего только не случилось за прошедшее время! И комнаты были вытоплены для Бонапарте, но он не смел остановиться, объехал город около стены и за городом переменял лошадей...»

Впечатление от этого было настолько сильным, что и через полмесяца Кутузов в письме Толстым писал не о встрече с царем, которая только что произошла, не о получении титула «князя Смоленского», но именно о том, что он снова оказался в своей спальне, оставленной им перед поездкой на Дунай: «Я, слава Богу, здоров и в удивлении, что какая-то невидимая сила перенесла меня сюда, в тот же дом, в ту же спальню, на ту же кровать, где я жил невступно два года назад».

Записка Александра I Кутузову от 9 декабря 1812 года

В архиве правнука Кутузова, Федора Константиновича Опочинина, среди собственноручных рескриптов и реляций Екатерины II, Павла I и Александра I хранился весьма скромный документ – записка Александра I, посланная Кутузову в Вильно из Полоцка.

Записку царь написал 9 декабря 1812 года, а через пять дней Кутузов писал жене: «Посылаю письмо государя за несколько часов перед приездом его в Вильно писанное. Пусть оно сохранится в фамилии нашей».

Вот эта записка: «Князь Михаил Ларионович! Завтра я прибуду в Вильно к вечеру. Я

желаю, чтобы никакой встречи мне не было. Зима, усталость войск и собственное мое одеяние (царь был в тулупе. – В. Б.), ехав день и ночь в открытых санях, делают оную для всех отяготительною. С нетерпением ожидаю я свидания с Вами, дабы изъявить Вам лично, сколь новые заслуги, оказанные вами Отечеству и, можно прибавить, Европе целой, усилили во мне уважение, которое всегда к Вам имел...»

Записка эта сохранилась до наших дней.

Первый дезертир французской армии

Оставив отступающую армию, Наполеон 23 ноября 1812 года сел в сани и уехал во Францию. Его сопровождало всего несколько человек. Добравшись до Немана, откуда начал он поход в Россию, император вышел из возка и увидел крестьянина-литовца, с интересом разглядывавшего его.

– Ты местный житель? – спросил Наполеон.

– Да, – ответил крестьянин.

– А не скажешь ли, много дезертиров переправилось уже через Неман?

– Вы первый, – ответил крестьянин.

«Генерал Мороз»

Некоторые выражения, относившиеся к русской истории и возникшие в связи с теми или иными ее событиями, появились не в России, а за границей. Таким было, например, выражение «генерал Мороз», появившееся впервые 1 декабря 1812 года в одном из лондонских сатирических листков, где был изображен «генерал Мороз, бредущий маленького Бони», то есть Бонапарта.

Выражения «генерал Мороз», «генерал Зима» бытовали и в Великую Отечественную войну 1941–1945 годов, представляя зиму главной стратегической силой нашей армии.

Происхождение слова «шаромыжник»

Отступая из России, солдаты Наполеона, сдаваясь крестьянам и партизанам, выходили с поднятыми вверх руками и говорили: «Шер ами!» («Дорогой друг!»).

Простые русские люди огрубели эти слова на свой лад и произносили их «шарамы», а французов, грязных, оборванных и голодных, называли «шаромыга» или «шаромыжник». Так произошло это слово.

Магия числа «6»

«Шестое число у нас в руке!» – часто говаривал Михаил Илларионович Кутузов, находя, что именно в этот день в июле, августе, сентябре, октябре, ноябре и декабре 1812 года русские войска либо одерживали знаменитые победы над неприятелем, либо происходили важные события.

6 июля Александр I подписал «Манифест», оканчивающийся следующими словами: «Дотоле не положу оружия моего, доколе не сотру с лица земли русской врага, дерзнувшего войти в ее пределы. Да встретит он в каждом дворянине Пожарского, в каждом гражданине Палицына, в каждом гражданине Минина. На начинающего – Бог!»

6 августа из Смоленска была вынесена икона Смоленской Божией Матери. Причем священник читал при этом Евангелие от Луки и провозгласил: «Пребысть же Мария три месяца и возвратится в дом свой». Тем более было дивно, что именно 6 ноября эта икона была внесена в собор, откуда вынесли ее ровно за три месяца перед тем.

6 сентября Кутузов начал свой беспримерный фланговый маневр, перейдя с Рязанской дороги на Калужскую, закрыв, таким образом, от французов плодородные южные губернии, что и обрекло в ближайшем будущем их армию на полную гибель.

6 октября русская армия атаковала корпус Мюрата при Тарутине, и в тот же день Витгенштейн разбил корпус Сенсера под Полоцком.

6 ноября была одержана победа в жестоком и кровопролитном сражении при Красном.

6 декабря остатки главных сил Наполеона оставили территорию Российской империи.

Освобождение Нарышкина и Винценгероде

Захваченных в плен французами генерала Винценгероде и майора Нарышкина, сына фаворитки императора Александра I Марии Антоновны Нарышкиной, французы довели до Минска под усиленным конвоем и оттуда отправили дальше под охраной всего трех жандармов, так как русские были еще очень далеко на востоке. Однако отряд русских кавалеристов под командованием флигель-адъютанта полковника Алексея Ивановича Чернышева был отправлен М. И. Кутузовым в глубокий рейд, чтобы привести армию адмирала Чичагова и корпус Витгенштейна в одно и то же время к одному и тому же месту и воспрепятствовать дальнейшему отступлению армии Наполеона. Однажды утром, уже за Минском, Винценгероде вдруг увидел казака и сказал об этом Льву Александровичу Нарышкину.

Винценгероде закричал: «Я русский генерал!» – и казак исчез, но вскоре вернулся еще с одиннадцатью своими товарищами и освободил пленных, забрав с собой и трех французских жандармов.

Похищенные сокровища

В 1912 году, к столетию победы над Наполеоном, в России вышло много книг, посвященных событиям Отечественной войны.

Тогда же вышел трехтомник «Французы в России. 1812 год по воспоминаниям современников-иностранцев». Внимание читателей особенно привлекли заметки тех, кто писал о похищенных в Москве и в России сокровищах, которые затем были вывезены из сожженной столицы. Так, офицер Маренгоне сообщал, что «Наполеон велел забрать бриллианты, жемчуг, золото и серебро, которые были в церквях. Он велел даже снять позолоченный крест с купола Ивана Великого. Велел вывезти все трофеи Кремля. Ими нагрузили двадцать пять телег».

В воспоминаниях другого офицера – де Кастеллана – сообщается, что французы в Москве «забрали и расплавили серебряную утварь из кремлевских церквей, пополнив этим кассу. В дальнейшем появились три версии относительно мест захоронения похищенных из Москвы сокровищ. Первая – Семлевское озеро около Вязьмы, в котором якобы эти сокровища были затоплены; вторая – озеро у местечка Бобр Сенненского уезда Могилевской губернии; третья – подножие горы Понар, по дороге из Вильнюса в Каунас.

Последняя версия наиболее вероятна, ибо свидетельства множества авторитетных очевидцев подтверждено, что именно здесь, у подножия обледеневшей горы Понар, 10 декабря 1812 года остановились и армейская казна, и обоз с московскими трофеями, и остатки экипажей Наполеона.

Сам Наполеон считал, что у горы Понар его солдаты разграбили в общей сложности двенадцать миллионов франков.

Справедливости ради следует сказать, что и казаки атамана Платона, преследовавшие отступавших французов, тоже поживились немалым числом ценностей.

Последние дни Отечественной войны 1812 года

Приближался момент отъезда Александра I к армии, но прежде, чем он должен был наступить, следовало избрать один из двух вариантов продолжения войны: либо, изгнав Наполеона за Вислу, остановиться, либо идти дальше, освобождая завоеванную французами

Европу. Александр был сторонником второго варианта, считая, что войну можно будет закончить в Париже. Вместе с тем Александр знал, что Кутузов, напротив, является сторонником того, чтобы прекратить войну, изгнав Наполеона из пределов Российской империи.

Александр решил выехать из Петербурга немедленно, так как Кутузов, ссылаясь на то, что армия обескровлена и расстроена, не считал возможным ее переход через Неман.

6 декабря Александр пожаловал Кутузову титул «князя Смоленского», и теперь его титул полностью звучал так: «Светлейший князь Голенищев-Кутузов-Смоленский».

В тот же вечер Александр отстоял молебен в Казанском соборе, прося удачи в задуманных предстоящих делах и благополучия в путешествии, и на следующее утро, выехал из Петербурга в Вильно.

11 декабря он прибыл в Вильно, а 12 декабря, в свой день рождения, торжественно наградил Кутузова орденом Св. Георгия 1-й степени – первого и единственного из русских военачальников в войне 1812 года. Потом, в 1813–1814 годах, в заграничном походе, после взятия Парижа, такую же награду получают Барклай-де-Толли и Беннигсен.

В этот же день Александр сказал собравшимся во дворце генералам: «Вы спасли не одну Россию, вы спасли Европу». Присутствовавшие при этом и слышавшие эти слова хорошо поняли, о чем идет речь, – их ждал впереди освободительный поход.

Ближайшие же дни вполне подтвердили такую догадку – армия начала готовиться к переходу через Неман.

И тогда же был оглашен царский Манифест об амнистии всем полякам, служившим в войсках Наполеона или оказывавшим его армии или администрации какие-либо услуги.

Дар донских казаков и Кутузова Казанскому собору

23 декабря 1812 года Кутузов отдал приказ о переходе Главной квартиры из Вильно в приграничный городок Меречь.

Перед самым отъездом из Вильно произошел случай, о котором фельдмаршал уведомил жену и который не-безынтересен и для нас. «Теперь вот комиссия: донские казаки привезли из добычи своей сорок пуд серебра в слитках и просили меня сделать из его употребление, какое я рассужу. Мы придумали вот что: украсить этим церковь Казанскую (Казанский собор в Петербурге – В. Б.). Здесь посылаю письмо к митрополиту и другое к протопопу Казанскому. И позаботьтесь, чтобы письма были верно отданы, и о том, чтобы употребить хороших художников. Мы все расходы заплатим».

В письме к церковным иерархам Кутузов дополнял свое сообщение тем, что серебро это было вывезено французами из ограбленных церквей, и просил, чтобы его употребили на изображение четырех евангелистов и убранство собора, «изваяв из серебра лики святых евангелистов. По моему мнению, сим ликам было бы весьма прилично стоять близ царских дверей перед иконостасом... На подножии каждого изваяния должна быть вырезана следующая надпись: „Усердное приношение Войска Донского“».

Казанский собор занял в судьбе Кутузова особое место. Несмотря на то что освящен собор был в конце 1811 года, он оказался прочно связанным с жизнью Кутузова и его деятельностью в Отечественной войне.

Уезжая к армии, Кутузов здесь отстоял на торжественном молебне, когда митрополит с причтом Казанского собора молился о даровании победы русской армии.

Как бы предвосхищая назначение кафедрального собора Петербурга, скульптор С. С. Пименов поставил в ниши главного портика статуи воинов-святых – Владимира Киевского и Александра Невского, в честь которых в России были учреждены военные ордена.

В Казанский собор свозились трофеи Отечественной войны и заграничного похода: сто пять знамен и штандартов наполеоновской армии и двадцать пять ключей от городов и

крепостей Европы.

Посылая серебро митрополиту Новгородскому и Санкт-Петербургскому Амвросию, Кутузов помнил и о том, что духовенство Санкт-Петербурга пожертвовало семьсот пятьдесят тысяч рублей на народное ополчение и что немало «людей духовного звания» записалось в это ополчение ратниками.

Впоследствии Казанский собор стал усыпальницей фельдмаршала.

Окончание Отечественной войны 1812 года

Александр остался тверд в решении перейти Неман. В день Рождества, 25 декабря 1812 года, он подписал Манифест об окончании Отечественной войны, в котором сообщалось, что в честь завершения войны будет сооружен храм Христа Спасителя, а 28 декабря главные силы русской армии вышли из Вильно и двинулись к Мерече на Немане.

1 января 1813 года, отслужив молебен, Александр и Кутузов вместе с армией перешли Неман.

Начался заграничный поход 1813–1814 годов.

ЗАГРАНИЧНЫЙ ПОХОД 1813–1814 ГОДОВ

Возрождение русско-прусского союза

Новый 1813 год начался с того, что вместе с русскими против

Наполеона начала действовать и двадцатитысячная прусская армия, ставшая союзницей России с 8 декабря 1812 года, когда прусский генерал Йорк фон Вартбург подписал в Таурогене соглашение о совместных действиях, а 18 января подписали перемирие австрийцы.

Остановившись в конце января в Плоцке, Александр превратил свою Главную квартиру в центр политического руководства, где решались все важнейшие вопросы военной стратегии и международных отношений.

Здесь он вел непрерывную работу, направленную против Наполеона, сколачивая союзы и коалиции, возбуждая народы Европы на борьбу с узурпатором, координируя действия всех своих, а затем и союзных армий.

Между тем, общее наступление русских войск продолжалось почти безостановочно. В начале февраля они уже перешли Одер, и Главная квартира вынуждена была переехать в немецкий город Калиш, поближе к действующим армиям.

16 февраля в Калише был подписан союзный русско-прусский договор, который положил начало новой – шестой антинаполеоновской коалиции, последней в истории борьбы с Наполеоном.

Фридрих Вильгельм с согласия Александра назначил главнокомандующим всеми прусскими войсками Кутузова.

26 марта главная армия вышла из Калиша. В первом же саксонском городе Миличе Кутузов был встречен с необычайным воодушевлением. «Виват великому старику! Виват дедушке Кутузову!» – кричали восторженные толпы немецких патриотов.

На долю Александра тоже досталось немало восторгов: когда главная армия 3 апреля форсировала Одер, то у моста немцы поднесли Александру лавровый венок. Однако Александр велел переслать венок Кутузову, добавив, что лавры принадлежат ему.

Кутузов и Державин

В сентябре 1812 года Г. Р. Державин выпустил в свет оду «На парение орла», после чего Кутузов и Державин вступили в переписку друг с другом.

Начнем с письма Кутузова Державину, написанного фельдмаршалом 7 декабря 1812 года.

В этом письме Кутузов писал: «Приношу вам, мило-стивый государь мой, за все лестное в оном мне сказанное чувствительную благодарность и за того орла, который, слышу я, при Бородино, воскрыленный великим бардом нашим, парил над главою россиянина, придавая блеск скромным его заслугам».

А дело было в том, что, по сообщению Санкт-Петербургской газеты «Северная почта» (№ 71 от 4 сентября 1812 года), в самый первый день, когда главнокомандующий ездил для осмотра местоположения, орел появился парящим над его головой. Князь Михаил Ларионович снял шляпу, и все воскликнули тогда: «Ура!» Этот эпизод и послужил причиной появления оды «На парение орла». Причем Державин узнал о нем раньше, чем приведенное выше сообщение появилось в газете.

По-видимому, слухи о таком происшествии распространились раньше, чем «Северная почта» опубликовала эпизод.

Вот несколько строк из оды «На парение орла»:

...Мужайся, бодрствуй, князь Кутузов!
Коль над тобой был зрим орел,
Ты, верно, победишь французов
И Россов защитя предел,
Спасешь от уз и всю вселенну,
Толь славой участь озаренну
Давно тебе судил сам рок;
Смерть сквозь главу твою промчалась,
Но жизнь твоя цела осталась,
На подвиг сей тебя блюл Бог!

На письмо Кутузова от 7 декабря 1812 года Гавриил Романович Державин прислал фельдмаршалу изысканный ответ, полный почтительности и достоинства. И разумеется, герой оды не замедлил с ответом.

30 марта 1813 года, за полмесяца до кончины, Кутузов ответил поэту: «Милостивый государь мой, Гавриил Романович! Письмо вашего высокопревосходительства имел я честь получить. Хотя не могу я принять всего помещенного в прекрасном творении вашем „На парение орла“ прямо на мой счет, но произведение сие, как и прочие бессмертного вашего пера, имеет особую цену уважения и служит новым доказательством вашей ко мне любви. Сколько же лестно и приятно для меня гимн ваш, коего один токмо экземпляр собственно для меня получил я через Петра Петровича Коновницына, но не более, как пишете вы, о чем сожалел, весьма бы желал присылки оных. Повторяя чувства совершенной моей благодарности на ваше ко мне расположение, имею честь быть с истинным почтением и преданностью, Милостивый государь мой, вашего превосходительства всепокорный слуга князь К. Смоленский».

Письмо Кутузова жене от 31 марта 1813 года

Предпоследнее из писем Кутузова жене написано 31 марта из Трахенберга в Силезии. Это последнее письмо, написанное рукой Кутузова. Следующее – самое последнее – он уже только подпишет...

«Письмо твое, мой друг, от 20 марта получил, где пишешь об празднике Дашинькином, и стихи Костинькины очень милы. (Дашинька и Костинька – внуча-та Кутузова. – В. Б.) Вы и меня в слезы ввели. Покой мне нужен, я устал, как давно мне покою не было.

В Шлезии мне очень приятно, как возвышают дела наши. Сегодня дам с двадцать съехались

издалека и собрались перед окошком. Увидя, наконец, что я долго не показываюсь, просили адъютантов, чтобы я подошел к окошку. Я их позвал к себе и слышал множество комплиментов, что они приехали видеть своего избавителя, что им теперь не надобно смотреть на портреты мои, что мой образ запечатлен в сердцах их.

На улицах кричат: „Виват, Кутузов! Да здравствует великий старик!“

Иные просто кричат: „Виват, наш дедушка Кутузов!“

Этого описать нельзя, и этакое энтузиазма не будет в России. Несть пророк чести во Отечестве своем. Посылаю новый марш, который немцы поют.

Голицын сегодня приехал. Детям благословение. Верный друг Михайла Г.-К.

Новая победа! Вице-король италийский близ Магдебурга». (В сражении при Лейцкау 24 марта был разбит корпус Мюрата. – В. Б.)

Смерть Кутузова

А между тем Кутузов чувствовал себя все хуже и 6 апреля остановился в Бунцлау, не имея возможности следовать за армией.

Александр первые три дня оставался рядом с больным, но потом вынужден был покинуть Кутузова и вместе с Фридрихом Вильгельмом отправился дальше, в Дрезден.

Оба монарха оставили Кутузову своих лейб-медиков – Виллие и Гуфеланда, почитавшегося лучшим врачом Европы. Но их усилия оказались тщетными – 16 апреля в 9 часов 35 минут вечера Кутузов умер.

Александр велел выдать жене Кутузова двести тысяч рублей единовременно и сохранить за ней пожизненно в виде пенсии полный фельдмаршальский оклад. Дочерям Кутузова было выдано двести пятьдесят тысяч. В письме к жене Кутузова Александр писал: «Болезненная не для одних вас, но и для всего Отечества потеря, не вы одна проливаете о нем слезы: с вами плачу я, и плачет вся Россия».

Поражения союзников под Лютценом и Бауценом

А между тем произошли серьезные изменения в положении на театре войны. 16 апреля, в день смерти Кутузова, Наполеон выехал из Веймара и двинулся к Лейпцигу. Туда же поехали и Александр с Фридрихом Вильгельмом.

20 апреля войска Наполеона и русско-прусская армия, которой командовал новый главнокомандующий П. Х. Витгенштейн, сошлись под Лютценом в упорном сражении, продолжавшемся весь день. В этом бою Александр часто оказывался в боевых порядках своих войск, сказав одному из адъютантов: «В этом сражении для меня нет пуль».

И все же союзники сражение проиграли.

Вечером русские и пруссаки начали отступление.

Александр и Фридрих Вильгельм, проведенные весь день рядом, стали пробираться через обозы и раненых при свете фонаря, который нес перед ними один из флигель-адъютантов.

Ночевали они в деревне Гроич, где Александр убеждал прусского короля отойти за Эльбу.

Расстроенный поражением Фридрих Вильгельм ответил Александру с запальчивостью и обидой: «Это мне знакомо. Если только мы начнем отступать, то не остановимся на Эльбе, но перейдем также за Вислу. Действуя таким образом, я вижу себя снова в Мемеле».

Утром 21 апреля Александр послал штабс-капитана по квартирмейстерской части А. И. Михайловского-Данилевского к главнокомандующему Витгенштейну, чтобы узнать, какие распоряжения он отдал.

Михайловский-Данилевский долго искал Витгенштейна и наконец узнал от него, что он никаких распоряжений не отдавал, ожидая их от императора.

Когда же Михайловский-Данилевский возвратился к Александру, то получил приказ отправляться в городок Цейц, где в бездействии весь вчерашний день простоял Милорадович

с двенадцатью тысячами человек, оберегая левый фланг союзников от возможного обхода Наполеоном.

Милорадовичу было приказано возглавить арьергард и прикрывать союзную армию при ее отступлении на восток.

Из-за того, что у Наполеона почти не было кавалерии, он не мог достаточно энергично преследовать союзников, и Александр имел право представить эту ретираду не как следствие понесенного поражения, а как маневр.

Поэтому он наградил Витгенштейна орденом Андрея Первозванного, а Милорадовичу дал титул графа.

8 мая силы союзников выстроились в боевой порядок у Бауцена.

Прежде чем они пришли туда, к ним на соединение подошла 3-я армия, которой с середины 1813 года командовал М. Б. Барклай-де-Толли.

Вместе с армией Барклая силы союзников насчитывали девятьюстами три тысячи человек – шестьдесят пять тысяч русских и двадцать восемь тысяч пруссаков при шестистах десяти орудиях. Наполеон привел под Бауцен около ста пятидесяти тысяч солдат и офицеров при трехстах орудиях.

Два дня – 8 и 9 мая – под Бауценом кипело кровопролитное и ожесточенное сражение. Весь первый день Александр стоял на высоте при деревне Каине, а «9 мая в пятом часу утра, – писал в „Журнале 1813 года“ капитан квартирмейстерской части главной императорской квартиры А. И. Михайловский-Данилевский, – государь находился уже на высоком кургане, откуда можно было удобно обозревать все поле сражения и куда изредка долетали ядра.

Государь не съезжал с кургана до отступления армий, и перед глазами его была гора, на которой стоял Наполеон, не трогаясь с нее весь день. Вообще, я не видал сражения, в котором бы войска обеих противных сторон менее маневрировали и где главнокомандующие были бы менее деятельны, как в Бауценском.

Оба императора... не сходили с курганов. Граф Витгенштейн не оставлял ни на минуту государя и не подъезжал ни разу к войскам, а начальник штаба его несколько часов на том же кургане спал...

Вид сражения, происходившего на горах, был истинно картинный. Неприятели карабкались на крутые возвышения и были стремглав опрокидываемы. Однажды удалось им втащить на гору несколько орудий, ядра их начали доставать до государя. «Неужели вы потерпите, – сказал Милорадович солдатам, – чтобы ядра французские долетали до императора!» – и мгновенно батарея была прогнана.

«Государь на вас смотрит!» – закричал он одному полку, который при сих словах бросился в штыки и переколол французов».

В пятом часу дня русские и пруссаки начали отступление. «Государь ехал медленно, стараясь утешать короля прусского», – добавляет Михайловский-Данилевский.

Ближайшим следствием проигранного под Бауценом сражения было смещение Витгенштейна с поста главнокомандующего и назначение на его место Барклая-де-Толли.

Поражение союзников под Дрезденом

А 23 мая Наполеон неожиданно предложил заключить перемирие. Оно продолжалось до 29 июля. За это время численность русской армии возросла до трехсот пятидесяти тысяч солдат и офицеров. Главная квартира во время перемирия находилась в маленьком, уютном городке Рейхенбахе, а император со свитой разместился в его окрестностях, в замке Петерсвальде. Здесь-то и происходили важнейшие события лета 1813 года – подписание англо-прусского и англо-русского секретных соглашений, по которым Британия предоставляла союзникам два миллиона фунтов стерлингов на содержание двухсот сорока тысяч солдат и офицеров.

15 июня к англичанам, русским и пруссакам примкнули австрийцы. В конце июля армии

союзников двинулись вперед, к Дрездену, и достигли его 14 августа.

Для прикрытия правого фланга союзники оставили на юговостоке от Дрездена, у города Пирн, корпус А. И. Остермана-Толстого.

В этот день Александр и два союзных монарха сначала стояли на высотах Рекница, наблюдая за движением своих и вражеских войск, но не решаясь на какие-нибудь кардинальные действия. Наконец было решено провести на виду у Наполеона «большую демонстрацию», развернув на город атаку пяти колонн фронтом в пятнадцать верст.

Колонны не успели еще развернуться, как союзные монархи переменили решение. Но было поздно – войска шли к Дрездену, а французы начали контрнаступление.

Всю вторую половину дня, с 6 часов пополудни, продолжалось сражение, к темноте закончившееся тем, что французы сумели отбросить союзников на исходные позиции.

До глубокой ночи Александр был на позиции, а затем уехал на ночлег в замок Нетниц. Сквозь сон он слышал, что за окнами началась гроза, перешедшая затем в бурю.

А между тем сотни тысяч людей стояли в грязи под дождем и ураганным ветром, дожидаясь восхода солнца. Положение усугублялось еще и тем, что у союзников почти не было продовольствия, и они третьи сутки держались на сухарях и воде.

15 августа в шестом часу утра Александр выехал на позиции и поспел к самому началу артиллерийской канонады.

Дождь и ветер продолжались с прежней силой. Французы начали атаку на левый фланг, где стояли австрийцы, а затем нанесли удар по центру и почти одновременно – по правому флангу союзников. Ядра падали у самых ног коня Александра, но он не отодвигался ни на шаг, словно испытывая судьбу.

Положение императора показалось опасным только что принятому на службу бывшему генералу Наполеона Моро, и он подъехал к Александру, предлагая переехать на другую высоту – недостижимую для ядер противника.

Жан Виктор Моро был одним из самых талантливых генералов Наполеона, но в 1804 году был выслан из Франции по обвинению в подготовке заговора против Бонапарта. В июле 1813 года он приехал из Америки, где прожил девять лет в эмиграции, и предложил свои услуги Александру. Моро стал генералом русской службы и в битве под Дрезденом стоял стремя в стремя с императором. Он-то и предложил Александру переехать из-под обстрела на другое место.

Александр согласился, но не успел еще и тронуть коня, как ядро оторвало сидевшему в седле Моро правую ногу, пробило круп лошади и на вылете раздробило левую ногу. Потом говорили, что этот выстрел из пушки произвел сам Наполеон, узнавший в подзорную трубу своего давнего врага и недоброжелателя.

Несмотря на оказанную тут же помощь, Моро, не издавший при ампутации обеих ног ни единого стона, через шесть дней скончался.

Вскоре после того, как унесли смертельно раненного Моро, пришла весть, что разбиты четыре полка австрийцев и захвачено шестнадцать орудий. К тому же Александру сообщили, что потери союзников за два дня сражения достигли тридцати тысяч человек.

К ночи в темноте и слякоти голодная и изнуренная непогодой армия союзников начала отступление. Ночью дождь и ветер усилились, войска – на треть босые – шли по колено в грязи.

Вымокший под дождем и облепленный грязью Наполеон в это же время въезжал в украшенный иллюминацией Дрезден.

Переночевав в Дрездене, Наполеон дал своим войскам для отдыха одну ночь, и они, едва успев обсушиться и согреться, утром 16 августа начали преследование отступающей армии союзников.

Победа русских войск под Кульмом

Французский генерал Вандамм, занимавший Пирнское плато и ближе всех стоявший к путям отступления союзников, получил приказ Наполеона атаковать стоявший против него отряд Евгения Вюртембергского.

В этот же день Остерман-Толстой узнал из перехваченной переписки, что корпус Вандамма идет наперерез союзникам. Остерман принял решение отступить к Кульму и Теплицу и здесь дать бой французам.

Тогда же четырнадцать тысяч солдат и офицеров Остермана-Толстого весь день сдерживали натиск превосходящих сил противника. На следующий день к Кульму подошли полки русской гвардии, которыми командовал Ермолов. Гвардейцы заняли позицию южнее Кульма и не сходили с нее до подхода главных сил. А между тем русские и пруссаки зашли в тыл корпусу Вандамма, и ему не оставалось ничего иного, кроме того, чтобы сбить гвардию с позиций.

Утром 18 августа подоспели главные силы союзников, в авангарде которых шли полки Баркляя-де-Толли.

Вандамм был окружен, но не сдавался. Лишь к середине третьего дня сражения он понял, что обречен, и сдался лично Александру, наблюдавшему за окончанием битвы, где были пленены двенадцать тысяч солдат и офицеров, взято восемьдесят четыре орудия и весь обоз.

Описывая исход сражения при Кульме, Михайловский-Данилевский писал: «Между тем пленные проходили целыми колоннами мимо императора, имея офицеров во взводах, а впереди полковников и майоров.

Наконец показался издали и французский главнокомандующий Вандамм. Завидя государя, он сошел с лошади и поцеловал ее. Его Величество сначала принял его с важностью, но когда Вандамм сделал масонский знак, император сказал ему: „Я облегчу сколько можно вашу участь...“.

Государь объезжал все поле и оказывал раненым возможное пособие. Он благодарил полки за храбрость и приветствовал громогласными восклицаниями. Радость изображалась на лице его, это было первое совершенное поражение врагов, при котором он лично присутствовал. Он до конца жизни своей говаривал о нем с особенным удовольствием, и хотя впоследствии одерживал победы, несравнимо значительнейшие, но Кульмское сражение было для него всегда любимым предметом воспоминаний».

В то же время, когда Вандамм протянул свою шпагу Александру, пришло известие о победах при Каусбахе и Гроссбеерне, одержанных союзными полководцами Блюхером и Бернадотом. Резонанс от этих трех побед был настолько велик, что австрийцы переменили ранее принятое решение отступать в Австрию и выходить из коалиции. Александр же, впервые увидевший разгром и пленение неприятельского корпуса, считал «Кульмские Фермопилы» одним из счастливейших дней своей жизни и всегда любил вспоминать об этом событии.

Эта победа, произошедшая на глазах Александра I, побудила его наградить Семеновский и Преображенский гвардейские полки и Гвардейский Морской экипаж, сражавшийся в пешем строю, знаменами с надписью: «За оказанные подвиги в сражении 17 августа 1813 года при Кульме». Измайловский и Егерский гвардейские полки получили георгиевские серебряные трубы, а Уланский татарский полк – серебряные трубы с надписью: «За отличие в сражении при Кульме 17 августа 1813 года». Союзный России король Пруссии Фридрих Вильгельм III наградил семь тысяч русских солдат и офицеров специально учрежденным орденом – Кульмским крестом: почти точной копией Железного креста, появившегося чуть раньше, только без королевского вензеля.

«Битва народов» под Лейпцигом

Следующее сражение оказалось самым крупным в истории войн. Оно произошло под Лейпцигом и длилось с 4 по 7 октября. В нем приняли участие с обеих сторон более полумиллиона человек при двух тысячах орудий.

4 октября рано утром Александр приехал на поле предстоящего сражения и еще до его начала вынужден был вступить в полемику с главнокомандующим союзными армиями, австрийцем князем Шварценбергом, который предполагал поставить русские полки в очень невыгодную позицию между реками Плейсой и Эльстером. Александр решительно возразил против этого намерения Шварценберга и сказал, что князь может ставить туда австрийцев, но ни одного русского там не будет.

Ближайшее будущее показало его правоту – австрийцы вскоре же были опрокинуты, а их командир, генерал Мерфельд, попал в плен.

К трем часам дня союзники были сбиты с занятых ими позиций, но Александр, находившийся при армии, взял инициативу на себя и приказал ввести в бой резервную артиллерию и гвардию.

Это решение, которое многие военные историки считали звездным часом Александра-военачальника, изменило ход сражения: атаки противника захлебнулись в огне ста двенадцати русских орудий.

В этот момент Александр проявил и личное мужество – он отказался уехать со своего пункта, хотя ядра прыгали вокруг него и неприятель был совсем близко. Это случилось, когда французы захватили деревню Госсу и, прорвав своей многочисленной кавалерией русский центр, вышли к императорской ставке.

Александр приказал бросить в бой даже свой казачий лейб-конвой, который во главе с графом В. В. Орловым-Денисовым отчаянно кинулся на французских кирасир и повернул их вспять.

Находившийся рядом с Александром Михайловский-Данилевский потом писал: «Я смотрел нарочно в лицо государю; он не смешался ни на одно мгновение и, приказав сам находившимся в его конвое лейб-казакам ударить на французских кирасир, отъехал назад не более как шагов на пятнадцать. Положение императора было тем опаснее, что позади его находился длинный и глубокий овраг, через который не было моста».

Французы прекратили атаки и вступили в полуторачасовую артиллерийскую дуэль. Расстояние между батареями было не более версты, и в течение полутора часов над полем у деревни Вахау гремела канонада, превосходившая по своей мощи даже сражение при Бородино.

5 октября Наполеон отправил к союзникам, взятого накануне в плен австрийского генерала Мерфельда с предложением перемирия, но Александр наотрез отказался вести какие-либо переговоры.

Прождав ответа весь день 5 октября и так и не дождавшись, Наполеон в ночь на 6 октября отступил ближе к Лейпцигу и встал в семи верстах от города, ожидая продолжения сражения с превосходящими силами противника.

Александр появился на позициях рано утром 6 октября, когда войска еще стояли на биваках. Вместе с центральными колоннами он весь день находился в зоне огня, под гранатами и ядрами, координируя действия всех союзных армий, которые наступали на Лейпциг с трех сторон – с юга, востока и с севера.

Формально главнокомандующим был Шварценберг, но все, находившиеся в ставке и на так называемом Монаршем холме, где стояли два союзных императора и прусский король, единодушно считали, что 6 октября руководителем «Битвы народов» был Александр.

Руководство его не было безупречным. Главным недостатком считают бездействие примерно ста тысяч союзных войск, не участвовавших в боях и оказавшихся сторонними наблюдателями происходящего.

Вечером, когда сражение затихло, Александр предложил переправить ночью русскую гвардию и гренадер на левый берег реки Эльстер, чтобы перерезать назавтра пути отступления Наполеона, которое Александр считал неизбежным.

Шварценберг ответил, что солдаты голодны и устали и поэтому не смогут выполнить предлагаемый маневр.

(Ближайшее будущее показало, насколько прав был Александр, предвидя отступление Наполеона за Эльстер. Однако он не настоял на этом, потому что не был поддержан союзными генералами и Фридрихом Вильгельмом.)

Было решено наутро идти со всех сторон к Лейпцигу и взять город.

С рассветом Александр объехал русские полки и, обращаясь к солдатам, сказал: «Ребята! Вы вчера дрались, как храбрые воины, как непобедимые герои; будьте же сегодня великодушны к побежденным нами неприятелем и к несчастным жителям города. Ваш государь этого желает, и если вы преданны мне, в чем я уверен, то вы исполните мое приказание».

В 7 часов утра 7 октября армии союзников отовсюду устремились к Лейпцигу. Первыми на улицы города ворвались русские полки 26-й дивизии И. Ф. Паскевича из армии Беннигсена. Следом за ними вошли еще две русские дивизии, после чего с востока в город вошла Северная армия Бернадота. Оттуда же вступила в Лейпциг и Силезская армия Блюхера.

Александр стоял на южной стороне, дожидаясь сообщения о падении города, и, не получив его, решил ехать в Лейпциг, несмотря на то, что там еще шли уличные бои.

Через Гримаусские ворота он въехал в город, следуя за русским корпусом Витгенштейна и прусским корпусом Клейста.

В южной части Лейпцига бои уже затихли, в северной – все еще продолжались. Через час Александр остановился на главной площади Лейпцига, и мимо него стали проводить десятки тысяч пленных французов. Среди них оказалось и немало генералов, в том числе и командиры корпусов – Ренье и Лористон, тот самый Лористон, кому довелось быть последним посланцем Наполеона в России.

Александр был великодушен и приказал вновь назначенному губернатору Саксонии князю Н. В. Репнину озаботиться участью Лористона.

Опасаясь окружения, Наполеон вышел за город со стотысячной армией. Он потерял до шестидесяти тысяч убитыми и ранеными и двадцати тысяч пленными, а также триста двадцать пять орудий.

Потери союзников составили около пятидесяти тысяч человек.

Бросок за Рейн

Через две недели, 21 октября 1813 года, французская армия перешла Рейн и оставила пределы Германии. Только на севере страны в нескольких крепостях все еще оставались французские гарнизоны.

Князь Шварценберг, получив известие об отступлении Наполеона за Рейн, таким образом составил маршрут движения союзных войск, что австрийский император Франц должен был первым въехать в древний имперский город Франкфурт. Однако русские узнали об этом, и Александр 24 октября сам въехал в город с семью с половиной тысячами кавалеристов, а на следующий день встретил Франца во Франкфурте на правах гостеприимного хозяина.

Главная квартира союзников здесь и остановилась, и более чем на месяц к Франкфурту были обращены взоры всех европейских дворов, и десятки коронованных особ стали его завсегдатаями, ища покровительства и союза у Александра, более чем у Франца или Фридриха Вильгельма.

Между тем в стане союзников начались опасные разногласия: все они, кроме Александра, склонялись к тому, чтобы заключить с Наполеоном мир, если он уйдет во Францию и

выведет свои войска из всех покоренных им стран.

Наконец, 19 ноября на военном совете союзников было решено начинать зимний поход и вторгаться во Францию. 29 ноября Главная квартира выступила из Франкфурта. В начале декабря Александр остановился в Карлсруэ и несколько дней отдыхал там, находясь в обществе своей тещи – марк-графини Баденской, в чьи владения привела его война.

Затем он переехал в недалекий от Карлсруэ Фрейбург и здесь накануне нового 1814 года отдал приказ о переходе Рейна и вторжении во Францию.

Вот этот приказ: «Воины! Мужество и храбрость ваша привели вас от Оки на Рейн. Они ведут нас далее: мы переходим за оный, вступаем в пределы той земли, с которою ведем кровопролитную жестокою войну. Мы уже спасли, прославили Отечество свое, возвратили Европе свободу ее и независимость. Остается увенчать подвиг сей желаемым миром. Да водворятся на всем шаре земном спокойствие и тишина! Да будет каждое царство под единой собственною правительством своею властью и законами благополучно! Да процветают в каждой земле, ко всеобщему благоденствию народов, вера, язык, науки, художества и торговля! Сие есть намерение наше, а не продолжение брани и разорения. Неприятеля, вступаю в средину царства нашего, нанесли нам много зла, но и претерпели за оное страшную казнь. Гнев Божий поразил их. Не уподобимся им: человеколюбивому Богу не может быть угодно бесчеловечие и зверство. Забудем дела их, понесем к ним не месть и злобу, но дружелюбие и простертую для примирения руку». 1 января 1814 года, ровно через год после перехода через Неман, русские войска форсировали Рейн и вторглись во Францию. Александр стоял у моста под дождем и мокрым снегом, под холодным и резким ветром, вспоминая прошедший год, начавшийся для него в Литве и закончившийся на границе Франции...

От Рейна до Парижа

Главная армия союзников медленно шла по департаментам Франции, построившись в восемь колонн и развернувшись по фронту на триста пятьдесят верст.

Хотя погода была по-прежнему скверная, Александр большую часть времени ехал не в карете, а верхом. Приучив себя не бояться простуды и хорошо закалившись с детства, он ехал без шинели, в одном мундире, чаще всего парадном, и очевидцы утверждали, что, казалось, будто не на войне происходит все это, а едет русский император на какой-то веселый праздник.

Останавливаясь на ночлег, Александр принимал представителей местных властей и, как правило, очаровывал своим совершенно свободным и даже изысканным французским языком, которым он владел лучше корсиканца Наполеона, пленяя слушателей еще более ласковым обращением и обещаниями своего покровительства.

Однако столь идиллические и мирные картины представлялись лишь тем, кто не знал положения дел в Главной квартире. А суть их состояла в том, что три монарха и Шварценберг находились в постоянных распрях и никак не могли договориться о согласованных действиях против Наполеона. Так как они двигались вместе с Главной квартирой, то и останавливались в одном и том же месте.

Нередко случалось, что Александру среди ночи доставляли срочные и важные донесения, и он вставал с постели, быстро одевался и выходил под дождь и снег, чтобы посоветоваться с Францем, Фридрихом Вильгельмом или Шварценбергом.

Он, не чинясь, входил в занятые ими дома и, сев на край постели, ждал, пока кто-либо из них прочтет донесение и выскажет свое мнение.

10 января Главная квартира остановилась в Лангре – городе, лежащем в водоразделе рек Сена и Сона на юго-востоке Парижского бассейна. Здесь впервые Париж из далекого

стратегического пункта стал превращаться в близкую осязаемую реалию, находившуюся в шести переходах.

Сюда, в Лангр, по приглашению Александра приехал Лагарп, и их встреча после двенадцатилетней разлуки была необычайно теплой.

Здесь же союзники вновь стали обсуждать вопрос: воевать дальше или же вновь выставить перед Наполеоном требование возвратиться в границы 1792 года?

Споры в Лангре шли около недели. И в тот день, когда они завершились, в ночь с 16 на 17 января, Александр получил извещение, что Наполеон начал наступление на Силезскую армию Блюхера.

17 января армия Блюхера, выдержав тяжелый бой, отступила. Сражение происходило под Бриенном, где Наполеон с десяти до пятнадцати лет учился в военном училище. В этом бою и Блюхер, и Наполеон едва не попали в плен, но и для того и для другого все обошлось благополучно.

Союзники отошли на шесть верст к деревне Ля-Ротьер, где Наполеон вновь потерпел поражение, но затем фортуна опять повернулась лицом к своему любимцу, и он в четырех сражениях разбил армию фельдмаршала Блюхера. Это послужило причиной того, что Шварценберг отдал приказ об отступлении союзников. Однако Александр решительно воспротивился и потребовал немедленно остановить губительную и бессмысленную ретираду и перейти в наступление.

«Если мое требование не будет исполнено, – сказал Александр, – то я отделюсь от Главной армии со всеми находящимися в ней русскими войсками, соединюсь с Блюхером и пойду на Париж».

Александр обратился к Фридриху Вильгельму с вопросом, помогут ли пруссаки ему в этом намерении.

И прусский король согласился с Александром. Австрийцам не оставалось ничего другого, как поддержать русского императора.

Взятие Парижа

12 марта Александр принял решение идти на Париж, но Шварценберг приказал своим войскам действовать по направлению к Витри, преследуя отступающего Наполеона, который намеренно уводил австрийцев и пруссаков от Парижа. Александр же считал главной задачей занятие Парижа и пошел напрямую к французской столице.

Русский император со своим штабом догнал Шварценберга, вместе с которым ехал и прусский король, остановил их и, разложив перед ними карту, сумел быстро убедить и того и другого в правильности своего плана.

Шварценберг тут же послал приказы всем корпусам Богемской армии менять направление движения и идти на Париж.

Для того чтобы Наполеон был введен в заблуждение, вслед его войскам, уходившим к Сен-Дизье, был послан крупный кавалерийский отряд, которым командовал генерал барон Винценгероде. Ему было приказано высылать вперед квартирмейстерские команды для мнимого заготовления квартир союзным монархам, чтобы лазутчики и осведомители Наполеона сообщали ему о движении главных сил по его пятам.

13 марта союзники начали наступление на Париж. В этот же день их кавалерия при деревне Фер-Шампенуаз нанесла стремительный удар по корпусам Мармона и Мортье, шедшим на соединение с главными силами Наполеона. Двадцать три тысячи французских пехотинцев при восьмидесяти двух орудиях были атакованы шестнадцатью тысячами кавалеристов, которыми командовал Барклай-де-Толли. Французы, выдвинув вперед артиллерию, встали в огромное ошестинившееся штыками каре. Предложение сдаться они отвергли и были смяты и изрублены русскими кирасирами, драгунами и уланами.

Одновременно с этим севернее Фер-Шампенуаза 2-й кавалерийский корпус под командованием генерал-лейтенанта барона Ф. К. Корфа атаковал пехотные дивизии генералов Пакто и Аме и тоже разбил их.

Александр лично руководил этим боем. Как и солдаты Мармона и Мортье, дивизии Аме и Пакто тоже встали в каре и тоже отказались сдаваться.

Русская кавалерия начала беспощадную рубку пехоты. Александр, видя это и желая прекратить кровопролитие, отдал приказ прекратить бой, но в пылу борьбы офицеры не могли остановить своих подчиненных.

Тогда Александр, подвергая себя смертельной опасности, сам въехал в погибающее французское каре, окруженный лейб-казачьим полком.

Наконец резня прекратилась.

Остатки французских войск из-под Фер-Шампенуаза отошли к Парижу. По их следам армии союзников двинулись на столицу Франции.

Вечером 17 марта Александр и его свита остановились на ночлег в замке Бонди, в семи верстах от Парижа. Сто тысяч союзных войск (из них шестьдесят три тысячи русских) встали у стен города.

В полдень 18 марта 1814 года союзные войска ворвались в приготовившийся к сопротивлению Париж. Наполеон шел на помощь своей столице, но он был еще далеко, и войск у него было гораздо меньше, чем у его противников.

В то время, когда происходили эти события, вся свита Александра уже была в седлах и только ожидала его выхода. Однако Александр во дворе замка Бонди не появлялся, он беседовал со взятым в плен саперным капитаном Пейром, которого привели к нему.

После получасового разговора с ним Александр попросил Пейра поехать к главнокомандующему и объявить ему, что русский император требует сдачи Парижа, и что он воюет не с Францией, а с Наполеоном.

Вместе с Пейром в Париж поехал флигель-адъютант Александра полковник М. Ф. Орлов.

«Если мы можем приобрести этот мир не сражаясь, тем лучше, – сказал Орлову Александр, – если же нет, то уступим необходимости – станем сражаться, потому что волей или неволей, с бою или парадным маршем, на развалинах или во дворцах, но Европа должна нынче же ночевать в Париже».

Вечером в Париж прибыл адъютант Наполеона генерал-лейтенант де Жирарден. Он передал устный приказ Наполеона взорвать гренельский пороховой склад «и в одних общих развалинах погребсти и врагов, и друзей, столицу со всеми ее сокровищами, памятниками и бесчисленным народонаселением». Однако полковник Лескур, которому было приказано сделать это, отказался, потребовав письменного приказа императора.

В два часа ночи к М. Ф. Орлову с письмом за подписью Нессельроде приехал полковник Парр. Союзники соглашались выпустить из Парижа французскую армию, но сохраняли за собой право преследовать ее. Маршал Мармон согласился на это условие, и за четверть часа Орлов составил договор о капитуляции Парижа.

В соответствии с ним французские войска должны были оставить город к семи часам утра, а союзники могли войти в Париж не ранее девяти утра.

Все арсеналы и военные склады должны были в полной сохранности перейти в руки союзников. Национальная гвардия и жандармерия обезоруживались. Последняя статья договора гласила: «Город Париж передается на великодушные союзных государей».

В ночь с 18 на 19 марта префект департамента Сены Шаброль, префект полиции Пакье и некоторые мэры парижских районов прибыли в Бонди, в Главную квартиру Александра, сопровождаемые М. Ф. Орловым.

Утром 19 марта Александр сказал депутатам: «Судьба войны привела меня сюда. Ваш император, бывший мой союзник, обманул меня трижды. Он пришел даже в недра моей

державы, неся бедствия и опустошения, следы которых надолго останутся неизгладимыми. Защита справедливого дела привела меня сюда, но я далек от мысли воздать Франции злом за зло. Я справедлив. Я знаю, что французы в том невиновны. Я почитаю их своими друзьями и хочу доказать им, что, напротив тому, плачу за зло добром. Один лишь Наполеон мне враг. Я обещаю свое покровительство Парижу и буду заботиться о сохранении всех его гражданских заведений. В столицу войдут лишь отборные войска. Ваша Национальная гвардия, состоящая из лучших граждан Парижа, останется неприкосновенной. А о будущем вашем счастье вы должны заботиться сами.

Вам необходимо правление, которое возвратило бы спокойствие и вам, и Европе – исполните это, и вы найдете во мне того, кто всегда будет содействовать вашим усилиям».

Вскоре после того, как делегация покинула замок Бонди, туда приехал Коленкур, присланный Наполеоном. Коленкур передал просьбу Наполеона о немедленном заключении мира, на ранее предложенных ему союзниками условиях.

Александр решительно отказал и добавил, что союзники намерены лишить Наполеона трона, а затем согласиться «с общим голосом почетнейших людей Франции».

Когда Коленкур вышел во двор замка, он увидел стоящую под седлом светло-серую лошадь, на которой Александр должен был въехать в Париж. Коленкур узнал ее. Эту лошадь по имени Эклипс Коленкур подарил, по приказу Наполеона, Александру после подписания Тильзитского мира.

В 10 часов утра Александр выехал из Бондийского замка в Париж.

Через версту он встретил прусского короля и Шварценберга, пропустил вперед русскую и прусскую гвардейскую кавалерию и во главе свиты более чем в тысячу офицеров и генералов многих национальностей, одетых в парадные мундиры, при всех орденах двинулся к столице Франции. Следом пошли русский гренадерский корпус, дивизия гвардейской пехоты, три дивизии кирасир с артиллерией и дивизия австрийских гренадер.

Чудесная погода усиливала торжественность и праздничность этого великолепного шествия.

Обратившись к ехавшему рядом с ним Ермолову, Александр сказал:

– Ну что, Алексей Петрович, теперь скажут в Петербурге? Ведь, право, было время, когда у нас, величая Наполеона, меня считали за простачка.

Ермолов смутился.

– Не знаю, государь. Могу сказать только, что слова, которые я удостоился слышать от Вашего Величества, никогда еще не были сказаны монархом своему подданному.

Город встретил Александра криками тысячных толп: «Виват, Александр! Виват, русские!» – сделав въезд победителей в Париж подлинным триумфом, не уступавшим по торжественности таким же въездам Наполеона после одержанных им побед.

Затем Александр четыре часа принимал парад союзных войск, после чего пешком отправился в дом Талейрана. Как только Александр туда прибыл, началось совещание, на котором, кроме него, были: Фридрих Вильгельм, Шварценберг, Нессельроде, Талейран, герцог Дальберг, князь Лихтенштейн и генерал Поццо ди Борго.

Целью совещания было наметить переход к новой власти, так как Александр был решительно настроен заставить Наполеона отречься от престола.

Александр открыл собрание краткой речью, в которой заявил, что его главной целью является установление прочного мира. Что же касается будущего устройства Франции, то союзники готовы на любой из вариантов: на регентство жены Наполеона императрицы Марии Луизы при сохранении трона за трехлетним сыном ее и Наполеона Жозефом Бонапартом; на передачу власти Бернадоту; на восстановление республики и на возвращение Бурбонов, словом, на любое правительство, угодное Франции.

Все присутствующие высказались за Бурбонов. Выступавший последним, Талейран

закончил свою речь словами:

– Возможны лишь две комбинации: Наполеон или Людовик XVIII. Республика невозможна. Регентство или Бернадот – интрига. Одни лишь Бурбоны – принцип.

Завершая заседание, Александр сказал:

– Нам, чужеземцам, не подобает провозглашать низложение Наполеона, еще менее того можем мы призывать Бурбонов на престол Франции. Кто же возьмет на себя инициативу в этих двух великих актах?

И Талейран указал на Сенат, который должен был немедленно назначить Временное правительство.

20 марта Сенат под руководством Талейрана учредил Временное правительство, а на следующий день объявил Наполеона и всех членов его семьи лишенными права занимать французский престол.

21 марта Александр снова принял Коленкура и заявил ему, что Наполеон должен отречься от престола.

На вопрос Коленкура, какое владение будет оставлено Наполеону, Александр однозначно и конкретно ответил:

– Остров Эльба.

Письмо Баркляя-де-Толли приемной матери от 5 мая 1814 года

О том, насколько скромно и просто был Барклай-де-Толли, свидетельствует его письмо, написанное почти сразу же после того, как он получил звание фельдмаршала.

В детстве – с трех лет – воспитывался он у своей двоюродной тетки в Петербурге, небогатой доброй женщины, заменившей ему мать.

С пятнадцати лет началась для Баркляя военная служба, а фельдмаршалом стал он, когда было ему пятьдесят два года. Следовательно, у своих приемных родителей не жил он уже почти сорок лет. Но добрые чувства сохранил все эти годы.

Вот его письмо к приемной матери, написанное из взятого Парижа 5 мая 1814 года: «Милостивейшая тетушка! Непрерывные военные действия долго лишали меня удовольствия засвидетельствовать вам письменно мою сыновнюю преданность. Так как мы в настоящее время достигли желанной цели, то я прошу позволения выразить вам, милостивая моя благодетельница, чувства моего сердца.

Я желал бы выразить вам в полной мере мою благодарность; до могилы сохранятся во мне воспоминания о родительском попечении, которым вы и незабвенный мой воспитатель (муж тетки бригадир Вермелейн, к тому времени уже умер – В. Б.) окружали мою молодость... Почтительнейше целую ваши руки и остаюсь навсегда, милостивейшая моя благодетельница, преданный вам Михаил Барклай-де-Толли».